

СамИздат

Все женщины хотят замуж, и неважно, что они при этом говорят. А если не хотят, значит, это какие-то неправильные женщины, и надо выдать их замуж, чтобы вправить мозги. Правда, если женщина талантливый алхимик... может, ну её?

==== Часть первая: Змеючка =====

Травница

Травки попроще, вроде эльфийского уха и хрустальной благодати, мать выращивала в огороде рядом с обычной зеленью. За не простыми надо было ходить в лес. Отец со старшими братьями ходили аж до Гребенчатых гор и приносили оттуда не только феландарис и корень смерти, а ещё и скорлупу от яиц виверн, перья иглоспинов и прочие штучки, добывать которые было очень опасно, но за которые в городе очень неплохо платили. Ни Камиллу (не очень-то она и рвалась), ни Яна (а вот он, наоборот, злился) что к Гребенчатым горам, что — тем более — в Костяной распадок отец не брал. Хватало с них и рощиц по обе стороны тракта, берегов Белой и лужаек по дороге к полям.

Но в Запретный лес мать их после долгих споров всё-таки отпустила, потому что багряные лилии цвели только в тамошних заводях, стоили они целое состояние, а особой опасности для детей травницы и охотника с четвертушкой эльфийской крови в дриадском лесу не было. Правда, за день до похода туда заставила переделать всю возможную домашнюю работу — наверное, надеялась, что после того, как они прополют и польют все грядки, а потом заново натаскают воды в бочки, желания тащиться куда-то за пять с лишним лиг у них поубавится.

Не поубавилось. Встали до света, наскоро перекусили, похватали приготовленные с вечера котомки и удрали, когда батрачки ещё только поднимались и одевались-причёсывались, прежде чем доить коров и готовить поесть (мать вставала уже к готовому завтраку, но она и ложилась всегда хорошо за полночь, подтверждая тем самым репутацию ведьмы).

За каким огром с ними увязался Миха, про то Создатель ведаёт. Камилла Мишу не сильно любила, но детям ведьмы и остроухого отродья больно-то рыться в друзьях не приходилось. Немного в селе было желающих водить с ними дружбу, и теми, что имелись, разбрасываться не стоило. Так что Камилла только не особенно ласково кивнула и сказала:

— Ты гляди, Миха, тебя дриады могут и не пустить. Придётся одному ни с чем возвращаться. Дядька-то что скажет, если целый день где-то впустую прошатаешься?

— Да скажу, что с девками лесными говорил, как вот с тобой сейчас — ему ж любопытно станет, пожалуй, и ругаться забудет.

Он улыбнулся, поиграв ямочками на щеках. Красив он был в матушку, но Камилле всё казалось, что глаза у него какие-то... как у рыси в засаде. И болтали в селе про то, как он дядьке в трактире помогает, много всякого, но тут уж Камилла только морщилась — про матушку ещё и не того можно было наслушаться. Как она, подоткнув юбку выше колен, по

воде бродит раным-ранёшенько, пока добрые люди только глаза продирают — с водяником путается, ясное дело. А вовсе не корни ножелиста собирает.

День собирался жаркий — трава была вся в росе, — поэтому по холодку постарались пройти побольше, не останавливаясь передохнуть у Трёх Ключей. Миха что-то болтал про дядькин трактир, Ян хвастался, что отец обещал взять его с собой в город, только Камилла помалкивала, так что Миха в конце концов сказал:

— Ты, Мила, как и не девочка вовсе. Молчишь да молчишь.

— Вы зато языками работаете почище всяких баб, — усмехнулась она. Хотела сказать, что Камилла она, а не Мила, но с языка так и сорвалось ехидное: — Прямо как отец с проезжим магом — за два часа хоть бы передышку какую сделали. Нет ведь, трындели не затыкаясь. Зато бабы болтливые, да. А мужики — сплошь молчуны.

— А о чём говорили? — братца в тот вечер дома не случилось, на рыбалке, что ли, был — вот уж он локти потом кусал: как же, настоящий маг с звездой на лбу в гостях два с лишним часа просидел, а Ян ни словечка из того разговора не слышал!

— Начали про то, как яйца виверн раздобыть, целые, не высиженные ещё. А потом про всё подряд.

— Не высиженные... — Ян зябко поёжился. — Отца небось в проводники звал?

— Ага.

— Манкс, господина Андреаса управитель, говорил, будто ихняя милость наместнику писали, что виверны-де так расплодились, аж на дальние пастбища народ уже боится скотину гонять. Пока ещё только овец да телят таскают, а ну как за пастухов примутся? И вроде как господин наместник обещались солдат прислать, — сказал Миха, который всегда знал, что во владетелевом доме творится, потому что тамошний управитель господин Манкс, лично забрав хозяйскую почту со станции, любил заглянуть в трактир, выпить кружечку пива, которое трактирщиковой жене всегда как-то особенно удавалось, и поболтать под это пиво с хозяином «Золотой подковы»: в замке-то с кем ему? Хозяевам он не ровня, а с прислугой панибратство разводить — не таков был господин Манкс.

— Если правда солдат пришлют, цены упадут вдвое на всё, — заметила Камилла. — На зубы, на кровь, на яд... на скорлупу тоже.

— Ой, станут солдаты со всем этим добром возиться!

— Солдаты не станут, да с ними же мага пошлют, а то и двух. А уж маги такому добру пропасть не дадут.

Миха как-то странно глянул на неё, хмыкнул и вдруг сказал:

— А правда, будто матушка твоя примака для тебя присматривает?

Камилла дёрнула плечом. Был уже такой разговор. Мать считала, что ни от мужа, ни от сыновей в доме толку нет, — всё их носит по лесам да по перевалам — и подумывала о том, чтобы подыскать Камилле скромного и работающего парня из бедной семьи, куда ни одну девку, кроме совсем уж страшеньких или таких же нищих бесприданниц, никто не отдаст. Нанять батраком того же Сима, среднего у вдовы Марты, поглядеть на него годик поближе, а там и оставить при доме — вот и будет Камилле вроде как муж, отец её детям, а Лавандетравнице работник за харчи и одежду. Всем хорошо, особенно Симу, потому что девчонки-батрачки в ответ на дразнилки вроде «ведьминых служанок» только языки показывали да отвечали: «Как мы у ведьмы едим, так тебя родная мать в жизни кормить не станет». Платить им матушка не платила, но всё село знало, что за батрачками своими травница всегда даёт хорошее приданое. А девки при этом вовсе не порченые, дивились в селе. В

доме два взрослых холостых парня да третий подрастает, а невесты, по три-четыре года у ведьмы отработавшие, исправно вывешивают на ворота честные простыни.

Разве что колдовство тут какое? Но святая мать никакого зловредного колдовства не находила, а матушка каждый год без понукания ездила по осени в город у Искателей отмечаться. Связываться же с теми, за кем Искатели присматривают, дураков не было. Если, Создатель храни, слабенький поднадзорный колдун в доме своём при пожаре в дыму, скажем, задохнётся, то приедет совсем не слабенький маг с чёрной звездой на лбу, и выложишь ему всё, что знаешь, да всё, что помнишь и что давно забыл. И если хоть мимо проходил, когда сгоревший дом соломой обкладывали, то поедешь в каторжный карьер до скончания своего века киркой махать — камня Империи надо много, а век у каторжников короткий.

— Тебе-то что за печаль? — спросила Камилла, морщась. Далось ей это замужество! Она мышкой сидела на кухне, разбирая ягоды: эти, крупные и не помятые — трактирщику продать, проезжие господа такое покупают, денег не жалея; спелые, но мелкие — высушить на зиму, в отвары или в настойки пойдут; а всё остальное — в варенье или на пастилу, у Дины пастила отменная получается. Работа занимала только глаза и руки, а уши были свободны, и Камилла заворожённо слушала мага, пустившегося в воспоминания о чародейской школе, где он учился. Как бы она тоже хотела в такую попасть! А тут: замуж, примак... сто лет ей не сдался этот Сим, телок белобрысый, безответный.

— Дядька с женой говорили, что кабы тебя за меня отдали, так не то чтоб приданого не просили, а ещё приплатили бы.

— Тебе что, — неожиданно взъярился Ян, — сестра моя — кобыла, что ли, платить за неё, блядь?

Миха отчаянно замотал кудрявой головой.

— Да я-то чего? Дядька это размечтался, что вот кабы своя травница при трактире была, до чего ж бы всем хорошо было. К важным-то господам, понятно дело, в замок всё равно за госпожой Инессой посылать, а кто попроще, так тут же бы и готовить для них отвары всякие да натирания.

Камилла хмыкнула. Монастырские Сады — село и раньше было немаленькое, а после того, как Восточный тракт не подлатали в очередной раз, а чуть ли не заново построили, оно ещё разрослось: путешественников надо было кормить, поить, обстирывать, чинить обувь, одежду и лошадиную сбрую, лошадей для почтовой станции тоже кормить-лечить-подковывать, ходить за ними. Мастерских прибавилось вдвое, лавки пооткрывались с городскими товарами, и даже бойкая дамочка купила бывший старостин дом и устроила в нём весёлое заведение. Сельчане туда, понятно, не ходили (кроме разве что братцев Камиллы, так они ж ведьмины дети, с них и спрос другой): и дорого, и жена с тещей сгрызут потом с костями, — но на деньгах же не написано, из какого места их вытащили, а кормить что девушек, что их гостей надо было каждый день, и не по разу, вот и носили туда на продажу и молоко, и яйца, и цыплят, и зелень, и ягоды-яблоки...

И понятно, что в дороге случается всякое: и живот может прихватить, и от разбойников, бывает, приходится отбиваться, а звать каждый раз госпожу Инессу из замка — у кого ещё денег хватит, чтобы настоящему магу-целителю заплатить. Звали костоправа, но тот же сам ни мази, ни капли не делает, к травнице за этим посылает. Словом, работы у матери было выше головы. И если сельчане сами бегали, то путников к ней трактирщик направлял за свою долю от выручки. И доли этой ему, стало быть, показалось мало, раз он надумал свою

травницу при трактире занять? Ну да, невестке же платить не надо, знай корми её да одевай.

— «Ты-то чего»? — передразнил неожиданно всерьёз обидевшийся Ян. — Чем это тебе Милка не хороша, что «ты-то чего»?

— Всем хороша, — с готовностью подтвердил Миха и опять улыбнулся Камилле так, что ямочки заиграли. — Да ведь не отдаст никто.

«Не отдаст — это точно», — подумала Камилла. А вслух сказала примирительно:

— Мне на настоящую травницу ещё учиться да учиться. Да и замуж почти через три года только.

Отдавали, конечно, и раньше. По закону запрещалось венчать тех, кому ещё не исполнилось шестнадцати, но кое-кто торопился сбыть дочек так, что отдавал их вроде как в батрачки в семью жениха, а там... какой с молодых спрос? Прощения просим, святая мать, недоглядели, так уж вы бы того... не дело ведь — байстрюков плодить. Святая мать ворчала, принимая корзинку с яйцами или штуку домашнего полотна, но соглашалась, что байстрюков плодить — не дело, назначала молодым покаяние (а беременной невесте и покаяние-то тяжёлое не назначишь!) и посылала Владычице донесение о вынужденном отступлении от закона. Но Камиллу-то, понятно, никто не станет сбывать пораньше. Матушка с жрицей не сказать, чтобы на ножах, однако друг друга не сильно жалуют, так что кланяться святой матери с мазью от радикулита Лаванда-травница точно не станет — два с половиной года можно жить спокойно.

А вот что «всем хороша»... Камилла только вздохнула. Это братцы удались в отцовскую породу — высокие, гибкие, с эльфийской тонкой костью, а она в матушку пошла, приземистую и плотную. Но при этом ни сисек, ни задницы настоящей Создатель ей не отмерил — мальчишка мальчишкой, только волосы и хороши, длиннющие и густые, разве что цвет самый обычный, рыжевато-русый, не вороново крыло и не золотисто-соломенный. Да про глаза ещё какая-то дама в трактире восхитилась: «Как янтарь!» — а другие-прочие говорили: «Медовые». Да толку с тех глаз и волос? Волосы всё равно под косынку наглухо прибирать надо, чтобы не трясти ими ни над травами, ни уж тем более — над настойками и мазями. А глаза... Что глаза? Кому они больно нужны? Не сиськи ведь, не пощупаешь...

Солнце, едва встав, взялось припекать так, что Ян выбирал путь подлиннее, зато всё больше через рощицы и перелески, не по полям и пастбищам, где тени нет вообще, зато мухи, оводы, слепни — кто хочешь и сколько хочешь. Камилла косилась на Миху: тот работал в трактире у дядьки на подхвате и к долгим переходам вряд ли был привычен. Однако Миха шёл себе рядышком и не жаловался. Сапоги у него были по ноге, сапожник на него и шил (своих сыновей у трактирщика не было, а чем зятьям дело оставлять, говорил он, так лучше родную кровь приветить — Миху обувь-одеть он денег не жалел, да и наверняка со временем собирался дела ему передать), так что ноги он вроде ещё не натёр, раз прихрамывать не начал. А что устал наверняка, так Камилла, по правде сказать, и сама бы уже передохнула.

Ян, видно, подумал о том же, потому что повёл их к Чашке — роднику, промывшему себе в жирной рыжей глине глубокую, ведра на три, ямку, да не вровень с землёй, а почти на высоте пояса взрослого мужика — только знай плескайся да набирай хоть в котелок, хоть в баклажку. Рядом и кострище было, аккуратно обложено камнями, и какой-то добрый человек угли после себя сгрёб в кучку и присыпал золой: место было низкое, сырое, в закрытой котловинке, и что ветер угли эти раздует и начнёт пожар, можно было не бояться.

Запасливый братец прихватил с собой кромелепёшек, сыра и ветчины, ещё и отцовских подорожников — уже сваренной и заново высушенной в печи крупы с кусочками солонины: бросишь такую в кипяток — и, считай, обед готов, крупе только размокнуть надо, она уже варёная. Пока Миха раздувал угольки, осторожно подкладывая берестяные полоски, Камилла с Яном набрали сухих веточек, которые горели недолго, но жарко, а им только и надо было, что воды вскипятить.

— Даже если меня дриады в свой лес не пустят, — Миха раздул огонь, сел на поваленный ствол и блаженно вытянул ноги, — всё равно хорошо. До того славно прогулялся, а то всё в трактире этом — иной раз и не знаешь, какая погода на дворе стоит. Ой, у меня ж при себе целая коврига белого хлеба и яйца крутые...

— Оставь, — отмахнулся Ян. — Яйца потом сами съедим, а хлебом дриадам поклонись. Это ты молодец, что хлеба побольше взял, они его любят, а сами не пекут.

— Знал бы — две бы ковриги взял, — огорчился Миха. — А что ещё они любят?

— Мужиков, — буркнула Камилла. — Человеческих. Немытых-небритых, потных и волосатых. Не бойся, ты для них мал ещё. За щёчки пощиплют, за жопу... может, ещё где пощупают, похихикают, но не тронут.

На смазливой Михиной мордашке так смешалось облегчение с обидой на «мал ещё», что Камилла, не сдержавшись, прыснула. А Ян прибавил снисходительно:

— Ты слушай больше про «жизнь высосут». Они что, упырицы, что ли? Если ты к ним в лес без спросу ввалишься, начнёшь деревья рубить, ветки ломать, костры жечь — тогда да, тогда плохо будет. А так... бабы как бабы.

В глазах у Михи вспыхнул острый интерес, он искоса глянул на Камиллу и спросил этак якобы небрежно:

— Да тебе-то откуда знать? Пробовал, что ли?

— Отец рассказывал, — равнодушно отозвался Ян. — Я-то для дриад такой же сопляк, как и ты. Им и братцы мои ещё молоды, они постарше любят.

Над целым ворохом хвороста вода быстро закипела, Ян высыпал в неё крупу с солониной, помешал, снял котелок с огня.

— Поедим, надо будет наверх перебраться, — сказал он. — Под ивой где-нибудь покемарить часика два-три. Здесь-то сыро, а идти сейчас по самому солнцепёку... дальше всё места открытые, не спрячешься.

— К вечеру же только доберёмся, — усомнился Миха.

— К вечеру, — кивнул Ян. — А лилии рвать всё одно на закате надо, даже лучше в сумерках, когда солнце уйдёт уже. Или, наоборот, с самого ранья, ещё до солнца. Мил, скажи?

— С утра, конечно, лучше, — подтвердила она. — Но там опять успеть надо до восхода. На солнце рвать — только цветы губить зря.

— Там и ночевать? — ужаснулся Миха.

— А ты ночью через поля идти собрался? То-то полевицы порадуются!

— А разве они есть ещё? — опасно спросил Миха. — Его милость вроде как людей посылал вывести тварей.

— Про девку с Вишнёвого хутора слыхал? Которую дядька хотел в послушницы сбить, а она сперва грозилась то в суд, то вон к тётушке Розалии в заведение, а потом вовсе пошла да поле ему подожгла и сама в том пожаре сгорела. То ли со зла да по дурости, то ли ветер не так подул, что сбежать не вышло... В общем, одна полевица точно есть, а нам и одной на

троих хватит. Но к дриадам в лес никакая нечисть не суётся — у тех разговор короткий. Костёр жечь нельзя будет, понятно, да ночи тёплые, так потерпим.

Миха боязливо притих и, кажется, подумывал, не повернуть ли обратно, пока ещё можно дотемна успеть обратно в село. Не будь с ними Камиллы, может, и повернул бы, но сознаваться перед девчонкой, что перетрусил? Какой бы парень неполных пятнадцати лет стал?

Так что они поели, прибрали за собой, помыли котелок и ложки (на Михино счастье, Ян прихватил запасную, а то пришлось бы ему, глотая голодную слюну, ждать, пока спутники поедят, оставив ему треть котелка), выбрались из котловинки и нашли хорошее местечко под старой плакучей ивой, чтобы вздремнуть. Миха предложил было посторожить в очередь, но Ян только отмахнулся: подобраться к нему незаметно, даже к спящему — это надо было суметь. Не зря отец их всех учил. Расстелили плащи из «рыбьей кожи», чтобы всякая насекомая мелочь из травы не лезла, поверх Миха кинул свой, обыкновенный, суконный (лежать на «рыбьей коже», в такую жару особенно... неприятна она телу): дождя вроде бы не ждали, но плащи взяли с собой, куда ж без них? Камилла легла с краю, Ян — между нею и чужим парнем. То ли хоть сколько-то верил слухам про Миху, то ли просто не хотел, чтобы тот пусть случайно, пусть во сне, его сестру лапал. Камилла немножко подумала о том, что трактирщицкого племянника никто, наверное, больно-то и не спрашивает, хочет ли он какому-нибудь богатенькому старику спину в бане тереть... и остальное тоже, да так и уснула.

Дальше пришлось идти по пыльной жаре, отгоняя мух, жуков-щелкунов и прочих летучих тварей. От бегущей неподалёку реки, вдоль которой они теперь шли, никакой свежестью не тянуло, а берег был такой, что приходилось держаться от него подальше — обрывистый, рыхлый, в любой момент готовый обвалиться. Потом за широким лугом, который никто не осмеливался косить, разом встал стеной Запретный лес, и Миха совсем затосковал. Наверное, представил себе, как в одиночку потащится обратно в такую даль, если его не пустят.

Пустили. Приняли ковригу (из белой муки, между прочим!) с таким видом, будто милость великую оказывают, в самом деле полапали, пересмеиваясь-переговариваясь на птичьем своём наречии, но махнули рукой: идите. Миха во все глаза смотрел на тощих, мосластых, совсем даже и не красивых девиц с зелёными волосами и, наверное, прикидывал, что будет врать: не говорить же в самом деле, что дриады — просто лучницы в штанах и кожаных куртках, как у наёмниц, а вовсе не прекрасные лесные девы в прозрачных одеяниях. И что эти кошки течные, Создатель прости, с мерзкими смешками хватили его за все места. Камилла даже пожалела его немножко, представив себе, как её бы щупали незнакомые мужики, даже не задирая подол и не собираясь завалить всерьёз — всё равно противно. Или парни иначе на такое смотрят?

По дороге к заводи на солнечных прогалах то и дело мелькали то цветущий эмбриум, то шип дракона, то свешивалась со старых деревьев ползучая лоза, а разок вообще шлюхин румянец встал, дразнясь, прямо у тропинки. Камилла вздыхала, оборачивалась, теребила косынку, но договаривались на багряные лилии, и только на них, а без спросу что-то рвать в дриадском лесу? Она же ещё не раз и не два сюда придёт. Ян тоже вздыхал, но тоже не пытался даже листочек-другой отщипнуть, а Миха и в сторону от тропки лишний раз глянуть боялся.

Так и дошли до заводи, где ковром по воде расстелились заросли багряных лилий.

Мокрые листья золотились на закатном солнце, лепестки лилий почти просвечивали, наливаясь розовым сквозь багрянец, вода над чёрным от ила дном была прозрачной и тихой-тихой, ни травинка не шевельнётся. Даже Миха восхищённо выдохнул: «Ох ты!» А Камилла сказала:

— У матушки в одной книге я читала, будто на юге они зовутся пурпурными лотосами и растут чуть ли не в каждой луже, цветы размером с суповую миску и пахнут так, что в жаркий день лучше близко не подходить — сомлеешь. А у нас им холодно, видать: и мелкие, и цвет не тот, и запаха больно-то нет. И только в таких местах и растут, где течение медленное, а дно тёмное, а потому вода хорошо прогревается.

— А для чего они?

— Вообще-то, они ядовитые, но если капельку масляного настоя дать больному, он крепко уснёт и боли чувствовать не будет.

— А здоровому?

— А здоровому — зачем?

Миха помялся и ответил так... туманно:

— Ну, мало ли... Народ всякий бывает. — Ян с Камиллой смотрели на него вопросительно, с подозрением даже, и он, вздохнув, пояснил: — Иной как напьётся, как начнёт буянить — не всякого же можно в погреб засунуть протрезвляться. Среди важных господ тоже буйные попадают: добром не урезонишь, связывать — он тебе наутро покажет вязку, а так бы в вино капнул ту самую капельку — он и уснул. Уснул и уснул, какой с трактирщика спрос? А вы чего подумали? Что я по чужим сундукам шарить собрался, что ли? Пф-ф, я честно больше заработаю.

— А-а, — протянул Ян, — ясно. Ты дядьке скажи, пусть с матерью потолкует. Вы сами всё равно правильный настой сделать не сумеете, а она и сделает, и расскажет, кому и сколько. Сам понимаешь, плюгавому мужичку и половины хватит от того, чем какого-нибудь бугая угощать приходится.

Он посмотрел на солнце, видневшееся дальним костром сквозь стволы на том берегу, и начал раздеваться. Миха, глядя на него, тоже развязал тесёмки рубашки и стянул её, красуясь перед Камиллой. Она пожала плечами (а то она голых парней не видала — с тремя-то братьями) и принялась готовить нехитрый ужин, обдирая крутые яйца и нарезаая сыр с ветчиной: вода за день нагрелась, понятно, да всё равно, пока будут нырять, парни продрогнут, а бальзам крепкий, и на пустой желудок его пить — тут же даст по мозгам. Не будь тут Михи, она бы сама сплавала за лилиями, но раздеваться при постороннем парне... Всё ведь снимать с себя придётся, сушиться негде: солнце село, костёр не развести.

— Ныряй глубже, — учил меж тем Миху Ян, — рви стебель как можно длиннее. И у берега аккуратнее — дно илистое, скользкое...

— А сколько рвать?

— С дюжину хватит, — за Яна сказала Камилла. — Больше незачем.

Она посмотрела, как он неловко, оскальзываясь, входит в воду, и исполнилась дурных предчувствий. После каждого шага за ним в воде вспухало чернильное облако потревоженного ила и долго ещё висело, когда он уже забрался поглубже. Камилла так и ждала, что он на корягу напорется или в бороде утопленника запутается... не настоящего, понятно, это трава такая водяная — длинная, спутанная, подлого нрава. Но он нырял, всплывал, отфыркиваясь, ничего не случилось, и она почти успокоилась.

Рано, как оказалось: выходя на берег (неудобный, с невысоким, но влажно чавкающим

обрывчиком, скользкий, поросший осокой, за которую и не ухватишься — руки изрежешь), Миха вдруг придушенно вскрикнул, дёрнулся и замер, кусая губы. Собранные цветы однако из руки не выпустил.

— Что? — подбежав, спросила Камилла.

— Нога, — сипло сказал он. — Наступил на что-то...

Подплыл, потом подошёл по грудь в воде Ян, отобрал у Михи лилии, бросил их на берег. Камилла торопливо собрала рассыпавшиеся цветы и отложила в сторону, а Ян привычным движением выбрался из воды и протянул руку Михе:

— Вылезай. Не бойся, удержу.

— Удержит, — подтвердила Камилла. — Меня удерживает хоть бы что, а я не больно худенькая. — Свою руку она не предлагала. Не настолько Михе было плохо, чтобы принимать помощь от девчонки.

Ян в самом деле без большого труда удержал Миху, тот неловко выполз на берег и чуть ли не на одной ноге доскакал до расстеленного плаща. Камилась сунулась посмотреть, что там, но пока парни ныряли, пока выбирались из воды, уже почти совсем стемнело, и ей пришлось чуть ли не носом в Михину пятку уткнуться, чтобы понять, чем трактирщицкий племянник умудрился пораниться.

— На ракушку сломанную наступил, похоже, — вздохнула она. — Порез неглубокий, но такой... рваный, неровный. Ян, промой ему бальзамом, что ли, а я поищу, чем подлечить.

Пока ещё было светло, видела она холмике под кустами короткую кудрявую травку. Нарвав пучок, Камилла набрала её полный рот и принялась жевать. Трава не была ни горькой, ни противной — вообще никакой, трава и трава. Ни вреда, ни пользы от неё тоже не было, но не объяснять же Михе, отчего у него кровь так быстро остановилась, а ранка затянулась. Камилла своими способностями и перед родными не особо светила, а уж перед хитрым, себе на уме парнем... Нет-нет, она дочка травницы, и на осьмушку в ней эльфья кровь, так что она просто знает, какой травкой от чего лечить. Нюхом чует, как псина.

Миха вздрогнул, когда она облепила ему порезанную пятку пережёванной в кашу травой.

— Не ври, — сказала Камилла, размазывая кашицу по холодной мокрой коже, — не щиплет и не жжёт. Зато кровь сразу свернётся.

Никаких лечебных заклинаний она не знала, конечно. Просто представляла себе, как затягивается порез, перестают кровить мелкие жилки и нарастает новая, тоненькая пока что кожица. Ранка была пустяковая, только идти бы завтра мешала, так что даже голова не заболела, как было, когда отец маялся со сломанной рукой, а ей было жалко его до слёз, и она гладила его по плечу, потихоньку вливая свою силу и пытаясь хотя бы унять боль, раз уж кость срастить у неё точно ни знаний, ни умений бы не хватило. Заметил отец что-то или нет, Создатель ведаёт, но он никогда с нею об этом не говорил. Вот и хорошо. И незачем кому-то об этом знать. Травница — и травница.

Поужинали чуть ли не на ощупь — ночь выдалась безлунная, легли вповалку на «рыбью кожу», чтобы под утро не намокнуть в росе, и укрывшись на троих Михиным сукном. Камиллу в этот раз пустили в серединку для тепла, Миха вздрагивал и жался к ней — кажется, просто от холода и страха. Вряд ли он мог думать о ней как о девчонке ночью в жутком для всякого сельчанина Запретном лесу. Спал он или так и не смог глаз сомкнуть — опять же Создатель знает, а привычная Камилла довольно скоро уснула.

Встали, когда ещё не рассвело, наскоро перекусили остатками ужина и двинулись обратно, решив, что обедать будут опять у Чашки второй половиной каши. После обеда спать уже не стали, хотя Миха отчаянно зевал, — так, посидели с полчаса, давая отдых ногам, и потому домой вернулись только немного за полдень. Мать, хмурая, чем-то встревоженная, приняла складное полотняное ведёрко с плавающими в нём цветами, но только и сказала Камилле:

— Умывайся, переодевайся, причешись и пойдём в часовню. И на невысказанный вопрос ответила: — Искатели приехали, от десяти до пятнадцати лет всех проверять будут.

Ян тоже пошёл, хотя его ещё той осенью мать брала с собой провериться у Искателей. Не было у него никакого дара, даже крох не перепало, но раз сказано было «всех», то и он пошёл. Ведьмину сыну только лишний раз внимание Церкви на себя обращать!

У дверей часовни они столкнулись с выходящим оттуда Михой. Тот выглядел вялыми сонным и, похоже, хотел только одного - чтобы от него наконец все отвязались, а колдун он или нормальный человек, его вовсе не заботило. Впрочем, Миха был Михой: он и сонный успел узнать, что у парня, которого бандерша привезла из города (из деревенских-то кто бы пошёл?), обнаружился дар, и его отправляют учиться на малефикара.

— Вот уж думаю, как его гостей потом корёжило, — мстительно ухмыльнулся Миха. — Такого, наверное, им нажелал в сердцах...

— Ага, — пробормотала Камилла. Ей было боязно. Мать собиралась везти её в город после Равноденствия, но это когда ещё было бы... И кто бы в селе узнал, что там, в городе, случилось? Поехала ведьма Искателям показаться и заодно дочку с собой взяла. Купили бы ей там чего-нибудь, все бы кинулись покупку обсуждать, а не ведьма ли сама Камилла, глядишь, и не спросили бы.

В часовне было гулко, прохладно, темновато после солнца и приторно пахло каким-то курением. Камилла не любила здесь бывать — что жрица, что послушницы всегда смотрели на неё с таким видом, точно она с собой ведёрко навоза притащила и вот-вот начнёт им кидаться в статуи Пророчицы и её сподвижников. Бывать однако приходилось: попробуй-ка к службам не ходить хотя бы раз в семерик! И без того ведьмина дочь. Тронуть, понятно, никто не смеет, а вот вслед шипят и плюются... пока брюхо не схватит или сухой кашель бить не начнёт. Тут все почему-то не в часовню бегут, а к ведьме. Ну понятно, Пророчица одна на всех, далеко-высоко и вообще давно померла, а Лаванда-травница — вот она, живая и одна на село, а не на весь белый свет. Только Камилла никак не могла этого понять: сперва шипеть и плевать, а потом кланяться и канючить — это как? Она бы уж что-то одно выбрала.

У алтаря было куда светлее, чем в остальной часовне, свечей там горела сотня, наверное, не меньше. А прямо на алтаре лежал белый камень формой похожий на жёрнов. Куда поменьше, понятно дело, и посередине дырки не было, а был чёрной краской нарисован небольшой, только ладони приложить, круг. И ещё были кольца, как на стрелковых мишенях за трактиром. Рядом стояла святая мать, которая кисло поджала губы, завидев травницу с детьми, а ещё были несколько людей в серых сюрко с знаком Ока на груди. Двое, на которых поверх сюрко надеты были цепи с какими-то тяжёлыми подвесками, встали по другую сторону алтаря, и выглядело это, словно жрица защищает от них статую Пророчицы. Ну, Камилле почему-то показалось так.

— Ага, — сказала толстая весёлая тётка с такой вот цепью на пышной груди, — кого я вижу! Ян, дорогой, тебе понравилось, ты ещё пришёл?

Камилла глянула на неё с опасливым восхищением: ну и память! Один раз видела — и в лицо запомнила, и по имени? Ну, ладно, имя могла в церковной книге прочесть, а в лицо-то как запомнила? Вроде бы Ян на матушку ни в одном месте не похож.

— Понравилось, — с вызовом ответил братец. — Ещё хочу подержаться.

Толстая тётка и носатый тип с такой же цепью захохотали, их помощники тоже пофыркали, и носатый сказал:

— Ну, иди держись, раз понравилось.

Ян подошёл к «жёрнову» и положил руки на чёрный круг. Держал, наверное, с минуту, но ничего не случилось, носатый кивнул и сказал вроде бы с сожалением даже:

— Глухо, разве что в детях проснётся.

— Если по женской линии идёт, то и вовсе может заглохнуть, — то ли согласилась, то ли заспорила толстая. — Ладно, Ян, освобождай место. А это, стало быть, сестричка твоя, да? Ну, цветочек, не бойся, клади руки сюда. Не жжётся оно и кровь не пьёт, ничего и не почувствуешь.

Камилла, не сдержавшись, фыркнула. И не потому что не боялась — боялась, ещё как, только не боли. А вот цветочком обозвали — её-то? Да она крапива! Даже родная мать так в сердцах не раз и не два называла: не то имя, дескать, дала. А соседка ворчала, что и не крапива даже, а самая настоящая ползучая лоза, или сыпушник попросту: как схватишься голыми руками, так и будешь потом их лечить семерик-другой.

Камень был белый-белый, в нём мерцали-искрились какие-то крупинки, и потому он выглядел холодным, будто из свежего снега слепленным. Камилла ждала, что он обожжёт ей ладони этим лютым холодом, но тот не был ледяным, как не был и тёплым. Так, словно печка не протопленная... И в самом деле ничего такого не чувствовалось — камень и камень, шершавый немного, крупинки эти блестящие царапаются. Камилла даже подумала с отчаянной, робкой надеждой, что ничего и не будет. Постоит, как Ян, и ей скажут: «Всё, освобождай место».

Как же! Камень не нагрелся, ладони ничего, кроме царапучих крупинок, не чувствовали, но из-под них вдруг поползло, растекаясь по белому камню, золотисто-зелёное, точно листва на солнце, сияние. Камилла сдавленно охнула, а толстая тётка сказала с умилением:

— Ну, прямо хризолит, гляньте-ка, брат Манфред.

— Чистый целитель, — поддакнул тот, и оба уставились на зелёный свет, который потихоньку дополз почти до первой окружности, да там и остановился, на полдюйма не дойдя до линии.

— Ну! — выдохнула тётка, словно пыталась подбодрить зелёное сияние и заставить его проползти чуть дальше.

А носатый хищно уставился на Камиллу и без стеснения спросил:

— Месячные были уже?

— С Излома Зимы идут, — буркнула Камилла. Она не то чтобы смутилась, просто ей не нравилось, что слишком много народу это слушает. Может, ещё на храмовую площадь выйти и там покричать? Чтобы уж точно все знали?

— Жаль, — сказал носатый. — Одна надежда, что дефлорация подтолкнёт немного. А то после рождения первенца девчонку учиться посылать — и ребёнку без матери расти, и мужу новую жену не взять.

— А я всегда говорила, что в брачном уложении должен быть прописан пункт о возможности развода с магом, — сказала тётка. — Если уж разбиваем семьи, у людей должна быть возможность как-то устроить свою жизнь после этого.

Носатый поморщился и сказал, вздыхая:

— Это не в моей компетенции, сестра Эвелина.

— Но вы можете хотя бы поднять этот вопрос, — настаивала она. — Нас-то вообще никто не слушает, а между тем именно нам приходится то невесту из-под венца, то молодую мать от люльки забирать.

— А меня заберёте? — с надеждой спросила Камилла. Правда, целителем ей быть не очень-то хотелось, ей куда больше нравилось готовить всякие снадобья по рецептам из матушкиных книг, а ещё больше — придумывать свои. Но ведь в этих целительских школах и травничеству настоящему учат, должны учить? Как всякие там сложные зелья готовить? Уж она бы поучилась!

— Нет, — сказала сестра Эвелина прямо-таки огорчённо. — Не потянешь ты обучение, силёнок не хватит. Сама ведь пробовала наверняка порезанный палец залечить или больной зуб унять? Как тебе потом? Голова раскалывается, кровь носом?

Камилла помотала головой: носом кровь ни разу не текла. Или она просто так сильно не выкладывалась? Но Искательница поняла её по-своему.

— Да ладно, — сказала она, подмигнув Камилле. — Все пробуют магичить потихоньку, у кого хоть крохи дара есть. А кто не пробует, у тех то занавески горят, то посуда сама собой бьётся. Магию не запрёшь, знаешь ли.

— Силы, дарованные Создателем, ему же и должно посвящать, — вмешалась в разговор жрица.

— То есть, — прищурилась Искательница, — вы, святая мать, считаете ошибкой указ Его Величества Императора о привлечении всех, имеющих магический дар, на службу Империи?

— Если бы сия отроковица посвятила свою жизнь служению Церкви, — наставительно проговорила святая мать, уклонившись от ответа на опасный вопрос, — она принесла бы людям куда больше пользы, нежели тратя свои силы на недостойные цели.

Камилла изо всех сил постаралась не фыркать. Конечно! Посвятив свою жизнь Церкви, она бы бесплатно лечила радикулит святой матери, сама бы сидела на ячменной каше с постным маслом, а сельчане жертвовали бы деньги за исцеление часовне. Правда, тогда бы никто на сестру Камиллу не шипел и не плевался, наоборот, кланялись бы за десять шагов — вот уж радости-то! Нет уж, она лучше будет вкусно кушать и красиво одеваться. А плевки за спиной... Н-ну... чем больше плюются, тем дороже потом платят.

— Ну что, — сказал меж тем носатый, — берём под надзор.

Мать за спиной вздохнула, но промолчала. Камилла насупилась. Понятно, что надзора Искателей было не избежать, но чтобы об этом объявили вот так, при жрице... Теперь всё село будет знать, что она не просто ведьмина дочь, а сама ведьма.

Ну, и плевать, подумав, решила она. Кто не боялся с ведьминой дочкой водиться, тот и ведьмы не побоится, а остальные сами будут держаться подальше. Надзор — это, понятно, не звезда на лбу: с настоящими, обученными магами самые дурные старались руки держать при себе, а язык — за зубами. Но про матушку вон сколько гадостей за спиной болтают, а в глаза и четверти того сказать не смеют: ведьма же. Вот и с нею, с Камиллой, будет так же. И сватать ей примаков, глядишь, перестанут.

— Сестра Эвелина, мне-то осенью приезжать? — спросила мать. — Или сейчас проверите?

Та глянула на носатого, носатый кивнул, и мать положила руки на камень, опять ставший белым, как нетронутый снег. У неё он так же засветился, на полдюйма до первого кольца не доходя, но там зелень то переливалась с багровым, то вовсе чёрными волнами шла.

— Да, — хмыкнул брат Манфред, — сложная натура. Думай вот, куда такую посылать учиться, если бы сил хватило.

— Не напоминайте, — передёрнула пухлыми плечами сестра Эвелина. — До сих пор забыть не могу, как ломала голову с мальчишкой, у которого стихий пополам с Тьмой было. Отправила на боевика учиться, а его оттуда всё-таки к малефикарам через полгода перевели. Я уж думала, что с меня слупят стоимость полугода обучения, но Создатель миловал, просто мордой по столу повозили от души.

Камилла глянула на неё сочувственно. Вот уж, оказывается, служба у Искателей — тоже не мёд. А ещё она представила себе, как у той же Дины после венца открываются вдруг магические способности, и эту дурищу, кое-как читающую по складам, заставляют учиться в чародейской школе. А она только-только замуж вышла! Вот уж, наверное, рёв стоит всякий раз. И муж теперь — не холостой, не женатый, и родным как помоями в лицо: а ваша-то меньшая — ведьма! И отец матушку за волосы треплет или ремнём охаживает: от кого нагуляла? Не было в нашем роду колдовского семени!.. А Искатели императорский указ выполняют, они тут вообще ни при чём, и однако же всякий раз видят это всё и слушают. Тут и озвереть недолго, а сестра Эвелина вон улыбается и подбадривает.

Для настоящего, правильного настоя из эльфийского уха нужны только листья, и листья только сочные, ярко-зелёные, не тронутые ещё по краям желтизной. Мать говорила, что иные аптекари кидают всю траву целиком в котёл, чтобы не тратить лишнего времени: лекарство простое, дешёвое, возись ещё с ним! Камилла однако, ополовинив одну из грядок, старательно ощипывала со стеблей верхние листочки. Стебли с нижними, загрубевшими листьями обычно приходилось выбрасывать, но на днях коновал просил оставить ему пучок-другой — эльфийское ухо горькое до тошноты, и здоровая скотина есть его не станет ни в какую. А вот прихворнувшая кобылка с охотой сжуёт два-три стебелька, да дядьке Николе с его хромой ногой только по полям бродить, чтобы эльфийского уха набрать. Так что Камилла откладывала в отдельную кучку кустики помоложе, позеленее, оставляя на них и по паре-тройке хороших листиков, не только уже негодных для настоя. Дядька Никола был хороший мужик, даром что похабник и матерщинник, ему было не жалко.

Занятие было тупое, скучное и отнимало много времени. А ещё матушку укоряют, что батрачек нанимает, а сама никакой домашней работой не занимается! А когда самой стирать да полы мыть, если вот так засядешь на час, а то и на два просто перебрать травы? А потом их надо в остывающей печи подвялить, вороша каждые четверть часа и щупая, не становятся ли уже слишком сухими. Бегая к ним от корыта, ага. Как же всё-таки люди любят соваться туда, в чём ни хрена не смыслят, удивлялась Камилла. К кузнецу, чай, с советами не суются, как правильно молот держать. А вот траву собрать и высушить — это каждый дурак сумеет, понятно дело. Так и хотелось спросить, чего ж сами не собираете да не сушите? Некогда вам? А мне вот некогда рубахи свои стирать!

Сидела она в открытой пристроечке, которую какой-то проезжий, заглянувший за зельем от зубной боли, красиво, но непонятно обозвал «верандой». Камилла вообще эту

«веранду» любила — свежо, пахнет травами, которые висят под потолком и разложены на полках... разговоры с кухни слышны, а тебя при этом не видно. При том, что всегда можно отговориться: не в дом же тащить целый сноп травы, с которой и земля осыпается, и сухие листья-былинки, и живность всякая мелкая — куда ж без неё? Ну да, кто спорит, подслушивать некрасиво. Так если ты о чём-то таком говоришь, где лишних ушей не надо, так загляни в пристройку-то, посмотри, есть там кто или нет. Там ведь и батрачки, бывает, сидят, а у них языки длинные и без костей.

А на кухне мать разговаривала с трактирщиком Томасом, Михиным дядькой. Тот начал с того, что спросил про багряные лилии: верно ли, что их отваром, или как его там, можно любого пьяного буяна утихомирить. Понятно, что недёшево, так ведь иной раз хоть головой об стенку бейся, когда этакий важный господин ужрётся и начнёт либо в драку лезть, либо похабные песни орать, а кроме него в чистом крыле и другие важные господа имеются! Которым это ой как не нравится, а виноват у них кто? Трактирщик, ясен день! Мать пообещала сделать, да с хорошей скидкой, раз уж Миха сам эти лилии рвал («Кто бы ещё его об этом просил», — подумала Камилла, но понятно, продолжала сидеть мышкой). А трактирщик с чего-то вдруг игриво спросил, нет ли такого снадобья, чтобы девка... м-м... погулявшая снова девкой стала?

— Нет, — сказала мать с нескрываемой насмешкой в голосе, — не знаю такого. Я своим сыновьям просто сказала, что мозги у мужика должны быть между ушей, а не между ног, и покрывать их шапкой я не стану. Вроде пока слушаются.

— То-то и оно, что пока, — вздохнул тот. — Мой вон... — Он резко замолчал, а потом заговорил без всяких игривостей и жалоб на нелёгкую трактирщицкую долю. — А может, всё ж таки подумаешь, Лаванда? — спросил он. — Ладно, когда тёща ведьма, они все ведьмы, — он хохотнул, но как-то так... вот просто положено про тёщ шутить, что ведьмы-де, ну так он и пошутил, да только на самом-то деле ему вовсе не смешно. — А вот к жене-ведьме в примаки... к тебе вон только Фин и пошёл, других не нашлось.

— А может, — опять же насмешливо спросила мать, — других я не приняла? Были другие, Томас, были. За домик да за серебро в кошельке не только девки подолы задирают, ваш брат тоже только так... нагибается. Коли за три года не забредёт в село никто такой смелый, чтобы ведьмы не испугался, так возьму в примаки для Милы скотинку безответную. Такого мужа, чтобы и думать не смел мою дочь в колдовстве обвинять. Не хочется, понятно, в зятя тютю бесхребетного, да тыкать каждый раз пьяного головой в ведро, чтоб не смел Милу упрекать, будто она его приворожила да высушила, подлая — того ещё меньше хочется. А вы ведь народ такой... Не дай Создатель, баба в чём-то лучше вас! Не все, хвала Создателю, конечно, да только таких, кому женин дар яйца не прищемляет, немного. Таких на всех ведьм точно не хватит.

— Михе твоя Мила яйца точно не прищемит, — возразил трактирщик, и Камилла дёрнулась от этой «Милы». Когда её так звали родители-братья, ещё ладно, хотя она и не любила, чтобы её имя кромсали. А с чужих она всегда требовала, чтобы полностью именовали — Камилла! — Миха ко всякому народу привычный, — говорил Михин дядька дальше, — тот богатый, этот знатный, вон тот чародей, а этот императорского войска капитан с тридцатью годами выслуги... Лаванда! Я ж твою дочку не в служанки беру, постели постояльцам взбивать! Поставлю ей флигелёк отдельный, да и пусть себе в нём варит декокты свои. И лечебные, и всякие. Николе вон на тот Солнцеворот бутылку такого бальзама поднесла, разумница, что я до последней капли всё из стакана вылизал, как он

меня угостил — прямо вода живая! А что ей ещё, может, десять лет на настоящую травницу учиться, так я её на цепь посажу, что ли? Надо будет чего у тебя спросить, так пойдёт да спросит.

Мать замолчала, и у Камиллы замерло сердце: неужели согласится? Трактирщик ведь, по деревенским меркам, неслыханную вещь предлагает: замужняя баба будет совсем не бабьим делом заниматься, и будет ей во всём полная воля, кроме разве с мужем спать, когда тот потребует. А трактирщик Томас — это вам не Марта-вдовица. Он вон с управителем Манксом на короткой ноге; если что, тот и перед владельцем всегда словечко замолвит. А если и правда Миха перед важными гостями... нагибается, так кому какое дело, в каком месте у него мозоли? Да и станут ли ещё его через три-четыре года нагибать — усишки вон уже пробиваются, а там и бриться начнёт «по-городскому», как сам дядька, так на него уже больно охотников не будет, надо думать.

— Лаванда, — масляным голосом продолжал уговаривать трактирщик, — я б другой бабе пел про шёлковые платья да про серёжки золотые, а тебе про то и говорить не стану. Сама знаешь, невестку одену, как дочь родную — мне же самому лестно погордиться-похвастаться, в чём мои бабёнки ходят. Не про то речь! Никто Милу ни словом не попрекнёт, что ведьма — для того ж и замуж зовём. Так что ты подумай, а? Два года, сама знаешь — это вовсе не много, обернуться не успеешь. А с внуками водиться ты всё равно не станешь: когда тебе? А повидаться часок кто тебе мешает? Приходи в любой день. Подумай, — уже жёстче повторил он. — Я-то человек не гордый, хоть ещё сто раз приду да спрошу, не передумала ли. Да тебе-то неловко будет десять раз сказать нет, а на одиннадцатый передумать. Так что ты лучше помолчи пока, а как Фин вернётся, с ним потолкуй, что ли.

— А ты с ним толковал уже, — натянутым ломким голосом спросила мать, хоть и старалась говорить с насмешкой.

— Толковал, — подтвердил трактирщик. — Не скажу, будто он прямо заплясал, врать не стану, но сказал, что резон в этом есть.

Он, видимо, поднялся — тяжко скрипнул табурет.

— Ладно, — сказал он, — пойду, пожалуй. Я чего ещё сказать-то хотел... А! Наливка у тебя больно хороша, не продашь ли четверть-другую? Это важные господа вина требуют, а кто попроще, те и наливку пьют-не жалуются.

— А чего ж всего четверть, а не весь бочонок? — хмыкнула мать. — Продам, пожалуй. И настой багряных лилий сделаю. Готовь денежки, Томас.

— У меня лучше есть, — хитренько отозвался тот. — Стоял у меня намедни господин литератор да в карты проигрался. Так он мне цельную стопку книг за долги оставил. Я спросил, придержать ли, чтобы выкупить мог, а он ручкой машет: продавай, ежели найдёшь кому. Ну, я сразу про тебя и подумал да про мальчишек твоих: вы же всё из города книжки привозите. Возьмёшь за наливку-то?

— Возьму, — быстро сказала мать. — Неси. И бочонок пустой на обмен.

«Книги — это здорово, — подумала Камилла. — Занятно только, какие?» На тот Солнцеворот Миха подарил ей то ли забытую, то ли брошенную какой-то проезжей дамой книгу с роскошными гравюрами под тонкой, почти прозрачной бумагой. Гравюры Камилла разглядывала с удовольствием и подолгу, а вот сама книга была пустая и глупая. Про какую-то благородную сиротку, томившуюся у злых родственников (Ничего себе злые! Кормили-одевали здоровую кобылу и даже работать по дому взамен не заставляли; сидела себе с пальцами да вздыхала, что её на балы не берут, а где людям со своими тремя дочками денег

на ещё одно бархатное платье взять, про то не думала), пока не встретился ей молодой богатый красавец да не влюбился в неё, всякое соображение потеряв. У литератора, у мужчины, такое навряд ли водится, но кто его знает? Было бы что-нибудь про дальние земли да про старые времена — она бы почитала. Или стихи вроде тех, что отец привёз в прошлый раз:

Завтра наше время закончится,
Разлетится рваными клочьями.
Утром, криком вороньим порченным,
Заплету в клинок одиночество...*

Не очень понятно, но прямо до самых печёнок пробирает.

Мать пошла проводить гостя, а Камилла собрала ободранные стебли, кроме отложенных для коновала, и понесла их выкидывать в яму, куда складывали всякие огрызки-очистки и повыдерганные сорняки. Когда она вернулась, мать задумчиво ворошила листья на противне, собираясь вроде как поставить его в печь.

— Всё слышала? — спросила она.

— Всё, — хмуро ответила Камилла. — Матушка, а на кой мне вообще муж сдался? Я и в девках бы жила себе, с тремя-то братьями.

— А дети?

— Так захочу поводиться, на то племянники будут, а своих рожать... — она дёрнула плечом. — Чтобы и их дразнили ведьминым отродьем? Да чтобы друзей со всего села нашлось полторы штуки, и те... Михи?

— Ведьмочка моя бедная, глупая, — сказала мать и обняла её. — Томас, конечно, дело говорит, но за Миху я тебя точно не отдам. Лучше уж ведьмино отродье, чем шлюхино.

Комментарий к Ведьма

* - Ольга Громько, "Год Крысы. Путница"

===== Соискательница =====

Вернувшийся из удачного похода в Костяной распадок отец взял в город всех четверых. То есть, старшие братцы могли уже и сами съездить, разрешения не спрашивая, особенно двадцатилетний Якоб, но всё равно это было целое приключение — поехать всем вместе. Мать только дома осталась: не хотела оставлять хозяйство на одних батрачек. Да и девчонок оставлять без присмотра не хотела тоже.

Камилла предвкушала, как пройдёт по всем попавшимся по пути лавочкам — отец обещал ей целую крону, когда сбудет добычу. Она распрекрасно знала, что у неё на лбу написано «Принарядившаяся деревенщина» (да-да, на слух она никогда не жаловалась), но деревенщину в дорогом, даже по городским меркам, платье и с золотыми «гвоздиками» в ушах никто из лавок не гнал. Разве что совсем уж за дурочку держали, ни счёта, ни грамоты не знающую, так тут приказчиков ждало жестокое разочарование — и читать, и считать Камилла умела очень неплохо.

А пока что братцы, получив свою долю из выручки, хитро переглянулись и смотались, прихватив с собой Яна, и кажется, Камилла догадывалась, куда они отправились с такими довольными мордами. Ей отец тоже выдал крону, да не золотую, чтобы не вытащили потихоньку или не выхватили силой из руки, а горстью мелочи, но сам задержался поговорить с хозяином мастерской, и Камилла, тихонько встав у него за спиной, тоже

осталась послушать.

Потому что мастерская была — алхимика. Самого настоящего. Ну, то есть, в мастерскую никто чужаков не пускал, понятно, а стояли отец с Камиллой в передней, где и сесть было не на что: ни тебе кривоногих, неудобных, низких креслиц, ни даже простых табуретов — не любил, видно, хозяин, чтобы гости у него рассиживались. Только и имелись в этой передней, что почерневший от времени стол, куда отец и выложил добычу, чтобы хозяин мог её толком рассмотреть, да шкафчик в углу, в котором за стеклом стояли разной формы бутылочки. Одни сверкали острыми гранями, другие были непрозрачными, не глиняными ли, зелья в них то мерцали, то густо, масляно блестели, ядовито-алые, золотистые, травянисто-зелёные... «Водица крашенная», — непочтительно подумала Камилла, потому что настоящие зелья красивыми не бывают и вот так, просто в шкафах, не хранятся. Им нужны темнота и холод, и хозяин не мог этого не знать, а значит, морочил добрым людям головы.

Звали его Асканио Серпент, но в городе он был больше известен как Змей. То ли за характер его так прозвали, то ли за то, что яды изучал: он вроде как готовил для них противоядия, но ведь чтобы противоядие приготовить, надо доподлинно знать, как сам яд действует. Так что... болтали всякое. Камилле до этого дела не было: Асканио Змей был алхимик-зельедел, и она готова была слушать его сутки напролёт, хотя он всего только объяснял отцу, каких частей тел каких опасных тварей ему недостаёт для полного счастья.

И ещё спросил отца, не надумал ли Ян всё-таки пойти к нему в ученики: у него, у мастера Змея, прежний ученик получил уже звание подмастерья, а подмастерьям реторты муть невместно, приходится подёнщиков нанимать (то есть, Змей не сказал «невместно», понятно; другое слово он сказал, но Камилла его не то что запомнить — повторить не смогла бы, хотя про смысл вроде как догадалась). Ян, говорил мастер, парень неглупый, серьёзный и основательный, а алхимик — это как ни крути, не охотник деревенский.

— Нет, — сказал отец. — Не нравится ему в городе, а травы он только собирать согласен. Возиться с ними, разбирать и резать его палкой не загонишь.

— Жаль, — сказал Змей, и Камиллу будто кто-то в спину толкнул.

— А меня возьмёте, мастер? — выпалила она.

Отец только хмыкнул, а мастер Асканио неприятно осклабился, сдёрнул круглую чёрную шапочку и наклонил голову, гладкую и блестящую посередине и обросшую на висках, за ушами и, наверное, на затылке кое-где седой, а кое-где ещё тёмной щетиной.

— Вот, сударыня, — сказал он ядовито, — единственно возможная для алхимика причёска. Потому что и в ингредиентах не должно быть ничего лишнего, в том числе и волос; и вспыхнет ваша роскошная грива вся разом, если Предвечная храни, горелка будет неисправна или вы соль с поташем перепутаете.

Камилла судорожно вцепилась в косу, намотав конец на кулак.

— А если я волосы обстригу, — с отчаянной решимостью спросила она, — тогда возьмёте?

Змей с отцом рассмеялись, отец ещё и за косу дёрнул, ухватившись поверх Камиллиного кулака.

— А меня-то спросить, позволяю ли?

Камилла изо всех прикусила язык, чтобы не ляпнуть, что в их семье мать — хозяйка, а уж она точно позволит.

— А не лучше в городе алхимиком, чем в деревне ведьмой? — нашлась она, потому что

совсем смолчать ну никак не получалось.

— А ты ведьма? — неожиданно заинтересовался Змей.

— Искатель брат Манфред сказал «чистый целитель».

— Слабенький, да? Поднадзорный, учиться не взяли, — Змей ткнул её жёлтым сухим пальцем в лоб.

— Да, мастер, — сказала Камилла, не отстраняясь от его руки, хотя очень хотелось: и от рукава пахло чем-то очень резко, и вообще... неприятно. Не любила она, когда кто-то подходил слишком близко. — И ещё я Старшую речь знаю, даже читать могу. Только некоторые слова не знаю, что значат, — созналась она.

— Вернее, знаешь только некоторые слова, — ухмыльнулся он, и Камилла нахмурилась, соображая, о чём это он. — Ладно, — сказал он и этак хитренько глянул на её отца, — если пострижётся не длиннее, чем на полпальца, возьму ученицей, слово мастера.

Они с отцом опять засмеялись, отец опять подёргал её за косу и сказал:

— Ладно, Мила, хватит уши греть. Иди уже купи себе бус каких-нибудь. Или книгу. Про любовь, — он подмигнул ей, но Камилла только фыркнула: про любовь! Пф-ф, она бы лучше про абесинских пиратов почитала.

Ей ещё очень хотелось послушать, о чём будут Змей с отцом говорить, но отец развернул её к двери и хлопнул ладонью по заднице: иди уже. Пришлось идти.

В общем, бродить по торговой улице, где лавочки были для среднего достатка горожан, а не совсем уж страшно дорогие, тоже было интересно. Никаких бус Камилла, понятно, не покупала, а до книжной лавки не добралась ещё. Заходила к торговцу тканями, присмотрела себе на осень не очень толстого мягкого сукна (вытянулась она за лето, прошлогоднее платье коротко уже станет, надо будет его Дине отдать: захочет — себе надставит, захочет — подарит кому). Покупать пока не стала, чтобы не таскаться с жарким кулём под мышкой, хоть торговец и предлагал с мальчишкой-посыльным доставить отрез на постоянный двор. Камилла отговорила тем, что поглядит, сколько денег останется — вдруг ещё и полотна на рубашку хватит купить? Всё равно ж возвращаться. Потом зашла в посудную лавку и долго облизывалась на густо-синие с золотом чашки с блюдами, но там приказчик попался надоедливый, как муха: глядя на её дорогуший в чайных розах полушалок, он, видно, никак не хотел отпускать денежную покупательницу с пустыми руками, а раз те чашки были ей всё же не по карману, он настойчиво (чтоб не сказать похуже) пытался всучить ей то сервиз с хрустальной благодатью, то хоть пару чайников, заварочный и для кипятка, расписанных какими-то овечками в поле. Насилу Камилла от него сбежала.

— Волосья приberi, дурища деревенская, — буркнул какой-то мордатый дядька в форме городского стражника, едва она вышла из лавки.

— А? — Камилла непонимающе потрогала свою гладко заплетённую косу — куда её ещё прибирать? Выйти «по-городскому», совсем без платка, ей казалось всё-таки неловко, и полушалок она накинула на плечи и завязала на груди, хоть и непривычно было ходить с непокрытой головой, но уж причесалась зато волосок к волоску.

— Косу под платок спрячь, говорю, — на что-то злясь, сказал он. — Обрежут — будешь потом выть и на стражу жаловаться.

— А зачем её резать?

— Продать, конечно, — он даже языком прицокнул от такой несообразительности. — За такую косищу две-три кроны точно дадут, а ты ходишь мотаешь тут ею, босяков в соблазн вводишь. А потом ревете, как вам теперь домой ехать...

— Ой, спасибо, сударь. — Камилла торопливо перекинула косу на грудь и заправила её под узел платка. Ещё она, присмотревшись, поняла, что у стражника болит от жары и с похмелья голова, но лезть к нему «А давайте, сударь, я вам голову подлечу» не посмела: и разрешения у неё нет кого-то лечить, а в городе небось с этим строго, и как ещё этот дядька захочет у ведьмы лечиться.

Она пошла дальше, всё так же поглядывая по сторонам, но при этом то и дело трогая косу: две-три кроны, ничего себе! У городских дамочек что, своих-то вообще полтора волоска, что ли, раз готовы такие деньжищи платить? Или это для театра? Актрисам вроде как надо разные парики, чтобы разных женщин играть: сегодня рыжая, завтра белобрысая — каждый раз перекрашиваться, все волосы сожжёшь. Облысеешь, и уже поневоле придётся парик покупать. Эх, жалко летом в театре пьес не играют — она бы сходила. Красиво, хоть и не больно понятно, и голоса у актёров такие... прямо до мурашек по спине.

Она вдруг поняла, что стоит и пялится на вывеску с ножницами и бритвой. Лысенький толстячок за большим красивым окном (одно, наверное, стоило подороже, чем иной домишко) оторвался от какого-то господина, замотанного до самого носа в простыню, но всё равно важного и прямого, как палка, и приветливо помахал ей пухлой ручкой. Камилла неуверенно поднялась по ступенькам и потянула тяжёлую, железом окованную, как почти во всех лавках, дверь на себя. Прозвенел колокольчик над головой, и толстячок сказал:

— Доброго дня, красавица. Садись пока, водички себе наливай, не стесняйся — жарко сегодня. Можешь косу сразу расплести и волосы расчесать, чтобы время не тратить потом. Осветлить небось хочешь? — Он даже вздохнул тихонько. — Портите только волосы.

— И вид потом как у уличных девок, — проворчал господин в кресле. — Не це'ните, бестолочи, того, что есть. Всё хотите, как у какой-нибудь принцессы.

Камилла понятия не имела, про какую принцессу речь и почему вот прямо всем загорелось осветлить волосы, поэтому скромненько присела на не новый, но удобный диванчик. Рядом на круглом столике стоял кувшин с водой и стакан, но пить она не стала, чтобы вода не оказалась тут же на спине и подмышками (и на платье всё сейчас же проступит некрасивыми, неопрятными пятнами). Вот посидит, остынет немножко — тогда можно и выпить глоток-другой. Ждать-то всё равно долго.

Толстячок щёлкал ножницами, рассказывал всякие смешные истории, так что господин у него в кресле то одобрительно хмыкал, то вовсе посмеивался. Камилла тоже прыснула разок-другой в ладошки, не сдержавшись: очень уж у цирюльника здорово получилось какую-то горластую тётку изобразить, — а сама тем временем расплетала косу. Потом мастер осторожно снял с посетителя простыню, стряхнул с неё обрезки волос на пол и бросил её в большой мешок, а для Камиллы достал чистую. «Ого, — подумала она, — не напасёшься их так». Ещё она подумала, что в цирюльне, где после каждого посетителя простыни меняют, цены, наверное, ого-го какие — хватит ли ей кроны?

Господин посмотрелся в огромное, чуть не в половину роста, зеркало, пригладил виски и дал толстячку какую-то монету. Потом собрал в горсть волосы Камиллы (она сердито отстранилась), вздохнул, повторил про бестолочь и вышел, звякнув колокольчиком.

— Садись, красавица, — сказал толстячок. — В какой цвет красить хочешь?

Камилла мотнула головой.

— Не красить, — решительно сказала она. — Сбрить. Налысо.

Цирюльник уронил ножницы.

— Сбрить? — прямо-таки в ужасе переспросил он. Потом его лицо просветлело. —

Продать хочешь, что ли? Беру. Три золотых — годится? Только брить-то зачем? Я тебе стрижечку такую сделаю, под пажа. Походишь как мальчишка, а к Солнцевороту, глядишь, волосы заново отрастут: вон они у тебя какие, за три-четыре недели до плеч отрастут запросто. Постригу бесплатно, — заверил он, потому что Камилла помотала головой. — А за лишние три-четыре дюйма всё равно тебе никто больше трёх крон не даст.

— Я не из-за денег, — сказала Камилла. — Я хочу к мастеру Асканио в ученицы, а он возьмёт только если не длиннее полпальца. А чем полпальца оставлять, проще тогда уж совсем...

— К Змею в ученицы? — толстячок воздел ручки к потолку. — Дитя, ты в своём уме?

— Как хотите, — проворчала Камилла и полезла с кресла. — Пойду другого цирюльника поищу.

— Сядь обратно... бестолочь, — горестно сказал он. — К Змею она в ученицы хочет и готова для этого наголо побриться. Будь ты моей дочерью, я бы тебе... Отец-то знает, кстати?

— Знает. — Он же вправду знает. А что посмеялся... уж родную-то дочь за столько лет лучше узнать бы должен.

Толстяк вздохнул, замотал Камиллу в простыню, чуть не придушив углом, и защёлкал ножницами, срезая аккуратно прядку за прядкой как можно ближе к голове — раз уж остатки волос всё равно потом сбривать.

— Вот твои деньги, — сказал он расстроенно, когда всё было готово, — и уйди с глаз моих.

Камилла посмотрела в зеркало на лопухого лысого мальчишку, с какой-то радости обрядившегося в платье. Лицо у лопухого придурка было коричневым от солнца, а вот выше лба та кожа, что всегда была под волосами, смотрелась прямо-таки мертвенно-белой.

— Спасибо, мастер, — дрогнувшим голосом сказала она.

Тот молча махнул на неё рукой, словно муху прогонял, и принялся аккуратно сплести срезанные волосы. Камилла удивилась тому, как их много оказалось, — вроде бы на голове не так смотрелись, — но ничего не сказала. Собрала с полочки под зеркалом золотые монеты и низко, по самые брови, повязала платок.

У мастера Змея было заперто, и пришлось долго стучать, чтобы какой-то парень с недовольной надутой мордой открыл наконец.

— Мне бы господина Асканио, — решительно сказала Камилла и сдёрнула с головы полушалок. — Он слово дал, что возьмёт, если постригусь.

— Эх ты, Змеючка, Змеева ученица, — вздохнула мать.

Камилла искоса глянула на наставника, но тот только ухмыльнулся: он своим прозвищем ещё и гордился, пожалуй. А Змеючкой её на второй же день обозвали соседские мальчишки. Сначала один заорал: «А, лысая, лысая! А промеж ног тоже побрито?» Кутаться от таких в платок — себе дороже, это Камилла по своему детству в селе знала: только покажи слабинку — загрызут. «А вот мастер Змей мне нужное снадобье сварит, — сказала она с самым снисходительным видом, — так у меня вместо волос чешуя вырастет. И зубы ядовитые». В ядовитые зубы (да и в чешую тоже) они, понятно, не поверили, но Змеева ученица... немного, видно, было желающих с мастером связываться. Поорали вслед про Змеючку, но Камилла на это только одобрительно кивала, а кому таких дразнить интересно? Отстали...

Мать, в общем, ни расстроенной, ни рассерженной не выглядела. Это отец перекинул дочку через колено и от души отходил ремнём по заднице. Камилла вцепилась зубами в руку и только злобно сопела, так что отец отпихнул её со словами: «Дура упрямая, вся в матушку». Ну... дура — так дура, а уговор уговором: брал-таки её Змей ученицей. С испытательным сроком до Солнцеворота, но брал.

— Вот тут твои вещи, — сказала мать, кивая на сундучок, который приволок незнакомый парень, носильщик с постоянного двора, что ли. — А вот это вам, мастер, чтобы моя дочь в самом деле училась, а не ваши подштанники стирала. — Она положила на всё тот же почерневший стол стопку книг. — Посмотрите, может, глянется что.

— Свои подштанники я дорогой прачке отдаю, — покривился он, — кому попало не доверю, так что тут ты зря беспокоилась. — Три-четыре верхние книги он только бегло просмотрел, а вот на самую нижнюю глянул — и пропал. — Предвечная! — выдохнул он, — Это откуда у тебя такое диво?

— Прабабкино приданое, — усмехнулась мать. — Сгодится в уплату?

— Эта — сгодится, — объявил он. — Остальное заberi, такое и у меня есть, а тебе ещё, я так понимаю, теперь уже внуков натаскивать. А про девчонку не беспокойся, я учеников беру не для того, чтобы потом в Коллегии позориться с криворукими неучами. Гонять буду так, что сама ещё обратно домой прибежит от злобного гада.

— Не прибегу, — пробурчала Камилла. — Учиться буду.

— Ну-ну, — ухмыльнулся Змей. — И вот ещё что... Учить девчонку буду, а вот следить за тем, чтобы подолом не вертела — это уже не моё дело. Мне твоя сопля ни для чего не нужна, я вообще не по девочкам. Но если ей в городе от вдруг свалившейся свободы головёнку закружит — это ваши проблемы.

Ох, какая там свобода! По хозяйству, правда, делать приходилось ещё меньше, чем дома. То есть, вообще ничего — у Змея на всё прислуга была, даже кровать можно было оставлять как есть, служанка застелет. А вот привести мастерскую в порядок, потому что с самой весны там убирались только тупые криворукие подёнщицы (у Змея, похоже, все были криворукие и тупые) — это как раз было обязанностью ученика. Чтобы каждую лопаточку, каждую мензурку знал, как родную. Так что Камилла чистила, скребла и отмывала, аж по спине ручьём текло. И читала, читала, читала, и делала длиннющие выписки, потому что Змей часто задавал такие вопросы, что голова пухла. Книги у него были чуть ли не про всё на свете — про травы, про камни, про звёзды и прочие светила, про зверей, птиц и гадов... из чего только ни варились разные зелья, и всё это алхимик должен был знать. А ещё, какие ингредиенты можно совмещать, а какие — Предвечная упаси...

Эту Предвечную, кстати, мастер Асканио поминал всякий раз, когда добрый человек сказал бы «Создатель». А вот до Создателя и его Пророчицы Змею как раз не было никакого дела. Когда Камилла в солнцев день собралась по привычке в храм и спросила разрешения у мастера отлучиться из дому, тот плечами передёрнул и сказал: «Ну, сходи», — с таким видом, точно Камилла по лавочкам прогуляться просилась. И тут же заорал: «Корвин, у тебя основа под „Слёзы невесты“ готова?» — так что ясно было, что сам он никуда идти не собирается. Она даже подумала, что раз отпросилась, то сходит, понятно, а в другой раз... может, ещё и тоже не пойдёт. В здешней часовне на ученицу Змея небось не ласковее посмотрят, чем дома — на ведьмино отродье.

Мать помогла ей затащить сундучок наверх, в комнатку чуть ли не на чердаке. Спасибо, хоть отдельную, а то вон служанки втроём жили; Камилла же, давая отдых гудящей голове,

пристрастилась читать перед сном что-нибудь не по алхимии, а стихи какие-нибудь или истории про лихих наёмников — соседкам бы точно не понравилось, что у неё лампа горит за полночь. Она, кстати, хотела на свои деньги горного масла купить для лампы, но Змей высмеял её, заверив, что уж на освещение как-нибудь сам заработает. А если ей деньги карманы жгут, так пусть лучше купит на осень и зиму боты суконные и тёплые штаны: в подвале скоро холодно станет, как в погребу.

— Он вообще хороший, — вздохнула Камилла. — Язык только... ядовитый, а так он заботливый.

Она села на кровать и сложила руки на коленях. Убираться в лаборатории ей было велено только в ужасном негнущемся фартуке до самого пола и в длинных, до локтя, перчатках из толстой, но мягкой кожи, под которые руки сначала смазывались жирной вонючей дрянью. Закончив уборку, надо было помыть и фартук, и перчатки, и руки с мылом, и лицо умыть, а потом и руки, и лицо опять намазать, но уже не вонючей дрянью, а душистым маслом, которое подмастерье по имени Корвин варил целыми котелками. Наверное, там было что-то ещё, кроме цветочного масла, разбавленного прокалённым рапсовым, потому что руки от него за тот семерик, который прошёл до приезда матери, стали мягкими-мягкими, даже мозоли на ладонях от ножа и от пестика почти сошли.

— Если что, — сказала мать, присев рядом и обняв её за плечи, — возвращайся. Отец уже успокоился, не злится больше. Сам понимает, что всё верно, городской алхимик лучше ведьмы деревенской. Но если не по тебе окажется, приезжай обратно, а в селе поболтают да и заткнутся. Сама знаешь, всю жизнь на дураков оглядываться...

— Лучше вовсе не жить, — кивнула Камилла и привалилась лбом к её плечу.

Магушка потёрлась щекой об её макушку, назвала Камиллу «ёжиком» и, вздохнув, встала.

— Ладно, — сказала она, — пойду, а то мастер твой гостей не любит, я гляжу. Вечером приходи на постоянный двор, поговорим по-людски, а то всё мне кажется, что твой заботливый вот-вот придёт гнать меня отсюда.

===== Ученица =====

Камилла то ли слышала от кого-то, то ли читала, будто на юге глава семьи может из семьи этой изгнать любого, кто его приказа не выполнил: сына, младшего брата, племянника, внука... В Империи такого, понятно, не водилось — отречься можно было только от осуждённого преступника. А парень, которому исполнилось шестнадцать, мог хоть вдрызг разругаться с отцом и уйти проситься в ученики к кому угодно, наняться к любому хозяину или тем более в армию завербоваться — всё равно он оставался кровной роднёй и законным наследником, даже если отец орал ему вслед, что знать его больше не знает и на порог не пустит.

Но то парень, девчонке такая свобода не светила ни в шестнадцать, ни позже. Пока в девках ходишь, отец тебе хозяин, как замуж выйдешь — муж. Ну, это по закону, понятно, в жизни-то всякое бывает. И всё-таки, даже позволив дочери стать чьей-то ученицей, отец в любой момент мог приехать и забрать её, объявив, что нашёл ей мужа. С мастером он мог договориться, что заплатит за уже полученную дочкой науку в несколько частей, а то и вовсе чьей-нибудь чешуёй расплатится, не деньгами, и пришлось бы тому отпускать домой ученицу, а Змей Камиллу отпускать точно не хотел. Даже пожалел как-то, что в Империи не

обвенчают девчонку четырнадцать лет — он-де знает, за кого её замуж выдать, чтобы она могла учиться и дальше.

Камилла слушала, помалкивала, думала про себя, что ещё два года у неё точно есть — до шестнадцати никто её дёргать отсюда не станет. А вот потом... Отец оставлял ей деньги после каждого своего приезда, но тратить их было особо не на что: кормил свою ученицу сам Змей, он же отвёл её в самом начале осени к портнихе и потребовал, чтобы девчонку «одели по сезону, и так, чтобы приличному человеку не было стыдно за свою ученицу». Сам приличный человек на выход одевался в бархат и шёлк, к ним прилагались серебряные перстни, пряжки-пуговицы и серёжка в левом ухе (мог бы и золото носить, но на золото плохо ложатся чары, пояснял он, а вот серебро зачаровывается на раз); и чтобы ему не стыдно было за свою ученицу, Камиллу одели так, что она только хмурилась: не слишком ли жирно? Не расплатишься ведь потом...

Словом, на полученные от отца деньги она купила свод законов о браке и семье и несколько вечеров упорно одолевала книгу, словно нарочно написанную таким языком, чтобы всякая деревенщина бросила читать на первой же строчке. Камилла не бросила и в конце концов нашла-таки закон о том, что женщина или девица в ранге либо подмастерья официально признанной гильдии, либо мага, закончившего обучение, признаётся э-ман-сипированной, вот. Дело было за малым — стать настоящим магом (про подмастерье Камилла даже не гадала). Про способы расшевелить дремлющие способности говорил ещё носатый Искатель с цепью на шее. Рожать было рановато, конечно, да и невинности лишаться пока что тоже, но вообще-то, Камилла собиралась расстаться с этой не слишком ценной вещью за неделю-другую до совершеннолетия, чтобы набрать наконец полный первый круг и поехать в Школу целителей, откуда уже ни отец, ни братья не выцарапают. А если не получится, и придётся возвращаться в Монастырские Сады... Ну, там видно будет. Ни Михе, ни его дядьке эта несчастная первая кровь даром не нужна, им нужна травница за бесплатно, а какой-нибудь Сим и пикнуть не посмеет, что его опередили. Осталось только найти того, с кем можно было бы становиться женщиной, а вот тут было сложно. Желающие-то найдутся хоть на какую лысую, но хотелось бы после этого остаться живой, здоровой и не ограбленной, а связываться с тем, кого хорошо знаешь — неловко ведь будет потом. Как с ним встречаться, разговаривать и вообще...

Мать, правда, говорила, будто отец ни про замужество, ни про Миху и разговор с его дядькой ни разу даже словечком не вспомнил, и всё равно Камилле было тревожно. Матушка, может, на это внимания не обращала, а вот со стороны очень было видно, как задевает отца, что живёт он в доме жены и что для сельчан не она жена Фина-охотника, а он муж Лаванды-травницы. Зачем надо было идти в примачи, если отцу это так не по душе, Камилла понять не могла, но почему-то так ей и казалось, что отец сговорится с Томасом-трактирщиком и выдаст её за Миху из наилучших побуждений: и дочка привычным делом занята, и никаких примачов больше в доме, одни невестки — всё, как у добрых людей. Вон Якоб уже поглядывает на Дину, и матушка вроде не против. Что бесприданница, беда невелика: своих и денег, и добра хватает, зато девка стряпает так, что пальчики оближешь, рукодельница, каких поискать, и характер при этом как у птички, лёгкий и весёлый. А что глуповата, так есть вон уже в доме две умницы, мужикам вечная головная боль.

Такие мысли бродили в бритой головушке Камиллы, пока она размеренно помешивала варево красивого золотисто-зелёного цвета, прямо как камень Искателей под её руками. От массы в котелке остро и свежо пахло мятой — это кто-то привёз из столицы мятные

пастилки для освежения дыхания, и его родные-приятели, понятно, захотели такие же. Так что аптекарь Транк спросил Змея, не возьмётся ли тот наделать таких пастилок, потому как у самого аптекаря в разгар зимы выше головы работы с микстурами от кашля и от лихорадки, а упускать такую возможность заработать лишний грошик не хочется. Змей, видно, тоже был не прочь заработать лишний грошик, особенно на такой ерунде, и Камилле поручили сварить густой мятный сироп, остудить его и наделать маленьких, с ноготок, лепёшечек.

Она тут же предложила часть очень уж дорогого сахара заменить крахмалом, который куда подешевле, а ещё добавить безвредной красочки вроде свекольной или морковной вытяжки, чтобы смотрелось приятнее. Змей только хмыкнул на это и сказал: «Смотри, Транк, на какое сокровище я случайно наткнулся», — а аптекарь притянул Камиллу к толстому мягкому брюху, чмокнул в щёчку и ответил ни к селу ни к городу: «Моя ж ты умница! Серпент, а давай ты её выдашь за моего младшенького?» Змей, хвала Создателю, отозвался в том духе, что самому нужна, мужчины посмеялись, а Камилла незаметно вытерла облизанную щёку и отправилась подбирать состав и цвет: наставник позволил ей перепортировать немножко ингредиентов, но самой определить нужные пропорции.

Первые две порции она, к досаде своей (как же, умелая травница ведь!), запорола. В первый раз вышло слишком жидко, а во вторую она бухнула столько красителя, что даже смотреть на эту ядовитую зелень было боязно, не то что в рот положить. Впрочем, она потом переварила всё это вместе, добавив вытяжку эмбриума и отвар эльфийского уха по матушкиному рецепту, так что получилось ничего себе такое, сладенькое и красивое зелье от кашля. Змей, посмотрев на эту красоту и осторожно попробовав её, почесал в лысом затылке и велел отнести бутылку с получившейся смесью в приют. Разливать непатентованный сироп по фиалам, кому-то его продавать — ему было лень связываться, а сиротам и такое лекарство сгодится. Вряд ли их кто-то лечит по-настоящему, а вреда от мяты, эмбриума и эльфийского уха в сладкой крашеной водичке точно не будет. Даже помочь должно... теоретически. Так он сказал. Камилла обиделась и принялась доказывать, что они с матерью давно такое варят, разве что без сахара, и никто не жалуется, у всех кашель проходит, и жар тоже, и вообще... Змей отвесил ей подзатыльник в воспитательных целях, “чтобы не наглела”, и отправил её в приют с бутылкой и запиской от знакомого целителя, что сироп детям точно не повредит, главное, давать не больше ложечки за раз и не чаще трёх раз в день.

А вот с третьей попытки, как в сказке, у Камиллы получилось угадать и с густотой, и с цветом. Предъявив наставнику записи с расчётами и две дюжины пробных пастилок, она получила разрешение варить уже всерьёз, и теперь помешивала в котелке, остужая смесь настолько, чтобы не обжигаясь до волдырей, наделать из неё пастилок. Камилла помешивала и помешивала, не давая сваренной массе подёрнуться твёрдой хрусткой коркой, а сама с неудовольствием думала о шуточке аптекаря, которая — ну, а вдруг? — может оказаться совсем и не шуточкой. Словно мало ей сельских женихов!

Пришёл Корвин, покидал в ручную меленку каких-то белёсых камешков (ну, выглядело это как слоистые камешки) и спросил Камиллу:

— На тебя тоже смолоть?

— А что это?

— Тальк. Обваляешь свои конфетки, чтобы не слипались.

— Погоди, — она нахмурилась. — Тальк — это же камень. То есть, этот... минерал. Разве его можно в еду?

— Он безвреден, — пожал плечами подмастерье. — Если его проглотить, он пройдёт через желудок и кишечник, не перевариваясь. Воды он не боится, поэтому не размокнет, как крахмал или сахарная пудра. Намолоть?

— Ага. То есть, да, — торопливо поправилась Камилла, изо всех сил старавшаяся отучиться от «деревенских», как ядовито шпынял её мастер, словечек. — Спасибо, Корвин.

— Не за что.

— Ну, как это? — возразила она. — И объяснил всё, и помогаешь.

Он покраснел и завертел ручку мельницы, устроив такой грохот, что поневоле пришлось замолчать. Кожа у Корвина была бледная, под стать очень светлым, чуть ли не бесцветным волосам, и чуть стоило ему смутиться или, наоборот, разозлиться, она покрывалась красными пятнами, даже мочки ушей пунцовели. Вообще-то, он был неплохой парень. Занудный только очень. И уж так заносился со своим званием подмастерья, полученным в двадцать лет... Нет, это он молодец, конечно, но мастер-то говорил, будто взял его учеником, когда Корвину было семь. Получается, он тринадцать лет в учениках ходил? А она, Камилла, здесь всего-ничего, каких-то полгода, и ей уже доверили самостоятельную работу. Ерунду, понятно, мятные конфетки, но всё равно...

— А сложно было звание подмастерья получить? — спросила Камилла, когда Корвин ненадолго перестал громыхать своей мельницей, прервавшись, чтобы дать отдых руке, вертевшей рукоятку.

— Я не могу сказать, что сложно, — подумав, ответил он. — Очень много было... вопросов не по существу. Намёков каких-то грязных... И знаешь, мастер временами бывает резковат, — Камилла фыркнула: временами! — а в комиссии пять человек, и все наперебой стараются оскорбить тебя и унижить. Когда я готовил экзаменационную работу, у меня от злости так руки тряслись, что я едва не запорол её.

— Они, наверное, это нарочно? — предположила Камилла. — Разозлить человека, вывести из себя и посмотреть, как он справится. Разволнуется, рассердится, всё испортит — ну, и куда такому в алхимики? В лаборатории же вечно то яды, то такие составы, что от пристального взгляда сами собой нороят полыхнуть. Надо же уметь в руках себя держать.

— Всё правильно, — согласился Корвин, только вид у него был уязвлённый. — Пока меня лично не коснулось, — дотошно уточнил он, — я тоже так думал.

Камилла представила себе, как пятеро важных бритоголовых старцев наперебой изводят её в духе дорогого наставника, и зябко передёрнула плечами. Ну... пожалуй. Легко рассуждать о том, что алхимик должен быть всегда собран и выдержан, пока тебе не взялись клевать мозги, да ещё целой толпой.

Корвин опять завертел ручку, загремел жерновками. В наглухо закрытую прозрачную миску опять посыпалась белая-белая, белее настоящей, мука. Камилла подумала, что из-за такой посыпки пастилки потеряют свой нарядный вид. Но опять же, если они слипнутся в комок, вид они потеряют тем более. Она вылила заметно загустевший сироп в неглубокую, почти плоскую миску, набрала масла в чашку, смазала им руки и, тихо шипя, принялась лепить пастилки. Подумав, что если бы кто-то додумался наделать формочек, как для петушков, только совсем маленьких, вышло бы занятно: листочки, цветочки, пчёлки-бабочки...

— Дитя ещё совсем, — вздохнул аптекарь, принимая жестяную банку, полную аккуратных зелёных лепёшечек. — Одни сладости на уме. Так и представляю себе наместника и его свиту с зелёными мятными бабочками на палочках!

Он посмеялся, Камилла совсем уже собралась обидеться, но Змей, хоть и улыбнулся, посмотрел на неё этак... оценивающе. Сказать однако ничего не успел, потому что сухопарый господин, беседовавший о чём-то со старшим сыном аптекаря, повернулся к ним и спросил:

— А, это те самые пастилки? Отсыпьте-ка мне, господин Транк, с четверть фунта сразу. Моя супруга говорила, будто они не только освежают дыхание, но и больному горлу дают облегчение, а я как раз немного простудился.

— Надо настоящих лечебных пастилок наделать, — предложила Камилла. — С эмбриумом, который лечит кашель, и с эльфийским ухом, которое вообще от простуды.

— Какая любопытная мысль, — одобрительно отозвался Транк, отсыпая пастилки из банки в картонный пакет с названием его аптеки. — Непременно попробую.

А Змей, едва они, получив деньги за заказ, вышли из аптеки, двинул Камиллу по затылку. Не больно, обидно только. И суконную шапочку, опущённую отцовской чернобуркой (самому мастеру он двух куниц привёз, чтобы расплатиться за дочкины обновки — не хотел он ходить в должниках), сбил чуть ли не на нос.

— В следующий раз, бестолочь, — сказал он, тут же сам поправив шапочку на ученице, — все свои гениальные идеи излагай сначала мне. Одну ты, считай уже подарила Транку, молодец. Этот хитрый жирный кот сейчас ночь не поспит, пробуя осуществить твою придумку, а уже утречком пошлёт курьера в Совет Гильдии подавать заявку на патент. А мне пока некогда возиться с такой мелочью, у меня срочный и очень дорогой заказ. — Он покачал головой, выгреб, не считая, горсть серебра из кошелька и протянул Камилле. — Держи за работу, дурёха. Вот увидишь, будут у Транка и цветочки-бабочки, и лечебные пастилки — всё, как ты сказала. Надумаешь ещё кому подарить на бедность свои задумки, лучше Корвина осчастливь, он мне всё-таки не чужой.

— Он ваш племянник? — удивилась Камилла. Ну, вот ни в одном месте не были похожи мучная моль Корвин и ядовитый змей Асканио.

— Он мой ученик, Змеючка, а это поближе, чем родная кровь. Я тринадцать лет на него

угробил... — Он, не договорив, вздохнул, и Камилла не решилась спросить, почему угробил-то? Хотя... если парню надо идеи «дарить на бедность», со своими у него, видно, неважно обстоят дела.

— А вот вы на меня тоже угробите два-три года, а потом отец приедет и заберёт, чтобы замуж выдать, — пробормотала она, плотнее застёгивая у горла пелерину плаща, тоже обшитую по краю полоской черно-бурого лисьего меха — назад они шли против ветра, и расстёгнутую в аптеке пряжку у ворота пришлось срочно защёлкнуть обратно.

— Не заберёт, — отмахнулся Змей.

— Это с чего вы так решили?

Он помолчал, только снег под его щегольской, на самом деле вовсе не нужной ему тросточкой злобно взвизгивал на каждом шаге.

— Знаешь, что меня поразило более всего в вашей империи, когда я только что приехал? — сказал он.

— Э-э... дороги? — предположила Камилла, что-то такое слышавшая от путешественников-южан. — По которым можно проехать в любую сторону в любое время года?

— Ну... пожалуй. Но сразу после них — ваша бюрократия. Каждый твой чих будет замечен, задокументирован, внесён в соответствующий реестр, подтверждён двумя свидетелями и заверен печатью и подписью. В любом трактире по пятьдесят лет хранятся книги учёта постояльцев — кто, когда, куда, по каким надобностям... Так вот, гадючка моя, я говорил с твоей матушкой — она-то очень хочет, чтобы ты училась дальше, раз уж ты вытащила счастливый билетик. И если понадобится, сударыня Лаванда затеет громкий, грязный и очень скандальный судебный процесс, который похоронит её репутацию, но даст тебе возможность послать отца с его ущемлённым самолюбием подальше.

— Я не хочу его посылать! — возмутилась Камилла. — Просто...

— Просто представь, что выбирать надо между твоим образованием и его представлениями о месте женщины, — усмехнулся Змей. Он раскланялся с кем-то, и Камилла, понятия не имевшая, кто это, на всякий случай тоже присела в коротком книксене. — А вообще, Змеючка, тебя никто не спросит. Матушка твоя объявит, что ты не дочь Финдана из Люцерна, потому что пока супруг бегал по горам-по долам за вивернами и от них, она наставила ему рога с бравым десятником императорской армии. Проверить, бывал ли такой в Монастырских Садах, несложно, а десятнику, или кто он теперь, можно и память освежить горстью золотишка, чтобы он радостно признал, что да, было дело, крутил он с хорошенькой ведьмочкой по дороге к новому месту службы и даже дочку готов признать — за отдельную плату, разумеется. Будет ужасный скандал, будет судебное разбирательство, а у вашей манеры всё заносить в книги и протоколы есть и обратная сторона: если все эти бумаги вывалить из архивов, получится горный хребет от Белого до Абесинского моря, и разбираться в них — это просто бездна времени. Дело будет рассматриваться долго, очень долго, и пока судья не вынесет вердикт, отцов у тебя будет двое — то есть, ни одного. Ты подмастерьем стать успеешь за это время, потому что Фин-охотник уже лишится права распоряжаться твоей судьбой, а гипотетический десятник — ещё не получит его.

— Я так не хочу, — мрачно сказала Камилла.

— Конечно, не хочешь, — подтвердил наставник. — Ты хорошая девочка, любишь родителей и не хочешь, чтобы они рассорились насмерть из-за тебя. Я очень надеюсь, что этого и не случится. Но на отца ты почти совсем не похожа, так, что-то смутное такое, а в

селе найдётся добрый десяток якобы свидетелей того, как к матушке твоей шмыгал ночью тип в военной форме. Причём они-то заявят это совершенно бесплатно и без всяких просьб со стороны твоей матери: она же ведьма, а разве ведьмы бывают верными жёнами?

— Свекровка-блядь снохе не верит, — буркнула Камилла, представив себе, что начнётся в селе, если матушка оговорит себя. Старые гримзы вроде той же Клары Длинноносой такого насочиняют, что госпожа Розалия в своём «Подорожнике» от зависти позеленеет.

— Именно так, Змеючка. Каждый судит по себе. Твой отец желает тебе исключительно добра — но так, как он его понимает, не ты. За безродного бродягу с четвертью нелюдской крови пошла замуж только ведьма. Вернее, он был вынужден пойти к ней в консорты, чтобы не быть больше бродягой. Но его дети так и остались то ли остроухим, то ли ведьминым отродьем. И если парни могут за себя постоять, то о тебе позаботиться должен отец, так Фин считает. Выдать тебя замуж за мальчишку из богатой, влиятельной, почтенной семьи, живущей в Монастырских Садах чуть ли не с появления села, значило бы не просто обеспечить твою безбедную сытную жизнь, но и детям твоим дать возможность не расти изгоями. Я ведь прав, у тебя и твоих братьев друзей в селе немного?

— Немного, — хмуро согласилась Камилла.

— А дети трактирщика Михеля — это, как ни крути, совсем не то, что дети ведьмы Камиллы и её консорта. Так или нет, Змеючка?

— Так, — с неохотой кивнула она, запоминая на всякий случай красивое словечко “консорт”. — А вы, мастер? Я хочу сказать, вы тоже судите по себе? Не похоже как-то.

— А я обычно стараюсь посмотреть на ситуацию с разных сторон, — хмыкнул он. — Тоже ничего хорошего, скажу я тебе. Обычно все отчасти правы, но при этом никто не прав полностью, и надо решать, чья неправота тебе симпатичнее.

Камилла ещё несколько раз варила для Транка мятные пастилки и для приюта — сироп, который не теоретически, а на самом деле очень даже неплохо помогал от кашля не больно-то тепло одетым и потому вечно простуженным сиротам и подкидышам. Он ещё и сладким был, а мятный вкус отбивал тошнотную горечь эльфийского уха, так что можно было им поить хоть годовалых детишек. Словом, Камилла варила его, покупая сахар и эмбриум за свой счёт, решив, что чем бить поклоны перед статуей Пророчицы, лучше сделать настоящее доброе дело. Послушницы поджимали губы при виде особы, не являвшейся на службы хотя бы разок в семерик... то есть, неделю, конечно... но бутылки с сиропом исправно принимали. И даже пустые не возвращали — куда они их девают потом? Молочнику, что ли, продают?

А в аптеке да, появились и пастилки «Свежесть» в виде мятных листочков, и «Пчёлка-знахарка», медовые с эмбриумом и веретёнкой. Транк, ничуть не смущаясь, лез к Камилле обниматься, спрашивал, не придумалось ли ещё что интересное, и кричал сыну: «Эй, Куно, не зевай, уведут!» Транк-самый-младший растягивал губы в вежливой улыбке и неопределённо пожимал плечами — хвала Создателю, не было у него ни отцовской хватки в делах, ни Михиной готовности... нагнуться за горсть серебра.

Шла к концу зима, небо стало выше и ярче, а снег на солнечной стороне, наоборот, начал проседать, покрываясь ледяной коркой. Камилла ходила теперь вместо Корвина на рынок за травами: она всякий раз критиковала его покупки, и наставник в конце концов велел ей самой заняться этим делом, раз уж она думает, будто так хорошо в этом разбирается. Разбиралась Камилла, по её скромному мнению, получше самого Змея, поэтому

и ругалась почти всякий раз, возвращаясь с рынка — этими венниками, по её мнению, можно было только полы мести, но никак не готовить из них снадобья.

— Мастер, — сказала она наконец, — давайте я летом раза три-четыре съезжу домой и сама наберу чего сумею.

— Ну, — усмехнулся он, — начинай отращивать косу.

— Ещё чего! — она даже подбородок задрала. — Я ученица алхимика! И причёску ношу, единственно возможную для алхимика. Только я попросить хотела, мастер... Можно мне на лето сшить на выход штаны и мантию? А то платье глупо смотрится с лысой головой.

===== Городская сучка =====

Змей лично посадил Камиллу в почтовую карету, придирчиво покрутив её перед этим так и сяк, словно искал, к чему придраться. Камилле даже подумалось, что будь она одета похуже, он бы её никуда не отпустил — она же его ученица и не имеет права его позорить. Придраться однако было не к чему: под новенькой мантией из малахитово-зелёного тонкого сукна на Камилле была тонкая, почти прозрачная рубашка с высоким пышным воротом, вышитым шёлком, и штаны в обтяжку, на ногах — почти мужские (дамские с штанами и короткой, едва за колено, мантией смотрелись бы глупо) туфли с медными пряжками, а на голове — ток из того же зелёного сукна и тоже с пряжкой, в которой играл на солнце недорогой, зато точно в цвет глаз камушек. Ехала Камилла от силы на недельку, поэтому вещей у неё с собой было немного — две смены белья да домашнее платье. Ну, и подарки, понятно. Тряпки и флакончики легко поместились в одолженный Корвином сак, и самой громоздкой и неудобной частью поклажи была коробка с купленными таки теми самыми чашками-блюдцами, густо-синими с золотом.

И разве Камилла была виновата в том, что их дом стоял в самом конце главной улицы Монастырских Садов, и туда надо было идти через площадь перед часовней, на которой заодно и все лавочки-мастерские располагались, и даже «Подорожник» госпожи Розалии? Холодный резкий ветер срывал цвет с яблонь и вишен, трепал мантию, норовил сбросить ток с головы, но яркое солнце сияло на пряжках туфель и замочках сака, и весь народ, который почему-то был не в поле, пялился на неторопливо вышагивающую девицу, одетую как мальчишка-ученик из какой-то учёной гильдии, и никто, вот вообще никто не узнавал в этой бесстыднице ведьмину дочку. Камилла даже рукой помахала вышедшему передохнуть и проветриться кузнецу, а тот неуверенно поклонился в ответ, явно соображая, что это такое сейчас было?

— А сударыни Лаванды дома нету, — сказала Дина, когда Камилла вошла в дом. — Только сынок ейный. Вам его кликнуть, вашмилсть?

— Кликни, — давясь смехом, но внешне важно кивнула Камилла.

— Ян! — завопила Дина, высовываясь чуть не по пояс в то окошко, что выходило в сад, где братец, видно, окапывал деревья. — Я-ан! Тут за лекарством пришли, иди скорее.

Камилла тем временем поставила сак и коробку на скамью, сняла мантию и ток и спросила повернувшуюся к ней Дину:

— Неужели правда не узнала, Дин? Богатая буду.

— Так вроде уже не бедная... — пробормотала та, потом взгляделась и ахнула: — Мила?! Ты, что ли? А коса?! — горестно возопила она, всплёскивая руками. — А косища-то твоя где? До самой жопы была, в руку толщиной, а ты её состригла? Кто ж теперь тебя

замуж-то возьмёт?

— Очень надеюсь, что никто, — буркнула Камилла, но тут вошёл Ян, красный, потный, со слипшимися волосами, явно из одного приличия наскоро накинувший рубаху, и хмуро спросил:

— Динка, ты чего разоралась?

— Так вон, — он ткнула пальцем в Камиллу.

— А, — братец усмехнулся, — точно, ты же Милку не видела целый год. Ну, здорово, мелкая, — он сгрёб Камиллу в объятия и стиснул так, что у неё в боку, кажется, что-то хрустнуло — он здорово раздался в плечах, оставшись пониже Якоба с Вильмом, зато взамен став куда поплотнее, словно с опозданием всё же в матушкину породу пошёл. — Ты надолго?

— Нет, только трав кое-каких собрать. Дня три-четыре, потом обратно. Но потом ещё приеду, — прибавила она, потому что Ян наморщил лоб, что-то такое прикидывая. — Если мастер не передумает, понятно. А то он такой... То «Опять хорошие ингредиенты испортила, дура косорукая?» — и подзатыльник, а то «Ладно, мы все такими были», — и пирог из кондитерской, с какими-нибудь персиками и сливками, на ужин.

— С какой ноги встанет, — понятно кивнул Ян. — Ладно, давай умывайся, переоденься, что ли. С тобой в лес, я так понимаю, меня опять пошлют.

— Отец вроде говорил, что берёт тебя со старшими теперь.

— Смотря куда, — хмуро ответил братец. — В Костяной распадок вон не взял. Динка, чего стоишь? Есть чего пожрать? Сестрица моя полдня в дороге была, голодная небось, как волк.

— Ой, — Дина, откровенно греющая уши, отмерла и захлопотала. — Сейчас накрою, а ты правда что переделалась бы: закапаешь рубашку-то — не отстираешь ведь потом, а она поди дорогушая.

Каморочка, где по-прежнему стояли две койки и висела на гвоздях одежда, стала словно бы ниже, теснее и темнее. А сами койки... Та, что стояла в комнате Камиллы в доме Змея, была ненамного уже, но предназначалась только для одного ученика. «И вообще, — подумалось Камилле, пока она, присев на краешек койки стаскивала узкие штаны, — надо будет лечь отдельно, на койку старших, раз уж их всё равно дома нет: не хватает только дурацких сплетен про то, что почти взрослая девка с братом спит. До того, что просто спит, как с рождения всегда и спала, старым дурам вроде Клары дела нет, они непременно каких-нибудь гадостей напридумывают. Свекровка-блядь...» Ещё она подумала, что какой-то год назад ей бы и в голову не пришло прикидывать, чего всякие потрепанные кошёлки насочиняют про неё с братьями. Прямо хоть старого хрена Карела вспоминай с его «волос долог — ум короток». В том году только и оставалось фыркать: у самого-то ума, у пьяни непросыхающей... Теперь можно было огладить бритую голову и ехидно спросить: «Дядька Карел, а где ты вообще у меня волосы видишь?» Но разговоров, понятно, будет в селе... и без совместных ночёвок с родным братом найдут что обсосать со всех сторон. Из-за одной этой обритой головы икота замучает.

— Ну и зверь тебе в наставники достался, Мила, — посмеиваясь, сказал Миха, явившийся вечером по какому-то загадочному делу к Яну. — Заставил тебя волосы сбрить, чтобы никто не позарился, а то ему ж за тебя перед твоим отцом отвечать.

— Это кто до такого додумался? — удивилась Камилла. Сама она пока ещё никуда не

выходила — получалось, что или девчонки успели разболтать соседям про её приезд, или её всё-таки опознали, пока она шла от почтовой станции.

— Дядька Никола, — хмыкнул Ян. — Ржал небось про себя, как конь, а дураки уши и развесили.

Камилла, усмехнувшись, кивнула: дядька Никола мог и не такое ещё придумать, с него стало бы.

Смеркалось. Мать ещё не возвращалась, но Ян велел подавать ужин. Позвал за стол и Миху, так что батрачки с Диной во главе постреливали глазками в обоих парней, особенно в Миху, ставшего настоящим красавчиком. Правда, из тех, какие Камилле никогда не нравились. «Конфетные мальчишки», как их наставник называл. Дина, кстати, держалась этак по-хозяйски — она обручилась с Якобом и была теперь вроде как и не батрачка уже, а невеста хозяйского сына. Хозяевам не ровня, понятно, сноха-бесприданница, но и прочим батрачкам не ровня тоже. Аж носик облупленный задрала слегка, так и хотелось щёлкнуть.

— Я думала, меня никто не узнал, — сказала Камилла, лениво разминая ложкой картофелины и радуясь, что вилок в доме так и не завелось, а ножом пользуются только для того, чтобы хлеба отрезать. У Змея не выкладывали на стол по полдюжины приборов для всего на свете, но уж нож и вилка — это было обязательно. С Корвина наставник требовал, правда, начинать учить столовый этикет, но Камилле до подмастерья было ещё как до луны пешком, а учениц никто не приглашает в такие дома, где подаётся полный... как его?.. а, куверт.

— Наши узнали сразу, — заметил Миха. — Ну, трактирные: мы всяких во всяком виде видали. Смотришь, выплывает из кареты дама, вся из себя такая изящная и утончённая, а вечером несёшь ей горячего вина с мёдом, а она сидит без парика, со сметаной на морде, в ватном шлафроке и ноги в тазике парит. А удержишься с её глинтвейном, эта изящная так тебя обложит, что любой конюх заслушается. — Он положил себе в тарелку полную с горкой ложку сметаны и прибавил: — но ты и правда здорово изменилась, Мила. Я не про косу обрезанную, у тебя даже взгляд стал какой-то другой.

— Сучка городская, — подсказала Камилла, и новенькая батрачка, имени которой она ещё не успела узнать, залилась краской до ключиц.

Что уши-то у хозяйской дочки обыкновенные, круглые, не как у отца, а слух при этом всё равно, словно у дикой кошки, девка, видно, ещё не знала. Ну, теперь язычок придержит немного, если не полная дура. Дина вот с виду глупа, как пробка, и языком вроде метёт не думая, а на самом-то деле никаких хозяйских дел чужим не выдаёт, очень ловко сбиваясь с того, о чём её спрашивают, на ерунду вроде хозяйкиного полушалка, который та обещалась к Солнцевороту отдать, после того, как новый себе купит. У такой даже старой Кларе Длинноносой ничего толком выведать не удавалось, так и убиралась ни с чем, ворча про сороку безмозглую. Спросить, из чего проклятая ведьма варит своё натирание для распухших коленок, а вместо этого полчаса слушать, как надо правильно тесто для ватрушек заводить...

Камилла вдруг подумала, что Дина на самом-то деле очень себе на уме девица и дурёхой-трещоткой просто очень ловко прикидывается. Не за это ли ещё матушка её решила невесткой взять? Так и представился мастер, с усмешкой говорящий: «Репутация — страшная штука, Змеючка. Главное, наработать её, а потом она сама за тебя половину сделает». Репутация в приданое... Камилла хмыкнула. М-да. Создатель знает, какой у неё теперь взгляд, но вот говорить и даже думать она точно стала по-другому.

Потом вернулась мать, насобиравшая молодого сухостебля — тоненьких, бледных,

почти без листьев ещё стебельков. Камилла усмехнулась, сообразив, для чего он — старей-то, вымахавший по грудь и одеревеневший, годится только на согревающее зелье, а вот молоденький и нежный, не засушенный, упаси Создатель, и даже не увядший...

— Ян, — сказала мать, коротко, словно мимоходом обняв её, — сходи к Розалии, спроси, нужно ей зелье предохраняющее или мне в замок тебя завтра послать — там уж точно желающие найдутся.

— Ага, — охотно отозвался братец и удрал одеться попримичнее. Миха убрался за ним, долой с глаз не сильно его любившей травницы, а потом они вместе ушли, и Камилла подумала, что наверное, одним вопросом дело в «Подорожнике» не обойдётся.

Пока мать ополаскивалась в бане нагретой за день водой (нарочно оставляли на солнце покрашенную в чёрный цвет бочку), пока ужинала, Камилла взялась привычно разбирать стебли, а потом мелко-мелко нареза'ть их для снадобья, которое святая мать честила «выдумкой Порождений Тьмы» и грозила суровым покаянием любой прихожанке, которую поймут за его употреблением. Бедные прихожанки только вздыхали, не по карману оно им было, а те, что побогаче, смотрели на проповедницу честными-честными глазами, а про себя, как уверена была Камилла, придумывали всяческие хвори по женской части, чтобы повод был навестить ведьму проклятую и попросить у неё, кроме Милости Пророчицы, ещё и «выдумку Порождений Тьмы».

Вообще-то, для девиц из заведений вроде «Подорожника» хозяйки обычно заказывали у малефикаров амулеты и против беременности, и против дурных болезней разом. Впрочем, амулеты — штучки очень недешёвые, не всем по карману опять же. Розалия, наверное, купила три-четыре, вряд ли у неё собиралась вечерами целая толпа разом, и девицы могли передавать амулеты друг дружке. А вот на случай, если вдруг все три-четыре уже будут в работе, стоило бы держать про запас бутылочку-другую предохраняющего зелья, это точно.

И нет, Змей такого не готовил. И лекарства от тех самых болезней тоже. Он отвёл Камиллу в «Розовое облако» утречком после солнцева дня, когда в борделях вообще посетителей нет, только целитель, явившийся с проверкой, и познакомил её с хозяйкой. «На будущее», — туманно пояснил дорогой наставник. Хозяйка тут же попросила сделать ей растирание для ног, вот просто слов нет, как она устаёт целыми вечерами кружиться по залу, изображая добрую фею (Камилла вежливо промолчала про фею весом в шесть пудов), а меж тем она слышала от мастера Фабиана просто сказочную историю про натирание, после которого хочется порхать и танцевать. Камилла, понятно, согласилась: работы там было на час с небольшим, готовить только надо было маленькими порциями, чтобы не хранить состав дольше недели. Так и повелось, что каждое утро лунника она приносила госпоже Изольде натирание для ног, та поила её чаем с вчерашними, но всё равно очень вкусными пирожными, а освободившиеся после осмотра целителя девочки-мальчики приходили поболтать с будущей клиенткой — в этом они почему-то были уверены твёрдо...

— Всё хорошо, матушка, правда, — сказала Камилла. — Столько всего за год узнала, столькому научилась. Я же не только в лаборатории прибиралась. А что мастер и на руку скорый, и на язык, так другие и похуже бывают. Он как-то про Корвина сказал, что ученик — это ближе, чем родная кровь, ну и мне кажется, мы ему вместо... не детей, понятно, но вроде племянников, что ли.

— Да вижу я, — то ли вздохнула, то ли усмехнулась та. — А то не отпустила бы. Масло льняное подай. И печурку растопи.

— Ага. — И можно было даже не поправляться, некому было давать подзатыльники за

«деревенские словечки». Но растапливая крошечную печурку, на которой готовились зелья, Камилла подумала про стоящие в лаборатории Змея гномские горелки, к которым только зачарованную палочку поднести и сказать: «Ignis», — и сразу же можно, подкручивая фитиль, выставлять пламя той силы, которая тебе нужна, чтобы хоть быстро довести до кипения воду для отвара, хоть тихонько кипятить её потом. Был у Змея и атанор для медленного и осторожного нагревания всяких составов, которые опасно было ставить на открытый огонь, но обычно все трое пользовались горелками на горном масле. «Надо будет скопить денег и привезти матери такую же», — подумала Камилла.

— Иди-ка спать, — сказала магушка вдруг. — Затемно ведь встанешь, чтобы до солнца успеть хоть чего-то набрать.

Понятное дело, Миха пошёл с ними. Камилла и Яна-то пыталась дома оставить, не собиралась она заходить дальше плёса, только корней ножелиста накопать, пока к нему хоть подойти можно, а то к середине лета и не сунешься, когда он свои страшные листья растопырит на два-три локтя во все стороны. Но парни, беспрерывно зевая, увязались за нею — понятно, просто-напросто смотались оба из дома, чтобы выспаться в тенёчке и потом соврать, будто помогали ей, а Михин дядька, надо думать, и на неделю племянника отпустит, не то что на денёк, чтобы он крутился поблизости от Камиллы.

— Это где вас ночью носило? — проворчала Камилла. — В замок, что ли, ходили после «Подорожника»?

— Да куда мы не ходили, чего привязалась, — недовольно буркнул Ян.

— Скажи ещё, тебе кто-то из девочек госпожи Розалии такой засос поставил, — хмыкнула она.

— Где? — всполошился почему-то Миха. — Бля! Правда, Ян, на самом виду. — Вид у него был как у нашкодившего кота — куда это он братца таскал ночью?

— Иди сюда, — вздохнула Камилла. — Тесёмки развяжи и ворот распахни пошире. — Всё равно же ведьма поднадзорная, чего теперь скрывать?

— Голова ведь разболится, — возразил Ян, но без особого напора. Светить засосом ему точно не хотелось, так что он послушно распутала тесёмки у горла.

— Не разболится, — отмахнулась Камилла, — тут ерунда совсем.

Она приложила пальцы к багровому пятну над ключицей. Это что за баба так впилась? Прямо упырица какая-то. Братец молчал, только сопел, Миха тоже помалкивал, но он прямо дышать забыл, глядя, как под пальцами Камиллы засос бледнеет и меняет цвет с багрового на лиловый, потом зеленоватый, потом жёлтый... Совсем избавиться от него не удалось, но выглядеть он стал так, будто ему уже недели две, а то и больше. У Михи, видно было, язык и так и чесался что-то спросить, но он то ли не посмел (это Миха-то?), то ли... да Создатель его знает, только он ни словечка так и не сказал.

— Ты как? — тревожно спросил Ян и мазнул Камиллу пальцами по лбу, стирая проступившие капельки пота.

— Нормально, — заверила она, и он хмыкнул на это непривычное “нормально”. — Но ты уж поаккуратнее, а? А то если у тебя ещё и спина ногтями исцарапана...

— А спина-то с чего? — удивился Ян.

А вот Миха прищурился и посмотрел на Камиллу этак пристально-пристально.

— Горячая у тебя подружка в городе завелась, — сказал он вроде бы шутливо, только в глазах никакого веселья не было. — Или не подружка?

— Лекарства я готовлю для бандерши, — вздохнула Камилла. — Каждую неделю хожу к ней с пузырьком. Заодно с целой толпой девчонок познакомилась, которые на неё работают, а они такое болтают — уши сворачиваются. Имён ничьих не называют, понятно, но зато подробностями друг с другом делятся... — Она только головой помотала. — Честное слово, про некоторые я бы охотно не узнавала никогда.

Накопать корней парни ей всё-таки помогли, но потом нашли на маленьком мысе старую иву и увалились спать в тени у воды, где так и не унявшийся ветер сдувал всех кровососов. Никаких плащей никто с собой не брал, и Камилла, пофырвав, стянула из-под платья нижнюю юбку, чтобы хоть под головы подстелить, а то и трава щекочется, и всякие козявки из неё в лицо лезут. В следующий раз, подумала она, надо будет прихватить с собой рабочие штаны. Привыкла уже в штанах, бесят подошвы до пят, путающиеся в ногах. Оставить в городе одно-два платья на всякий случай, а остальное сюда привезти. Той же Дине отдать, или кому там матушка решит. А портнихе заказать всю одежду, как для мальчишки — ну, совершенно идиотски смотрятся кисейные платьица с обритой головой, а парики носить... вот ещё! Она алхимик!

— ...Теперь к Высокому Солнцу, наверное, — сказала Камилла. — Так же, денька на три-четыре. — Больше ей было просто не выдержать, никого не отравив. Не насмерть, понятно, Создатель упаси, а так... заставить эти же три-четыре дня не вылезать из уборной, держа перед собой поганое ведро, чтобы блевать одновременно с поносом. Хорошо, хоть уходила из дому она ещё затемно, да и возвращалась порой после заката. Однако та же Клара Длинноногая умудрялась подкараулить её даже в сумерках. Дряхлая, немощная, подслеповатая и тугая на ухо бабулька.

Сак, из которого вытащили все подарки, заметно опал боками, зато обратно в Ясень Камилла везла здоровенный ящик, в котором, аккуратно перестеленные холстинками, лежали и ею собранные травы, и те прошлогодние запасы, которыми поделилась мать: «Свежее уже на подходе, забирай».

— Ты как в городе-то? — спросил отец. — Неудобно одной такой ящик тащить.

— Да не собираюсь я его таскать, найму извозчика.

— Ага, — сказал отец и полез за кошельком.

Камилла хотела было отказаться, потом вспомнила про горелку и взяла несколько монеток. И госпожа Изольда, и цирюльник, и аптекарь тоже то и дело совали ей по паре серебряных децимов, но Змей всегда отмахивался от «медяков», которые Камилла честно пыталась отдать ему. Так что не к следующему разу, понятно, но вот к следующему лету запросто можно будет скопить нужную сумму. А гномам человеческие зелья подходят? Может, и с ними можно как-то договориться? У ювелира наверняка глаза страшно устают к вечеру, а у какого-нибудь... жестянщика, к примеру, на руках совершенно точно должны быть рваные порезы и ещё, наверное, ожоги. Она, конечно, всего только ученица, но все, кто хоть раз её снадобьями попользовался, все потом требовали, чтобы именно она и готовила их впредь. Магию лечебную она в них сбрасывает, как объяснил её куратор брат Хаген, оттого и действуют они быстрее и сильнее. Куратором, кстати, был мужичок с кошачьей усатой мордой и блудливыми глазками. Ничего такого со своими поднадзорными он себе не позволял, но глазками так и шарил, словно руки под одежду запуская, а уж шуточки у него были... Хромой коновал дядька Никола покраснел бы.

Возчик пристроил поверх Камиллиного ящика чьи-то мешки и захлопнул короб позади

кареты. Пора было садиться. Камилла перецеловалась с родителями и братьями, заверила, что скоро приедет снова, и полезла в карету.

===== Поднадзорная =====

Так прошло лето. Осенью, после свадьбы Якоба с Диной, Камилла вместе с приехавшей матерью сходила отметить в Штабе Искателей. Круг зелёного света по-прежнему не доходил до первой полоски на всё те же полдюйма, а до шестнадцатилетия оставался год с небольшим.

Впрочем, Камилла приказала себе выкинуть мысли об этом из головы — что толку изводить себя раньше времени? Трав она заготовила много разных, наставник совершенно не возражал, когда она, выполнив его задания, торчала вечерами в лаборатории, вываривая, перегоняя, растирая и смешивая то и это. Работать, как Корвин, от и до, строго следуя плану, у неё не получалось никогда — Камилла то как бешеная строчила в своём журнале, попутно приглядывая за процессом перегонки, и временами спать ложилась уже под утро; то, перегорев, откровенно через силу выполняла поручения наставника, а потом тупо валялась на кровати, даже не читая, или шла в театр, а то и на арену, где азартно вопила и улюлюкала вместе со всеми и даже ставки делала по мелочи. Обычно ей везло, но она не зарывалась, помня, что удача — девица обидчивая, ветреная и очень не любящая жадин. На выигранные деньги Камилла покупала ингредиенты и готовила лекарства для приюта, полагая, что вполне искупает этим мелкие грешки вроде ставок на арене, а крупных за неё пока и не водилось. Кроме гордыни разве что, но уж ту, если верить святым сёстрам и матерям, ей было вовеки не искупить. Разве что прикрыть покрывалом послушницы бритую голову и смиренно готовить снадобья для служителей Церкви.

Вот прямо сейчас! Ей мастер Фабиан, болтая как обычно за работой, пожаловался, что всем её растирание хорошо, отёки почти не беспокоят больше, но кожу сушит оно просто зверски, приходится потом маслом мазаться. Пришлось объяснять, что состав у этой отравы такой — куда вот деваться. Цирюльник легко покивал, заверил, что маслом натереться недолго и нетрудно, главное — ноги к вечеру перестали отваливаться, однако Камиллу зацепило, и она принялась размышлять, что можно заменить в растирании или как исхитриться и добавить в него масло сразу, не нарушая структуру...

— Змейка! — возопил мастер Фабиан. — Ну, об этом ли думать хорошенькой девочке?! У тебя в твоей лысенькой головке должны быть стихи о любви и цветы от поклонников, а не рецепты вонючих настоек! Кстати, если нужен парик на вечер или даже на два-три дня, можешь брать в любое время. Бесплатно!

Камилла по поводу стихов и цветов только фыркнула, однако за предложение брать парик, если понадобится, искренне поблагодарила. Действительно, вдруг... ну, не свидание, конечно, но мало ли что.

Так прошла и эта зима, а потом ещё одно лето с новыми поездками домой, за травами и на свадьбу Вильма, поспешившего за старшим братом. Осень не порадовала Камиллу никакими изменениями в статусе поднадзорной, а на Белую Дорогу ей исполнялось шестнадцать. В общем, надо было что-то решать.

В солнцев день редкая лавка была открыта, а всякие конторы вообще не работали, но Искатели — это не стряпчие. Это как и стража: ни выходных, ни праздников. И у них,

конечно, в здании было темновато, гулко и пусто, но дверь с сияющим на солнце бронзовым Оком не была заперта, а в холле сидел за столом всё тот же бойкий дедок, что и год, и два назад. Камилла спросила его, к кому можно обратиться, и дед послал её в архив, сказав, что там сидит дежурный — брат Герберт, его и следует спросить о своём деле. Камилла тихонько вздохнула. Кто такой этот брат Герберт, она понятия не имела. Очевидно, рядовой Искатель с чужого околотка, а не привычный уже блудливый кошок брат Хаген и не глава здешнего отделения сестра Эвелина, которая за весь дистрикт отвечает и поэтому вряд ли пойдёт не вовремя заявившуюся дуру... прийти завтра, как все нормальные люди, а не в выходной день.

Где его искать, архив этот, она толком не поняла и порядком поблуждала по гулким пустым коридорам и лестницам вверх-вниз. И да, брат Герберт, как она и опасалась, совсем чужой поднадзорной не обрадовался. Сидел он, обложившись какими-то книгами и папками, и наверняка хотел во время дежурства написать какой-нибудь отчёт, чтобы не задерживаться потом после службы.

— Вот прямо срочно? — кисло спросил он, но всё-таки встал из-за стола. — И что такое стряслось? Молоко по всей улице прокисло?

— Я целитель! — возмутилась Камилла. — У меня не может ничего скиснуть. Просто у меня... я вчера...

Она смешалась. Если бы этот лысоватый дядька с невыразительным лицом пялился на неё, как брат Хаген, шаря взглядом под мантией, она бы злилась и ей было бы легче не смущаться, объясняя, с чего она припёрлась, да ещё в неприёмный день. Но брат Герберт смотрел на неё, как на муху, которую лень прихлопнуть, и у неё никак не получалось сказать, что вчера она лишилась невинности и теперь ей ни жить ни быть надо знать, как это на неё повлияло.

— Ясно, — равнодушно сказал брат Герберт, не дождавшись ответа и, видимо, поэтому сообразив, в чём дело. — Имя?

— Камилла из Монастырских Садов. Без фамилии, какая в селе фамилия?

— Из Монастырских Садов? — он скользнул глазами по её мантии. — Но живёте здесь?

— Я ученица мастера Серпента.

— Ясно, — повторил он и пошёл добывать с полки её дело — тоненькую, но большого формата, словно сложенный городской листок с новостями, книжицу с ярко-зелёной полосой на корешке.

Потом они вышли из архивного помещения, брат Герберт дотошно запер его ключом на два оборота и повёл Камиллу в зал контроля. Она нервничала и всё норовила вытереть о мантию вспотевшие ладони: а стоило ли вообще приходить? Вдруг её вчерашнее... приключение было напрасным? Нет, с Корвином было... ну, неплохо. Он, как она и думала, был аккуратен и терпелив, а кое-что было по-настоящему приятным, хоть и всякие «бабочки в животе» из глупых дамских романов оказались полной чушью — да она в этом и не сомневалась. И вообще, если кто не знает, «бабочка» — это такой эльфийский ножичек для метания, с двумя лезвиями. Вот уж как приятно заполнить такое в живот!

Она подошла к артефакту-определителю, лежащему на слегка наклонном пюпитре, и прижала ладони к чёрному кругу в центре. Привычное уже зелёное сияние потекло по белому камню, играя переливами света в кварцевых крупинках, и остановилось всё в том же полудюйме от первого кольца. Словно ничего и не было. «Мне что, в самом деле замуж высказывать срочно и тут же рожать?» — мрачно подумала Камилла.

Брат Герберт меж тем взял линейку, измерил расстояние и записал его в Камиллину книжицу.

— Без изменений, — прокомментировал он. — Цель посещения какую указать? Дефлорация? С контрольного измерения всего-то три недели прошло.

— Да, — выдавила Камилла. — А следующей осенью как обычно надо будет прийти?

— Конечно. Всё? Или есть какие-то вопросы?

В тоне его так и чувствовалось: «Проваливай уже, дай делом заняться», — и Камилла ответила:

— Всё, сударь, спасибо. — Вопросы у неё были, но лезть с ними к человеку, который ждёт-не дожждётся, когда ты уже уберёшься... — Простите, что отвлекла, но я думала, вдруг что-то изменится.

Тот неожиданно усмехнулся почти по-человечески.

— Ученица алхимика, — сказал он, — наверняка книги по анатомии читала, а для первого раза шлюшку из дорогого борделя наняла, так? — Это было не так, но Камилла не стала возражать. — Готовилась, настраивалась, ждала чего-то неприятного, но терпимого. Вот и получила то, что должна была — ничего. Чтобы произошёл резкий скачок магических способностей, сударыня, требуется сильное потрясение. Или целый день эмоционально насыщенный, как у приличной, — он сдержанно фыркнул на этом слове, — девицы в день свадьбы: толпа народу, утомительный обряд, поздравления, подружки-змеюшки, родственники с шуточками ниже пояса, а под конец брачная ночь, после которой надо вывесить простыню на ворота, и Создатель храни, если пятна там не будет или выглядеть оно будет подозрительно. Или забрести в дешёвый кабаk, где глупую девчонку заташат в свою каморку трое-четверо наёмников и употребят там все по очереди, а то и парами. Тогда — да, тогда такой всплеск будет, что выгореть недолго. А у вас, судя по вашему характеру, и первые роды будут вроде вчерашней близости. Таким же неприятным, болезненным, но обыденным делом, а вовсе не концом всей прежней жизни и началом новой.

— Понятно, — пробормотала Камилла, вспомнив матушку, которой и четверо детей не прибавили ни четверти дюйма. — Спасибо, что объяснили.

— Не за что, — хмыкнул он. — Но в следующий раз приходите всё же в будни, будьте добры. Разве что и в самом деле умудритесь сквасить молоко всем соседкам разом, несмотря на неподходящую магию.

После тихой и прохладной полутьмы помещений и коридоров штаба Искателей яркая, солнечная, припорошенная первым снегом улица оглушала. У Камиллы даже голова слегка закружилась. Да ещё какой-то босяк толкнул её, чуть не сбив с ног, и тут же кинулся бежать. Камилла пощупала пояс, на котором висел кошелёк «для воров и грабителей», и мерзко улыбнулась: воришку ждали горсть медяков и оч-чень неприятный сюрприз. Но кто ж ему враг? Думать надо, у кого кошелёк срезает. Она не в бархатной мантилье и завитом парике разгуливает, а в мантии и в токе «на босу голову» — то есть, в полный голос объявила, кто она такая, а не знать, кто ходит в мантиях... это каким же тупым и тёмным надо быть?

Дурацкое происшествие немного подняло ей настроение, а в доме Змея её ждал Корвин, серьёзный и сосредоточенный.

— Камилла, — ужасно официальным тоном объявил он, — я тебе очень благодарен за твой выбор, за доверие и за... — Он слегка сбился и закончил куда попроще: — Я тоже хочу тебе сделать подарок. Честное слово, подарок, а вовсе не плату за услуги.

— Да какие там услуги, — Камилла почувствовала, как щёки всё-таки загораются, хоть

вроде она и настраивалась, что вчерашнее происшествие — это ерунда, не стоящая внимания. — Ты сам всё сделал.

У неё хватило ума не ляпнуть: «Это я, если верить брату Искателю, должна была тебе заплатить». А Корвин достал из кармана бархатную коробочку и протянул ей.

— Вот, — сказал он. — Я думал купить золотую, но ювелир сказал, что магам лучше дарить серебро: оно как-то впитывает в себя магические силы, особенно если камень подходящий. Только я не знаю, какие камни тебе подходят, так что подвеску придётся потом...

Принимать дорогой подарок от чужого... всё равно чужого, хоть что там вчера между ними происходило, парня было неловко, но отказаться наверняка значило бы смертельно обидеть Корвина, а обижать его Камилла вовсе не хотела. Ну, зануда — и что? Он ей очень много всего объяснил в первый год, и вообще, всегда готов был помочь. Даже в таком деле, как становление женщиной.

— Спасибо, — сказала она, взяв коробочку. — Ой, как здорово!

Цепочка была довольно массивная, да в общем, и не цепочка даже, а змея, держащая свой хвост в зубах. Зачем на неё навешивать какие-то камни, совершенно было не ясно — Камилла решила, что будет носить просто так, без всяких подвесок.

— Что у тебя тут? — Стремительно вошедший мастер цапнул змейку из рук Камиллы раньше, чем она успела возмущённо завопить: «Это моё!». — Ничего так, миленько. Отдай потом Моране зачаровать.

— Моране? — Камилла поёжилась. — А ей-то зачем? Она же малефикар!

— Вот именно, бестолочь! А кто лучше малефикара разбирается в проклятиях и способах защиты от них? Умелый целитель — самый страшный палач, а самый опасный преступник — бывший стражник, знающий всю эту кухню изнутри...

Он пристально всмотрелся в её лицо и сказал:

— Так, Змеючка, пошли-ка потолкуем.

— О чём? — невольно втянув голову в плечи, спросила она. Мелькнула даже паническая мысль, что отец передал через наставника требование возвращаться домой, но Камилла тут же отогнала её: нет, отец приехал бы сам. Ему же пришлось бы платить за обучение.

— О тебе, бестолочь.

— Да о чём там говорить, — пробормотала она, сжав в кулаке коробочку, словно серебряная змейка могла как-то её защитить.

— Найдётся, — заверил её Змей.

Потолковать он привёл её в свой кабинет. Камилла там ни разу не бывала, только изредка видела в приоткрытую дверь часть обстановки. Ну... ничего так, светло, просторно. Собственно, всей обстановки — письменный стол с чернильным прибором из тех, что по привычке зовутся гномскими, хотя их уже кто только не делает, несколько стульев и несгораемый шкаф в углу, массивный и всё равно какой-то неприметный. Чары, что ли, на него наложены такие, чтобы даже если смотришь в упор, взгляд сам собой словно соскальзывал. Что-то такое чувствовала она вроде лёгкого зуда или покалывания. Чужую магию, видимо.

— Садись, — приказал Змей и сам сел за стол, побарабанив по столешнице пальцами. Камилла отстранённо подумала, что пальцы у него, несмотря на все предосторожности, обожжены и пересушены, пожелтели прямо, а руки всё равно красивые. Слово и не

мужские даже — узкие, нервные, с длинными пальцами, как у музыканта какого-нибудь. — Не буду говорить, что ты поторопилась, Змеючка, но Корвин определённо был не лучшим выбором. Кстати, судя по твоей кислой мордочке, затеяно всё было зря и магический резерв твой всё так же не дотягивает до минимально необходимого для обучения? — Она кивнула. — Вот и славно. — Камилла посмотрела на него с удивлением, и наставник пояснил: — ты талантливый алхимик, гадючка моя, но это вовсе не значит, что ты будешь талантливым целителем. Алхимию в целительской Школе дают в самых общих чертах, одни основы: целебные травы, яды растительные, яды животные... ты уже знаешь половину, а на вторую половину тебе вовсе не понадобится пять лет обучения. Но тебе всё равно придётся пять лет учить то, что тебе не нужно и не интересно, а потом ещё десять — отрабатывать это обучение.

— Я знаю, мастер, — тоскливо сказала Камилла. — Я думала об этом. Но лучше уж потерять десять лет, чем всю оставшуюся жизнь. Думаете, тот же Миха позволит своей жене учиться всерьёз? Умеет сварить капли от зубной боли, и хватит с неё.

— Да никто тебя не отдаст никакому Михе, успокойся уже, — вздохнул мастер. — Говорили мы с твоим отцом. Он человек не образованный, но совсем не глупый. Ему хватило твоего первого приезда домой, чтобы понять — в Монастырские Сады ты не вернёшься. Тебе просто нечего там делать. А если силой выдать тебя замуж, ты благополучно овдоеешь через полгода, и ни одна сука следов не найдёт, а вдова уже отцу не подчиняется, она сама себе хозяйка.

— Какая вдова? — с ужасом спросила Камилла.

— Молодая, привлекательная и состоятельная, — жутковато улыбнулся Змей. — Ты бы, овдоев, вернулась ко мне учиться дальше?

Она, сглотнув, кивнула, уговаривая себя, что это просто дурацкая шутка. Ну, не может же её наставник так спокойно говорить о её предполагаемом вдовстве? Или может?

— Вот и я так подумал, — кивнул наставник. — А парень, который вечно норовит вашей тамошной бандерше дорожку перебежать, запросто может хлебнуть лишку «Абесинской страсти», а это, знаешь ли, очень опасная штука — у кого сердце не выдерживает, у кого сосуды, у кого печень, если пить её неумеренно. Ты не знаешь, что это? — удивился он. — Дрянь, которая позволяет мужчине физически возбудиться, когда никакого настроения возбуждаться нет — клиент там старый, морщинистый или жирный и потный... Или, наоборот, даёт возможность ещё немного порезвиться, когда в силу возраста такие забавы уже недоступны. Старые развратники обычно и мрут как мухи на молоденьких любовницах, нахлебавшись этой смеси. Ну, и с молодыми случается, если они боятся, что не смогут ублажить богатенькую старушку, и подстраховываются.

Камилла помотала головой, передёргиваясь от отвращения, даже липкий парализующий страх подзабылся. Нет, конечно, это было не всерьёз. Змей заботливый наставник, но характер у него, что ни говори, мерзкий. Шутка это была. Дурацкая шутка — поугагать дуру деревенскую и посмеяться над её страхами. Но как только подвернулась возможность, Змей оседлал любимого конька и принялся рассказывать про опасное снадобье, тут же бросив пугать ученицу. А кстати, почему никто не пробовал сделать безопасное зелье со схожими свойствами?

— Креативная ты моя, — умилился Змей вопросу. — Ещё как пробовали! С десятков похожих зелий имеется, но все они действуют послабее и полной гарантии не дают. А для большинства стареющих мужчин лучше умереть, чем опозориться в постели, вот и глотают

пожилые идиоты смертельно опасное варево. Так, — сказал он, немного помолчав, — что-то я не о том... Я ведь начал было про Корвина. Змейка, ты ему сделала прямо-таки королевский подарок. Он ведь небогат, некрасив, не знаменит пока что, у девушек популярностью не пользуется — а тут ты с такой просьбой.

— Я ему доверяю, — сумрачно отрезала Камилла, чувствуя, как опять загораются щёки и даже, кажется, уши.

— Это правильно, — согласился Змей. — Но... сделала подарок, и хватит. Не повторяй больше. Потому что, — оборвал он её попытку заявить, что она сама как-нибудь разберётся, — с Корвином это будет безопасно, но пресно и нестерпимо скучно. Всё по правилам. А секс, змейка ты моя ядовитая, это не унылое исполнение супружеского долга и не скучная лечебная процедура, чтобы голова не болела. Это способ расслабиться и получить удовольствие. Вот что, — сказал он, опять немного помолчав, — схожу-ка я опять с тобой в “Розовое облако”. Попрошу у госпожи Изольды, чтобы подобрала тебе парочку ребят помоложе. Чтобы вы сперва подушками подрались, что ли, порезвились, поскакали жеребьями, а потом уже так же весело и без всяких правил потрахались.

— Я не... — Камилла прижала руки к щекам. — А парочку-то зачем? — неожиданно для себя брякнула она.

— Как зачем? — искренне вроде бы удивился он. — А вдруг тебе нравятся девушки тоже? Не попробуешь — не узнаешь.

==== Часть вторая: Vipera berus =====

Комментарий к Часть вторая: Vipera berus

Vipera berus — это гадюка обыкновенная

Подмастерье

— Вот, сестра Эвелина, полюбуйтесь.

Под хмурым взглядом главы местного Штаба Искателей Камилла снова приложила руки к артефакту, и тот отозвался слабеньким, чуть заметным отсветом, который и измерить толком не вышло бы.

— Так, — мрачно сказала сестра Эвелина, — давай-ка, цветочек, всё по порядку. Как это вышло?

Она ещё потолстела, но в коротко, словно под шлем, остриженных волосах седины прибавилось чуть ли не вдвое. Камилла опять посочувствовала ей: с того дня, когда вышел указ Императора о поиске и привлечении на службу всех, обладающих магическими способностями, прошло уже больше тридцати лет, но хлопот у Искателей меньше не становилось. Не наоборот ли.

— Я сдавала экзамен на звание подмастерья...

— Сдала? — живо заинтересовалась Искательница.

— Сдала, — вздохнула Камилла. — Но чего мне это стоило! Теперь и я знаю, почему мастер Змей всегда так по-хамски вёл себя с нами — чтобы мы заранее были готовы к такому же, но уже от пяти человек сразу. Спрашивали не только о свойствах ингредиентов и способах работы с ними. Пришлось выслушивать ещё и дурацкие обвинения в том, что работу, подготовленную для защиты, я украли у какого-то типа, о котором даже ни разу не слышала, да намёки на то, что я Асканию Серпенту не ученица, а просто подстилка. Хотя он

никогда и не думал даже скрывать, что женщины ему не интересны. Мне Корвин, помощник мастера, рассказывал об этом, но на своей шкуре почувствовать...

— Так, — сказала сестра Эвелина, — давай-ка сядем вон за тот стол, и я запишу это всё.

Она, отдернув тяжёлую плотную штору, села за стол у окна, Камилла — напротив, а её куратор пристроился сбоку. Сестра Эвелина взяла лист плотной и очень белой, даже на вид страшно дорогой бумаги и начала записывать.

— Кто принимал экзамен? — спросила она.

— Не помню, но их имена есть в экзаменационном протоколе, мне выдали мой экземпляр.

Сестра Эвелина кивнула и оставила несколько строк свободными. Камилла вздохнула, без нужды поправила свою новую шапочку, бархатную уже, с серебряной пряжкой, удерживающей красиво уложенные складки. Парадная мантия у неё тоже теперь была бархатная, того же малахитово-зелёного цвета — и опять-таки совершенно не женская. Собственно, Камилла окончательно отвыкла от платьев, потому что работать в лаборатории было куда удобнее (а зимой и куда теплее!) в штанах и в рубашке, а на выход у неё были мантии, мантии, мантии. Она даже на свадьбы братьев ездила в них, вызывая каждый раз лавину слухов и сплетен в Монастырских Садах. Среди проезжих, разумеется, встречались самые разнообразные личности, но чтобы своя, с рождения всему селу известная девчонка приезжала погостить одетая даже не по-городскому, а вот так...

— Словом, — продолжила она, с некоторым удивлением чувствуя, что всё пережитое кажется каким-то блёкло-серым, будто давно выцветшим, а не клокочет внутри, — я изо всех сил старалась сдерживаться и отвечать спокойно и вежливо, но меня изнутри будто распирало что-то. Просто в глазах темнело от попыток удержать это в себе, до удушья, до обморочного такого состояния. — Искательница опять кивнула. — Но в конце концов стаканы на столе задребезжали, один даже треснул, вся эта древность... прошу прощения, господа магистры всполошились, кто-то потребовал позвать стражу... Спасибо, мастер Асканио отвесил мне затрещину. Я собралась, справилась с собой и как-то выдержала до конца.

— Выдержала она... — буркнул брат Хаген. — Перегорела, бестолочь. Надо было выпустить силу — ну заплатила бы потом за побитые стаканы и треснувшие оконные стёкла. Ничего бы тебе не было: слабенькая поднадзорная магесса, исправно отмечаешь каждый год, скрываться не пыталась, а что выброс случился — так кто же в том виноват? Переволновалась просто.

Камилла чуть пожала плечами. Умения владеть собой Асканио Серпент требовал со своих учеников и помощников чуть ли не прежде, чем знания совместимости ингредиентов. Когда в руках у Камиллы вспыхнуло содержимое колбы, она перепугалась до смерти, но всё равно деревянной походкой дошла до стальной ванны (пустой, конечно, без воды) и аккуратно поставила колбу туда: как ни хотелось ей с визгом отбросить загоревшийся в руках состав, она понимала, что в таком случае он разольётся по полу и полыхнёт уже весь. Её счастье, что на инвентаре Змей не сэкономил никогда, и колба была из драконьего стекла, не боявшегося открытого огня. Она даже руки не особенно сильно обожгла — спасли перчатки из толстой кожи. Зато Змей, пока она мазала ладони и пальцы средством от ожогов, не слезал с неё до тех пор, пока она по шагам не разобрала свои действия и не поняла, в чём допустила ошибку. После такой подготовки устраивать истерики с выбросами магической силы... Да мастер выгнал бы её в шею и был бы совершенно прав.

— Да, — сказала сестра Эвелина, не догадываясь, по счастью, о мыслях поднадзорной, — ты теперь лет пять-семь будешь восстанавливаться, и не факт, что вернёшь хотя бы прежний уровень.

Камилла покивала, но про себя подумала: «И хвала Создателю». Мази, настойки и прочие снадобья будут выходить чуть послабее, но зато она перестанет чувствовать себя опарой в горшке, на которую Искатели поглядывают с нетерпением: когда уже подойдёт? Саму-то её потерянная невеликая магическая сила не особенно печалила. Это первое время та ощущалась какой-то сосущей пустотой внутри вроде лёгкого голода, а теперь и это ощущение притупилось. А вот когда магию теряет сильный чародей, невольно подумала Камилла, наверняка для него это словно лишиться руки или ноги. Опять же хвала Создателю, что немного там было чего терять.

— Госпожа, — задумчиво спросила она, — а если я всё-таки восстановлюсь и даже расширю резерв, есть ли смысл учить меня на целителя? Алхимик-подмастерье, причём уже опытный, не ценнее ли желторотого бездарного лекаря?

— Конечно, — легко согласилась сестра Эвелина. — И я очень надеюсь, что ты действительно восстановишься. Всё же твои снадобья гораздо эффективнее, когда ты заряжаешь их своей магией. А учат в таких случаях недолго, примерно с полгода: медитации, навык управления магическими потоками... Научишься просто справляться со своей силой без вреда для себя и окружающих. Глупо из отличного кузнеца делать слабенького боевика, умнее научить человека управлять огнём в его горне.

Она дописала своё донесение начальству, или что это было, и дала Камилле прочесть и подписать.

— Занеси на днях экзаменационный протокол и заверенную копию с него, — распорядилась сестра Эвелина. — В остальном всё останется по-прежнему. Будешь так же приходиться раз в год. Посмотрим, как будет продвигаться восстановление. Пока всё. А! Извини, чуть не забыла. Поздравляю с званием подмастерья.

Камилла поблагодарила и отправилась из Штаба Искателей к нотариусу, и только потом уже в дом наставника. Погода хмурилась, кисла, ветер трепал мантию, швырял в лицо вместе с облетающими лепестками редкие крупные капли, потом тучи ненадолго расходились, неуверенно выглядывало солнце, но ветер снова натаскивал гору грязной серой ваты, и та опять роняла дождинки. Хорошо, что под мантией была рубашка из тонкого мягкого сукна, а то Камилла продрогла бы, даром что на носу были Ворота Лета.

— Как результаты? — поинтересовался мастер за обедом, к которому Камилла умудрилась не опоздать.

— Если вы о моём магическом фоне, то он практически нулевой. — Змей отмахнулся, как от мухи, и Камилла согласно наклонила голову: действительно ерунда. — А глава отделения хочет начать расследование. Зря, наверное. Мне ведь ещё патенты получать, и звания мастера я всё-таки постараюсь добиться.

— Я бы не сказал, что зря, — возразил Змей. — Поддержка Искателей тебе совсем не помешает, а то кое-кто в Совете совсем охамел, пора подержать этих господ за яйца. Но с мастерским званием ты уж очень размахнулась, Змеючка. Не быть тебе мастером, даже если ты всё отхожее место обклеишь патентами на новые снадобья.

— Но среди мастеров есть женщины!

— Есть, — кивнул тот. — Целых две. Старая сука из семьи, которая когда-то стояла у истоков Коллегии Алхимиков, и её дочь. Дочь приличия ради всё-таки взяла фамилию мужа,

матушка в своё время даже не сочла нужным. В любом случае, из рук что дочка, что матушки я бы лично не взял даже пёрышка, а я кое-что смыслю в ядах. Что есть у тебя, Змеючка, чтобы, будучи женщиной, претендовать на звание мастера? Имя? Деньги? Настоящие деньги, я имею в виду, а не горсть золотых на нарядную тряпочку? Связи? Один старый ядовитый тип в наставниках, сам не здешний и сам кое-как пробившийся в мастера? Брось, гадючка, не разбивай свой ясный лобик об эту стену старых пердунов. Корвину, — он кивнул на помалкивавшего всё это время помощника, — я ещё помогу с мастерским званием, но тебе, увы, помочь не смогу.

Камилла нахмурилась, однако за столом спорить не стала. Корвин посматривал на неё этак... вопросительно, и вообще, кажется, собирался начать какой-то долгий, обстоятельный разговор. Но тоже не за столом, понятно. Она примерно догадывалась, о чём, и ей заранее становилось тоскливо.

— Пойдём-ка ко мне, поговорим, — вместо подмастерья сказал Змей, едва они поели, и Камилла без большой охоты кивнула. То есть, она сама собиралась попросить у наставника две-три минутки для разговора, но тут, похоже, намечалось что-то посерьёзнее двух-трёх минут.

В кабинете Змей опять, как несколько лет назад, уселся за стол и кивнул Камилле, чтобы села напротив.

— Вот, мастер, — сказала она, опередив его, и выложила на стол два пергамента. — Это патент на «Страсть без опаски», а это свидетельство о том, что все права на неё я передаю вам.

Змей хмыкнул.

— Бестолочь, — сказал он почти с нежностью. — Ты этот патент могла продать за такие деньжищи, что на дом хватило бы. С садом, конюшней, обстановкой и прислугой.

— Вы со мной десять с лишним лет возились, — возразила Камилла. — Должна же я как-то вас отблагодарить?

— Меня? Вот дурёха. Да я до сих пор с содроганием думаю о том, что мог легко упустить такой талант. Хвала Предвечной, у тебя хватило характера настоять на своём. Корвин вон идеальный помощник, но называть его своим учеником... — мастер неожиданно вздохнул. — Дотошен, педантичен, аккуратен, чудовищно работоспособен — и полная бездарность.

Он смахнул оба пергамента в стол, позвякал там чем-то и выложил перед Камиллой золотую монетку в десять крон.

— За патент, — ухмыльнувшись, пояснил он. — Первый твой полностью самостоятельный заработок. Сохрани на развод, ну и на удачу тоже. Примета есть такая. У кого как, у меня сработала.

— Не буду ни тратить, ни разменивать, — заверила его Камилла, аккуратно прибрала монетку в карман. Она даже придумала, что с нею сделать: заказать ювелиру “ошейничек” для своей серебряной змейки и подвесить к нему монетку. Память о первом мужчине и первом патенте в одном украшении (которое, впрочем, давно уже не так украшение, как щит от мелких и не очень сглазов и проклятий).

— А теперь скажи-ка мне, Змеючка, что дальше делать собираешься? — пугающе ласково спросил наставник. — Своё дело открывать? Учеников ты брать не можешь, но работать самостоятельно — вполне. Дом в городе, мастерская в нём, оборудование для неё, разрешение на работу... потянешь?

— Нет, конечно, — вздохнула она. — Хотела у вас попросить разрешения остаться на первое время помощником, как Корвин. Или два помощника вам не нужны?

— Нужны. Я вот тут подумал, гадючка моя, надо бы тебя замуж выдать, — раздумчиво проговорил Змей.

— А если, — резко выпрямившись, оцетинилась Камилла, — я скажу вам, мастер, что не хочу замуж, вы не поверите? Такого не бывает, потому что не бывает никогда? Все женщины хотят замуж, и мало ли что они болтают, так?

— Нет, бестолочь, не так. Нормальный, — он пренебрежительно фыркнул на этом слове, — муж тебе, разумеется, не нужен, ядовитая ты моя. Но у тебя есть возможность взять Совет Коллегии измором. Все твои работы будут выходить от имени Корвина, автором будет считаться он, но в каждой своей работе он будет неустанно отмечать, как много ты вложила в неё, как неопенима была твоя помощь, сколько ты сделала для того, чтобы работа эта увидела свет. Да это не ты будешь госпожа Кросс, а его за глаза будут звать господином Випером. Лет за пятнадцать-двадцать все привыкнут, что супруги Кроссы работают вместе, и годам к сорока тебе можно будет попытаться всё-таки получить мастерское звание. Могут и тогда завалить, конечно, однако имя твоё будет на слуху, смотреться ты уже будешь солидной матроной, а не соплюхой-выскочкой... шансы есть, не то что теперь.

— То есть, — занудно не хуже Корвина уточнила Камилла, — я должна буду сперва сделать мастером своего супруга, наработать ему репутацию способного алхимика, а сама считаться его помощницей, и тогда уже, потом-потом, весьма потом, попробовать стать тем, кем могла бы быть уже сейчас?

— Ты выгорела, защищая всего лишь звание подмастерья — тебе мало показалось? В какой грязи тебя изваляют, если ты сунешься за званием мастера, можешь себе представить? Не упрячься, Змеючка, будь умной девочкой. Выходи замуж за Корвина, я вам оставлю по завещанию и дом, и лабораторию, а лучшего мужа тебе всё равно не найти. С этим тебе хоть поговорить есть о чём. — Камилла кисло покривилась, потому что тут несносный ядовитый гад был прав: с большинством мужчин говорить ей было не о чем. — И он, ко всем его прочим достоинствам, болезненно честен. Он уж точно не попытается приписать сделанное тобою себе одному. И не фыркай так, — прибавил он. — Ты гадюка, а не кошка. Назвалась Виперой, так соответствуй.

— Ладно, — огрызнулась Камилла, — поучусь шипеть.

— Поучишься? Да у тебя с тринадцати лет очень неплохо получается. Вот что, — серьёзно проговорил он, резко обрывая веселье, — ты устала, ты зла, ты сейчас ничего не хочешь слушать. Давай-ка отдохни, гадючка моя, а то от тебя одни прекрасные янтарные глаза остались.

— Кто вы такой и куда дели труп моего наставника? — мрачно спросила Камилла. — Прекрасные янтарные глаза, надо же!

Змей дробно рассмеялся.

— Я к тебе не подкатываю, нахальная бестолочь, — сказал он. — Если я люблю здоровых туповатых мужиков, это не значит, что я не вижу, какая у соседской кошки роскошная шубка и какие у тебя красивые глазки. Но в самом деле, Змеючка, поезжай-ка ты домой на месяц. Свежий воздух, парное молоко, здоровые деревенские парни, а не шлюшки, вечно вынужденные пить ядовитую дрянь, чтобы привести своё хозяйство в рабочее состояние... Походишь за травами, как в детстве, а то уже, наверное, забыла, как их собирать?.. В общем, отдохнёшь, пораскинешь мозгами, согласишься, что я прав во всём —

тогда и возвращайся.

— А если не соглашусь, не возвращаться?

— Брысь! — он махнул на неё рукой. — Отдохнёшь, тогда и поговорим, а сейчас я на тебя время тратить не намерен.

— А почему Випера? — спросил отец, любуясь пергаментом с золотым обрезом и внушительными печатями.

— Писать везде «Камилла из Монастырских Садов» долго и неудобно, мне предложили взять псевдоним, под которым я буду работать, и я подумала: я же ученица Асканию Змея, значит, надо назваться в том же духе, а Випера — это гадюка, — пояснила она.

Она и подзабыла уже, всё больше переписываясь с родными, а не проводывая их, как дома тесно и как много в нём народу, хоть старший брат и построился, чтобы жить со своей семьёй отдельно. После трёхэтажного (не считая лаборатории в подвале) дома Серпента, где у неё была собственная комната, очень хотелось забиться в какую-нибудь кладовку и никого хотя бы не видеть — про «не слышать» и речи не было. Ох, и это ещё младшая невестка своё на редкость беспокойное дитяtko вынесла во двор, поспать в тенёчке под пологом, иначе бы оно орало в доме. Какой там месяц! Камилла поняла, что погостит три-четыре дня, а потом соврёт что-нибудь про срочные дела и уедет.

— И что теперь? — спросила мать.

Камилла вздохнула. Ей самой хотелось бы знать, что теперь.

— Если не хочешь в город, — сказал отец, — можно попроситься в замок. Господин Андреас, думаю, не откажет. Устроишь там себе мастерскую где-нибудь по соседству с темницами...

— И на мужиках, которые там протрезвляются или стражников ждут, буду испытывать новые лекарства, — хмыкнула Камилла. — В город я не то что не хочу — чтобы открыть свою мастерскую нужны такие деньги, которых ни у меня, ни у вас просто нет. А в долги влезать... — она передёрнула плечами. — Мне придётся очень постараться, чтобы набрать достаточно своих заказчиков, на это уйдёт не год и не два. А Транк, аптекарь, постарается напакостить мне по мере сил, отговаривая своих знакомых обращаться ко мне: я за его сына замуж так и не пошла, он оскорбился до глубины души. В общем, если в город, то не в Ясень, а куда-нибудь подальше, где меня никто не знает и пакостить не станет.

— А там, где никто не знает, и заказчиков поди найди, — вставила мать. — А Змей-то твой? Гонит тебя, что ли? Одевал же как родную, — она кивнула на шёлковую рубашку, в которой Камилла осталась, сняв дорожную мантию. — Только не говори, что это на те деньги, которые отец тебе оставлял, ты так одеваешься.

— Не на те, — признала Камилла. — Мастер вообще... любит пыль в глаза пустить. Правда, — подумав и подсчитав про себя, прибавила она, — я у него за десять лет получила шесть патентов на новые снадобья. Вернее, он их получил, хотя придумала я. Но так все делают, а вот бархатные мантии ученикам, кажется, только мой мастер шьёт.

Камилла невоспитанно поставила локти на стол, не думая, что золотистые шёлковые рукава испачкаются, и положила подбородок на сплетённые пальцы. Почему-то ей казалось, что её возвращение к Змею возможно только при условии «со согласишься, что я прав во всём». Эх, наставник! Тоже ведь хотите сделать как лучше — как кажется лучше для вас. А посмотреть со всех сторон? Нет, выходить замуж за Корвина и отдавать ему свои работы, чтобы он мог стать мастером и когда-нибудь потом вытянуть её за собой... Она представила

себе череду долгих лет с мужем, который прекрасно осознаёт, что сам он полная бездарность, а вот жена у него — талантливый алхимик, и все его заслуги на самом деле принадлежат ей. Корвин не завистлив и не склонен к пакостям, но выдержит ли его мужское самолюбие такое испытание? Год за годом, трактат за трактатом, патент за патентом под его именем, хотя от него самого там — только дотошное, до последней пылинки в растворе, следование инструкциям супруги. Камилле казалось, что даже невеликое самомнение Корвина такого не выдержит. Или запьёт, или... нет, скорее всего, в самом деле запьёт от обиды и несправедливости сущего: баба — алхимик милостью Создателя, а он бездарь. Оно ей надо?

Они с Яном разок-другой сходили за травами. Без Миши: женатому молодому мужику таскаться за посторонней бабой даже вместе с её братом — странно бы это выглядело. Ещё Камилла поболталась по селу, навещая тех, кто к ней всегда неплохо относился, и каждый раз с лёгкой горечью убеждаясь, что тем для разговоров с ними у неё катастрофически мало. Помогла матери, показала ей несколько профессиональных приёмов и надиктовала кое-какие рецепты. В общем, неделю она выдержала, но потом всё-таки уехала. Очень уж утомительно было в упор не слышать шепотков за спиной. Да и следить за тем, чтобы не сделать и не сказать лишнего, тоже приходилось постоянно: она-то уедет, а родные останутся. И родители, и братья, понятно, мало заботятся, что там о них болтают, но не давать же лишних поводов для сплетен там, где без них вполне можно обойтись. И проситься в замок владетеля тоже не было вариантом — слишком близко к Монастырским Садам, слишком много тамошней прислуги родом из этого села. Тоже вечно ходи да оглядывайся.

А ещё она заявила в трактир и позвала Мишу на небольшую беседу. Даже пообещала его жене, ревниво зыркавшей на сучку, за которой Миша бегал несколько лет, что стоять они будут у неё на виду, но так, чтобы никто не слышал, о чём они говорят.

— Пожилых дамочек обслуживаешь ещё? — напрямик спросила она. — Или не только дамочек?

— А вот это, ваша милость госпожа подмастерье, не ваше сучье дело, — огрызнулся он. — Была бы женой, тогда бы и спрашивала, а сейчас с какой радости?

— С той радости, что ты с моим братом давно уже и всерьёз крутишь, — уверенно ответила она. — Лет с пятнадцати, да? Потому и меня обхаживал: пока жена в своём флигеле зелья варит, пришёл её брат в гости, и что за диво, если шурин со свояком дружны. Так ведь?

— А ты Яна спроси, так или не так.

— Спрашивала, — она вздохнула. Ян точно так же её послал тёмным лесом да в горы, чем окончательно убедил сестрицу, что она права. — Михель, я люблю своих братьев и мне по херу, с кем они кувыркаются. Пусть хоть коз дерут в сарае. Но я очень не хочу, чтобы ты от какой-нибудь старой суки сам заразился, а потом ещё с Яном поделился таким подарочком.

Он помолчал, в упор глядя на неё, возле пухлых (“чувственных”, как наверняка выразилась бы госпожа Изольда) губ залегли некрасивые жёсткие складки, и от этого смазливое личико стало похожим на нормальное человеческое.

— Да нет у меня давно уже никого, — дрогнувшим голосом ответил Миша. — В смысле, Ян только да супруга законная, — он кивнул на законную супругу, которая не спускала с них

глаз и, кажется, изо всех сил старалась что-то разобрать по губам. — Нарочно при ней дамочкам улыбаюсь, чтобы с них глаз не спускала, а про Яна даже подумать не могла.

— Хорошо, — кивнула Камилла. — А то я уже хотела тебе объяснить, что такое Випера и почему у меня такой псевдоним.

— Дура ты, — сказал он тоскливо. — Чтоб тебе вот так же... втрескаться в такого, о ком и думать нельзя. — Судя по тому, как нагрелась серебряная змейка на шее, сказано было от всей души, на полноценный сглаз потянуло бы. — Может, тогда хоть что-то поймёшь. Всё? А то мою сейчас точно удар хватит, вон подпрыгивает.

— Что ж тебе дядька такую ревнивую-то сосватал? Приданое хорошее давали?

Он посмотрел на неё удивлённо.

— А ты не знаешь? Я думал, Ян тебе говорил. Это его милости господина Андреаса дочка. Матушка-то у неё горничная, а вот отец...

В почтовой карете её попутчицей оказалась бойкая бабуля, ехавшая на свадьбу к внучке аж с восточной границы, где она (бабуля, а не внучка!) служила в гарнизонном госпитале помощником целителя. Было, оказывается, и такое занятие для тех, кому дар не позволял учить полноценные заклинания, но кто неплохо справлялся с уходом за больными и ранеными и с выполнением предписаний лекаря.

— Подписала первый контракт на три года, — охотно болтала бабуля: ехать было целых полдня, надо же было как-то занимать время. — Думала, три года как-нибудь вытерплю. А отслужила тридцать восемь, вот. Могу уже уйти на половинное жалование, пробовала даже, а потом пошла опять к вербовщику и говорю: «Назад хочу, на границу. Люди там... настоящие, не как тутошние». Вот на внучку посмотрю, подарочек сделаю — и обратно.

— А не опасно? — спросила Камилла. — Орки же на восточной границе.

Та махнула сухонькой ручкой:

— А в столице под лошадь попасть лучше? Сколько Создатель отмерил, столько и проживёшь, а бабам с орками рядом ещё и безопаснее, между прочим. Не трогают они нашу сестру. Ну, то есть, молодок воруют только так, но чтобы убить или там ударить — ни-ни. Позор несмываемый для воина.

Камилла слушала и задумчиво кивала. Самой ей такой способ заработать денег на покупку дома и оформление разрешения открыть мастерскую и в голову бы никогда не пришёл, но раз послал ей Создатель такую попутчицу... Может, это знак свыше?

===== Вольнонаёмная =====

Формально горный хребет с дивным названием Мёртвый считался ещё территорией Империи, но там разве что шахты и каторжные тюрьмы при них располагались. Добрые люди и не люди селились южнее. Впрочем, жить и в отрогах Мёртвого желающих было немного. Бурая Скала, столица дистрикта, была, наверное, раз в пять меньше Ясеня, города тоже не особенно крупного (после поездки в столицу и посещения по дороге пары городов Камилла это ясно поняла). За неделю, пока она ждала обоза из своей крепости, Камилла успела послушать местные сплетни и выяснить, что здешний наместник фактически отбывает в Бурой Скале ссылку за какие-то делишки, после которых оставаться на западе ему было крайне вредно для здоровья. А уж крепость, в которую она получила назначение, считалась дырой даже по местным меркам. Приличной девице, образованной и

состоятельной, даром что бритой, сочувствовали все, к кому она обращалась — от цирюльника до прачки. И все настойчиво советовали писать, писать и писать прошения командующему округом, чтобы её перевели ну хотя бы в самую Бурую Скалу, а не оставляли в полушаге от диких-диких орков. Камилла благодарила за совет, обещала подумать, но их с братьями чуть ли не с рождения учили, что помощи надо просить только в том случае, если ну вот прямо никак без этой помощи не обойтись. А уж просить о чём-то людей, вообще не обязанных выслушивать твоё нытьё... Можно найти множество куда более полезных дел.

В общем, когда пришёл обоз из Рассветного Отрога, Камилла отправилась на восток под охраной солдат — не соваться на границу со степью в компании то ли торгоша, то ли контрабандиста, которого сопровождали типы с подозрительно раскосыми глазами и плоскими лицами, ума ей хватило.

Крепость Рассветный Отрог то ли очень серьёзно чинилась, то ли вообще перестраивалась заново: пыль стояла до небес, ругань тоже, сновали люди, стучали мастерки и молотки, солдаты, растянувшись редкой цепью, присматривали за типами в полосатых куртках, разбиравшими старую стену (на опасные работы, видимо, ставили каторжников — их не жалко, если стена обвалится вместе с ними)... Если задёрганный, замороченный интендант и обрадовался появившемуся наконец алхимику, то как-то проявить эту радость сил у него не было. И времени тоже — Камилла, не геройствуя, прибыла вместе с обозом, а интенданту предстояло всё это добро принять.

— Сударь, — сжалилась над ним Камилла, — просто покажите, где я буду жить и работать. Нет, провожать не надо. Рукой махните, куда идти, а я буду уточнять по дороге.

У неё, правда, были два здоровенных баула, но она рассчитывала отловить по дороге какого-нибудь желающего помочь девушке за небольшое вознаграждение.

Получилось ещё лучше: едва она, с натугой подхватив свой багаж, двинулась в указанном направлении, как на неё налетела стайка ярко одетых и так же ярко покрашенных девиц.

— Вот! — с торжеством проговорила одна. — Я же говорила, что с этим обозом!.. А вы не верили. Госпожа мастер, вас господин Лео приглашает принять ванну и покушать, пока вам комнаты прибирают. Люси, берись за вторую ручку, вместе понесём. А вы двое, тащите второй баул, нечего госпоже мастеру ручки трудить, они ей для другого нужны.

— Стоп-стоп, — Камилла покрутила головой, опешив от такого напора. — Господин Лео у нас кто?

— Хозяин наш, — с готовностью ответила самозваная командирша. — Мы эти... из «Цветущей Розы». Мы вас давно уже ждём.

— Мыло, масло душистое, противозачаточные зелья? — уверенно предположила Камилла.

— Не, зелья без надобности, — влезла другая девица. — Армейский же бордель, амулеты на всех. А вот всякие такие штучки — это да. Вы же нам первым наварите, правда? — простодушно спросила она, даже не скрывая корыстных причин своей любви к ближнему. — За то, что встречаем?

— Конечно, — заверила её Камилла с самым серьёзным видом. — А что, алхимика давно нет?

— Да больше полгода уже.

— А госпиталь как обходится?

— Готовое из города возят, но господин главный целитель ругается, что мало и плохое.

— Ещё травник есть, только он орочий половинчик, и ему господин Браун не верит.

Ещё потравит чем солдат.

Камилла рассеянно кивнула, однако подумала, что с орочьим травником любопытно будет поболтать.

Девицы трещали вразнобой, но дружно тащили вещи в сторону, противоположную той, которую указал интендант. Наверное, надо было сначала всё-таки глянуть, что там за лаборатория и что за жильё, но ванна загадочного господина Лео после долгой, утомительной и очень пыльной дороги была неодолимым соблазном. Да и сведений о крепости и её обитателях у девушек наверняка имелся целый ворох. Варить для них после основной работы душистые притирания и хорошее, не бурое вонючее мыло было несложно, а выгода от этой подработки могла быть немалой, хоть и вовсе не финансовой. Хотя бы ту же ванну принимать раз в неделю — сомнительно, чтобы в комнатах гарнизонного алхимика предполагалось что-то в этом роде. Закуток с лоханью и кувшином разве что. А то и вовсе женские дни в местной бане.

Господин Лео носил длинные кружевные перчатки, красился и завивался, как стареющая прима, и жеманно тянул гласные. Зато Камиллу уже ждала горячая ванна, а после неё — превосходный обед. И нет-нет-нет, никаких денег, что вы, дорогая! Мы так счастливы видеть вас — и сейчас, и в любое другое время. Кстати, если не секрет, хотелось бы знать ваши вкусы? Мальчиков в «Цветущей Розе» немного, но они есть, и право слово, лучше обращаться сюда, потому что большинство здешних обитателей, даже командиры... Не хотелось бы говорить ничего плохого, но они... не слишком образованны и... м-м... грубоваты. За крайне редкими исключениями.

Потом отмытую и накормленную Камиллу потащили к кастаньянше, чтобы она выбрала занавески, покрывала и коврики, потому что обстановка её ожидала, по словам господина Лео, просто ужасная, одно слово — казарменная. В общем, тащить в башню магов пришлось куда больше барахла, чем Камилла привезла с собой. И да, условия её ждали довольно... суровые: две смежные каморочки — в дальней узкая жёсткая койка, неподъёмный сундук и два стула, а в проходной — бюро, книжный шкаф (правда, без книг) и опять же два стула. То ли её предшественник как-то обходился этим, то ли вывез или распродал всё, чем пользовался десять с лишним лет. Пыль была тщательно протёрта, тюфяк и подушки — отхлопаны и проветрены на солнце, а полы помыты, но уюта это не добавляло. Добровольные помощницы немедленно кинулись вешать занавески и стелить коврики, а Камилла взяла свои документы и попросила проводить её к коменданту, а потом к Искателю — есть здесь Искатель? В Бурой Скале слабенькую, да ещё перегоревшую ведьмочку под надзор не взяли, так что очевидно, в крепости имелся свой куратор для магов гарнизона.

— Есть, как не быть, — подтвердила неугомонная девица, которую звали Пусси, оказывается. Скорее всего, это было прозвище, но Камилла и сама во всех трактирах и во всех Штабах Искателей называлась исключительно Камиллой Виперой, так что Пусси — и Пусси, ничуть не хуже и не лучше. — Только вы, госпожа мастер, всё ж таки сперва бы к господину коменданту.

— Я не мастер, — опять сказала Камилла, но Пусси только головой в мелких бараньих кудряшках потрясла.

— Как это не мастер? Умеете же и зелья там всякие, и румяна с белилами небось, и много другого-прочего.

— Румяна с белилами не пробовала, — признала Камилла, решив не тратить время на разъяснения, что такое мастер и что такое подмастерье по меркам Коллегии Алхимиков. — Будет время, можно будет и попытаться что-нибудь такое приготовить. Правда, если своего зельедела полгода не было, со временем будет очень печально. Стройка же тут у вас для полного счастья: кто с лесов упал, кто спину сорвал, кто инструмент или каменный блок уронил, и не обязательно себе на ногу...

— Не, этими костоправ из посёлка при крепости занимается. В госпитале только солдаты.

— А раненых много бывает?

— Да не так чтобы. Орки больно не нагленют, им даже торговать здесь дозволили: шкуры лошадиные там, овечьи, ещё какие, шерсть настриженная, войлоки, всё такое прочее. В начале осени обычно только шастают через границу, где кого пограбить. Молодых на такие дела посылают, чтобы вожди потом морды делали лопатой, дескать, молодёжь буянит, а никто им такого не позволял. Сами попались — сами виноваты.

— А что взамен покупают? — с любопытством спросила Камилла. Об орках она, разумеется, и читала, и слышала, но девушка, видевшая их вживую — это же гораздо интереснее.

— Да провизию всякую. А ещё очень любят тесьму, бахрому, галуны разные, пуговицы, бусы, да чтобы поярче, поярче. Сударь Назар им из Бурой Скалы мешками такое добро возит... Ой, хорошо, к слову пришлось. Вы, госпожа мастер, непременно у него купите хорошее толстое одеяло, шерстью простёганное, а то и два. Здесь зимой, знаете, как противно? Снега чуть, иной раз и по щиколотку не выпадет, зато ветрище — у-у! До костей продувает. Так со стороны Пыльных Равнин и свищет.

— Понятно. Спасибо, Пусси.

— Да за что? Всё равно днём толком заняться нечем. А тут с хорошим нужным человеком знакомство сведёшь, — девушка хихикнула, искоса глянув на Камиллу. — И польза тебе, и удовольствие — всё разом.

— А с чего ты взяла, что я хороший человек?

— Да так. Вижу. Вон про каменщиков спросили, часто ли калечатся. Кому бы другому и в голову не пришло: мастеровые — и мастеровые, кому они на хрен нужны?

— А-а, — озадаченно проговорила Камилла. — Если так...

Попасть к коменданту было несложно. Пусси объявила часовым при входе в центральную башню, или как это правильно называется, что это госпожа алхимик желает доложиться его милости господину коменданту, и девицам ещё и честь отдала. Этак игриво, Камилла даже засомневалась, принимать ли на свой счёт.

А вот сам комендант был очень занят. Дверь в его кабинет прикрыта была неплотно, и оттуда слышались голоса, обсуждавшие какие-то мёртвые зоны и секторы обстрела. Документы у Камиллы принял его адъютант, холёный красавчик с такой внешностью, что поневоле лезли в голову мысли о том, что он забыл в этом захолустье, во-первых, а во-вторых, не входят ли в его обязанности иные услуги, кроме собственно адъютантских. Разумеется, Камилла ни единым намёком понять этого не дала, и вообще была холодно-суховато-любезна, как и сам адъютант.

— Когда у коменданта найдётся немного свободного времени, он побеседует с вами лично, — снисходительно заверил её красавец.

— В таком случае, будьте добры, известите меня об этом хотя бы за два-три часа, — в тон ему отозвалась Камилла. — Есть процессы, которые можно прервать, только испортив все исходные материалы. Мне не хотелось бы, чтобы из моего жалования вычитали стоимость вытяжки феландариса всякий раз, когда у господина коменданта найдётся свободное время для меня.

Адъютант посмотрел на неё с таким изумлением, что Пусси за спиной у Камиллы, не сдержавшись, придушенно, словно бы в кулачок, хихикнула.

С Искателем было проще. Кругленький старичок с пушистыми бакенбардами (так и хотелось заострить ему уши и украсить их кисточками) полистал личное дело Камиллы, которое ему, оказывается, уже переслали из Ясеня, поцокал языком над почти мёртвым артефактом и выразил надежду, что процесс всё же обратим и такая талантливая девушка не лишится весьма полезных в её профессии способностей. Выглядел старичок уютно и безобидно, но Камилла не забывала, что у него тут на попечении не только целители, а ещё и боевики с малефикаром. Что умеет и может старый, очень опытный Искатель, проверять ей совершенно не хотелось.

Оставалось осмотреть наконец лабораторию, наверняка нуждающуюся в хорошей уборке, пролистать рабочие журналы и устроить ревизию в кладовой материалов и реагентов.

— Пусси, — сказала Камилла, когда они вышли из обители брата Мартина, — если тебе не трудно, сходи, пожалуйста, к главному целителю, спроси, когда у него найдётся полчаса для меня. Не хочу тратить время попусту, я ещё даже не видела, в каком состоянии мой предшественник оставил мне лабораторию. Сходишь?

— Отчего ж не сходить, — ответила та. — А вам и трудиться лишний раз незачем, вы же с ним за ужином увидите: господа маги и прочие вольнонаёмные в командирской

столовой соберутся, а я скажу, что вам потолковать надобно, господин целитель сам и подойдёт.

— Спасибо, Пусси. Что бы я без тебя делала?

— Да вам вообще-то денщика должны были дать заместо служанки, — легко отозвалась та. — Но вы господину адъютанту как в лоб сказанули, что у вас свои дела важные могут быть, поважнее, чем вызов от самого коменданта, он и своё-то имя поди позабыл, не то что про денщика для вас.

Ну... наверное, она была права, но Камилла-то не была выпускницей военной академии, прибывшей служить под началом коменданта Гарта. Она была вольнонаёмной, и начальством он ей был чисто номинальным, тот же главный целитель мог спросить с неё больше. С другой стороны, комендант крепости, расположенной в таком захолустье, наверняка тут второй сразу после Создателя, минуя Императора и его Генеральный Штаб, и ссориться с ним не следовало бы. А! Что сказано, то сказано, что сделано, то сделано... Всегда можно потупить глазки и изобразить молодую дурочку, хоть наставник и фыркал, заверяя, что интеллект не спрячешь и не подделаешь, так что в такую дурочку ни один человек, имеющий хоть сколько-то мозгов, не поверит. Правда, признавал Змей, где они, люди, имеющие хоть сколько-то мозгов? Мало их, а большинство стареющих мужиков легко покупаются на слёзки в дивных янтарных глазках.

Словом, Камилла постановила выбросить это всё из головы (когда припрёт, тогда и подумаем) и занялась ревизией в подвале. Ритуальный зал располагался в цокольном этаже, и подвал был полностью отведён под нужды алхимиков: из проходной комнатёнки, расположенной сразу за лестничной площадкой, шли коридоры налево и направо. Один вёл к кладовкам, где аккуратно лежали отдельно друг от друга инвентарь и ингредиенты, другой — к двум лабораториям. Возможно, когда-то предполагалось, что работать будут двое, однако адъютант порадовал Камиллу новостью, что помощников ей, увы, не полагается, нет в ведомости такой вакансии. Но она сама может нанять хоть помощника, хоть просто прислугу для уборки — комендант подпишет пропуск. Камилла понятливо кивнула, прикидывая, что бы такого приложить к прошению о выдаче пропуска? Самому красавчику, понятно, сгодится любая ерунда для ухода за собой, а вот его начальству что презентовать? Ладно, придержала она свои размышления, помощника сперва найти надо, а она здесь даже в самой крепости не знает никого, что уж говорить про посёлок...

Запасами для преемника на первое время прежний алхимик озаботился, пошли ему Создатель здоровья и вообще всяческого благополучия. Особой уборки тоже не требовалось — так, пыль смахнуть, колбы и мензурки ополоснуть. Вообще, складывалось впечатление, что все эти полгода работали здесь понемножку, аккуратно прибирая после себя. Наверное, кто-то из помощников целителя вспоминал основы, полученные в Школе. Лабораторные журналы и книга расхода материалов тоже были в полном порядке. В таком порядке, что любому мало-мальски опытному человеку было ясно — писалось всё это исключительно для проверок и вообще для отчётности, а к реальным занятиям гарнизонного алхимика эта писанина имеет весьма отдалённое отношение.

О том речь и пошла за ужином с главным целителем, мужичком тех же лет, что незабвенный Асканио Серпент, и с манерами примерно теми же. Целитель Браун, правда, незнакомой девице, с которой не мешало бы поддерживать добрые отношения, откровенно не хамил, но это явно было поправимо. Вот получше познакомятся, сведут не только служебные, но и более-менее приятельские отношения — и будет Камилла Випера то

змеёйкой ядовитой, то бестолочью, к гадалке не ходи. Пока, разумеется, оба ходили кругами, осторожно прощупывая друг друга: что лекарь, что алхимик — оба имеют доступ к крепкому алкоголю, сильнодействующим обезболивающим средствам, ядам и прочему, что в не злонамеренных даже, а просто в неумелых или дырявых руках может быть весьма опасным. Выяснить хотя бы приблизительно, чего от партнёра можно ждать, хотели оба, но оба пока что ни на волос друг другу, понятно, не доверяли.

А ещё, думала Камилла, надо будет как-нибудь с интендантом душевно потолковать. Спирт под грозным названием «реагент алхимический», в непрозрачных бутылках, оплетённых провололочной сеткой, в кладовой при лаборатории имелся в достаточных количествах, но зачем перегонному кубу простаивать зря? Тем более, что для многих натираний спирт вполне можно брать гораздо худшего качества, чем присланный для изготовления лекарств внутреннего употребления. Тот же двойной перегон можно использовать, а запах сивухи легко перебивается камфарой и прочими разогревающими прелестями. У господина же интенданта и старшего повара червивой крупы и подгнивших овощей-фруктов должно каждый месяц списываться столько...

Пока же она то и дело переключивала вилку в левую руку, чтобы в правую вместо ножа взять стальное наливное перо из тех, что по старой памяти звались гномскими, и вписать в блокнот, который прихватила с собой в столовую, очередное срочное и неотложное зелье для госпиталя. На неё поглядывали и господа командиры, и господа маги, но она решила, что познакомится со всеми постепенно, а сегодня вечером, когда голова и так пухнет от обилия впечатлений, она просто не сможет никого запомнить сверх брата Мартина, целителя Брауна и девицы Пусси. Она даже от провожатых, желающих показать ей крепость, вежливо отделалась и из столовой вышла одна.

Смеркалось, а едва солнце опустилось к горизонту, заметно похолодало. Ну, это понятно: на востоке — степь, на западе — южные отроги Мёртвого хребта, сколько-то крупных водоёмов поблизости нет, и погоду без конца мотает от удушливой и пыльной дневной жары к ночному холоду. М-да... в здешних жиденских перелесках не заночуешь, просто подстелив под себя плащ.

И всё-таки Камиллу понесло на новенькую, блестящую в сумерках кварцевыми крупинками светло-серую стену — очень уж хотелось осмотреться с довольно приличной высоты.

Разумеется, она спросила, можно ли. Солдат, размеренно бродивший туда-сюда у подножия широкой, но без перил лестницы, сказал: «Да как желаете, ваша милость», — Камилла поленилась его поправлять и полезла вверх. Лестница была довольно пологой, не как в башнях, но идти по ней пришлось чуть ли не до угла, где стена поворачивала вслед за руслом реки.

Темнело, тут и там зажигались факелы, небо то и дело ненадолго затягивали идущие узкими косыми полосами облака. Ущербная луна то скрывалась в них, то проглядывала опять, и разглядеть что-то толком было невозможно. Степью явно следовало любоваться днём, при ярком солнце. Но всё равно, что-то в этом определённо было: поздний вечер, крепостная стена, луна, мелькающая в тучах... И кот, усевшийся на парапет, видимо, думал так же. Камилла почесала его за ухом, не уверенная, что он позволит трогать горло. Кот оживился и принялся обнюхивать её пальцы.

— Что ты меня нюхаешь? — спросила она. — Котовика среди трав точно не было, разве что простая мята. Или тебе нравится, как пахнет хрустальная благодать? Зря. Отвратительно

заготовлено, я так целителю Брауну и сказала: «Это не лекарственная трава, это просто сено». Давай, я схожу к травнику и спрошу, нет ли у него котовика, а?

Кот муркнул и прикусил Камилле большой палец.

— Эй, — возмутилась она. — Я ему хочу травки купить, а он кусается! Сволочь ты... хотя, — прибавила она со вздохом, — за это вас и любят.

Она щёлкнула кота по уху, тот прижал уши и негромко предупреждающе завыл.

— Ладно, ладно, не злись, — она опять осторожно почесала его, только уже между лопатками, куда кошкам дотянуться сложно. — Подумаешь, щёлкнула легонько. У вас вообще девять жизней, не то что у нас. В этом южанам, пожалуй, и позавидовать можно: умерли, снова родились, уже кем-то другим, ещё пожили, опять умерли и опять ушли на перерождение... У вас так же? Молчишь? Не хочешь тайны кошачьи выдавать?

Она помолчала, наглаживая и почёсывая великодушно простившего её кота.

— А знаешь, — сказала она, — есть замечательные стихи. Неважно, в кого и во что ты веришь — ты будешь жить вечно.

Мы будем жить вечно,
Сквозь бури и битвы,
Сквозь зло и обиды
Шагая беспечно.

Мы будем жить вечно,
Бесстрашно и вольно,
Пускай порой — больно,
Пускай порой — лечь бы.

Мы будем жить вечно,
Где жить невозможно,
Развяжем лишь ножны,
Расправим лишь плечи.

Мы будем жить вечно
В обманщицах-сказках,
В балладах и красках
Картин безупречных.

К ней кто-то неторопливо, размеренным шагом подходил, и наверное, это выглядело ужасно глупо — стоит девица на стене и читает коту стихи. Но Камилла всё-таки закончила строфу, а подошедший, подхватив, прочёл последнюю:

Пусть стелет лёд вечер,
Пусть дышат тьмой двери,
Но в смерть мы не верим
И будем жить вечно...*

— Так, сир Мурильо? — спросил мужчина, тоже почесав кота, причём под челюстью. Мурильо не возражал.

— Почему «сир»? — поинтересовалась Камилла, уступая kota то ли хозяину, то ли просто давнему доброму знакомцу.

— А у него, как у южного сеньора, всего хозяйства — что под хвостом, зато гонору — выше головы, — охотно пояснил тот. Обманщица-луна смазывала черты лица, но блестела в глазах и на пряжках-галунах. Вроде бы, сколько сумела запомнить Камилла из краткого обучения в вербовочном пункте, знаки различия были сотниковские. Ну... ещё чувствовалось по манере держаться и разговаривать, что не рядовой, мягко говоря.

В общем, она посмеялась, опять посмотрела на вынырнувшую из заметно распухших туч луну и подумала, что пора, пожалуй, спать. Очень хотелось ещё поболтать с человеком, который любит те же стихи и так же разговаривает с кошками, но день был долгий и утомительный, а завтра дел будет ещё больше.

— Понятно, — сказала она. — Извините, я вас тут с благородным сиром Мурильо оставлю.

— Устали?

— Есть немного.

— Тогда давайте провожу. По незнакомой ещё крепости бродить в потёмках...

— Опасно? — удивилась Камилла.

— Нет, что вы. Просто свернёте не туда и забредёте в тупик, выбираться потом оттуда.

Камилла пожала плечами. Заблудиться в чётко распланированной крепости было сложно, но если любителю стихов хочется поболтать с новой обитательницей Рассветного Отрога — почему бы и нет? Пусть провожает.

Комментарий к Вольнонаёмная

* — Ольга Громько, “Год Крысы. Путница”

===== Гарнизонный алхимик =====

Камилле снился дом, с детства родная узкая и жёсткая койка, братец с краю — с его милой привычкой складывать руки-ноги на лежащего рядом...

— Ян, — проворчала она, спихивая с себя горячую тяжёлую руку, — подвинься, дурак, разлётся, как кот на печи.

— Ян — это кто? — рука с живота убралась, а в смутно знакомом голосе зазвучали откровенно ревнивые нотки.

Камилла открыла глаза и с минуту изучала лицо, подсвеченное безжалостными косыми лучами недавно взошедшего солнца. Оказалось, что мутноватая луна не так и уж польстила господину сотнику — вполне было приятное лицо, некрасивое, но такое... располагающее. И даже моложе, чем показалось ночью. Впрочем, ночью Камилла больше судила по голосу, а голос был жестковат, сорванный слегка и с то и дело прорывающимися командными нотками. Даже когда они больше дурачились и рассказывали смешные непристойные байки, чем занимались любовью, так и лезла из господина сотника привычка командовать. Над этим, кстати, Камилла веселилась отдельно.

— Ян — это брат, — подумав немного (ничего, пусть подождёт, никто вообще не обязан ему отвечать), сообщила она. — Только не делай, пожалуйста, большие глаза. Нас у родителей четверо, в каморке размером с половину этой для нас стояли две койки, старшие братья спали на одной, а на другой мы с Яном. Можно было делить постель с кем-нибудь из батрачек, но мне казалось, что родной брат лучше посторонней девицы.

— Понятно, — он улыбнулся чему-то дальнему и светлому. — Моя тоже бегала ко мне поболтать и погреться. Мы небогато жили, уголь экономить приходилось, в доме вечно было холодно, вот сестра и залезала ко мне под одеяло. Пришлѣпает босиком, прижмѣтся ко мне, лапы свои лягушачьи на меня сложит... Мы помалкивали оба, потому что если Элиза попадалась, влетало нам обоим: девочке так себя вести неприлично, а старший брат должен объяснять сестре, что так поступать нельзя, а не покрывать её проделки.

— У деревенской жизни есть свои положительные стороны, — хмыкнула Камилла. — У всех добрых людей дети спят вместе, вповалку, а не так роскошно, как мы — всего-то по двое. И про ужасно неприличное слово «инцест» никто даже не слышал.

— Какой уж тут инцест, когда одна постель на всю ораву, — усмехнулся он. Он лёг набок, опираясь на локоть и легонько тронул серебряную змейку. — А это не его подарок?

— А не слишком ли много вопросов? — прищурилась Камилла. — Мы всего только разок переспали, даже имѣн друг у друга не спрашивали, а ты мне с утра пораньше допросы устраиваешь.

— Я не назвался? — поразился он. — Прошу прощения, Алан Нортон, командир второй сотни.

Тон у него стал невозможно официальным. Камилла усилием воли подавила смешок и отозвалась ещё более официально и церемонно:

— Камилла Випера, действительный член Коллегии Алхимиков в ранге подмастерья.

— А почему Гадюка? — удивился он. — Такая милая девушка.

— А чем это гадюки плохи? — обиделась за змей Камилла. — Милейшие создания, разумные и не склонные к пустой агрессии.

— Да уж?

— Ну... бывает, что они просто неверно поняли чьи-то намерения, — признала Камилла. — Ползѣшь ты, понимаешь ли, никого не трогаешь, выбираешь мышку пожирнее, а тебе с маху наступает на хвост какой-то неуклюжий верзила! Конечно, захочется его укусить! Я бы и сама укусила, хоть у меня и нет хвоста.

— Буду иметь в виду, — серьёзно сказал он.

— Да уж имей, пожалуйста. А то ты ночью всё рвался покомандовать, а с ведьмами это может быть опасным.

— А ты ещё и ведьма?

— Слабенькая поднадзорная, но всё же ведьма. Что, разочаровала? — чуть насмешливо спросила она. — Таинственная незнакомка, читающая стихи в лунном сиянии, обернулась девицей заурядной наружности, но при этом ведьмой, да ещё и бритой наголо?

— Ну, что бритая наголо — это даже неплохо, — возразил он. — А то вечно потянешься разбудить подружку поцелуем и обязательно придавишь локтем волосы. И доказывай потом, что хотел доставить ей удовольствие. — Камилла сдержанно фыркнула, а он продолжил: — Правда, одна моя хорошая знакомая предложила разбудить меня как-нибудь... э-э... эльфийским поцелуем. И при этом — совершенно случайно, конечно! — задеть зубами уздечку. А потом сказать, что тоже хотела доставить удовольствие.

— Какая роскошная идея, — восхитилась Камилла. — А можно, я твою подружку буду цитировать?

— Это кому? — напрягся он, и у Камиллы разом пропало желание веселиться.

— Алан, — вздохнула она, — ты, кажется, с чего-то решил, будто наши вчерашние потрахушки дают тебе какие-то права на меня. Уверяю тебя, ты крупно ошибаешься. Я не то

чтобы ташу в свою постель всех, кто под руку попадётся... Я вообще человек брезгливый и трусоватый. И именно поэтому в дороге через четверть Империи у меня не было никого, а тут ты подхватываешь стихи, которые я, как дура, декламирую коту. Я решила, что мы поймём друг друга. Ну... Спасибо, всё было прекрасно, ты хороший любовник, а собеседник ещё лучше, но у вас тут в крепости целых две магессы, и не говори мне, будто они блюдут целибат или хотя бы верность одному постоянному партнёру. — Уже потому, что нет идиотов всерьёз связываться с настоящими чародейками, не ведьмами деревенскими, с их-то дурным характером и непомерным самомнением. — Ты не можешь не знать, что такое магесса и насколько весело и безопасно устраивать ей сцены ревности. И всё-таки пытаешься что-то мне диктовать?

— Словом, ты меня отшиваешь? — он смотрел в упор, и Камилле захотелось побиться затылком об стену.

— Нет, если это будет просто секс для взаимного удовольствия, — изо всех сил спокойно ответила она. — Да, если ты думаешь, будто можешь требовать чего-то сверх этого. Я не солдат из твоей сотни, милый. Я алхимик.

Они, в общем, вполне мирно дошли до столовой, — господин сотник умел принимать разумные доводы, даже если был с ними не согласен, — однако от ночного ощущения лёгкости и близости не осталось и следа. «Жаль, — подумала Камилла, — в кои-то веки мужик не побоялся ни причёски, ни магических способностей...» Что ж, очень хорошо, что всё выяснилось сразу и никаких тебе пустых надежд, никаких иллюзий: Алан Нортон точно так же, как любой другой имперский мужчина, ждёт, что женщина прогнётся под него, под его интересы и потребности. Увы, господин сотник, желающую радостно надеть на себя ошейник ищите в другом месте.

Войдя, он сразу двинулся было к каким-то своим приятелям, подхватив свою спутницу под руку. Однако Камилла руку высвободила, извинилась и направилась к столу, за которым сидели две женщины с звёздами на лбу — целительница и боевичка.

— Вы позволите? — спросила она. Смешливая пухленькая брюнетка с зелёной звездой кивнула, эльфийская полукровка глянула надменно, но ответила:

— Садитесь. Вообще-то, здесь принято столоваться в компании тех, кто тебе чем-то близок, но вы здесь всего второй день... — и произнесённое «какой с вас спрос» так и повисло в воздухе. — У вас, очевидно, есть какие-то вопросы?

— Один, — сказала Камилла, решив проглотить высокомерный тон. Рано или поздно госпоже боевому магу непременно что-нибудь потребуется от гарнизонного алхимика. Вот тогда и посмотрим на ваше поведение, сударыня. — Не опасно ли женщине в одиночку ходить по посёлку возле крепости? Мне как-то не хочется оказаться кверху задницей поперёк орочьего седла только потому, что я сунулась в лавку, не вызвавшую у меня подозрений, — пояснила она. — В Бурой Скале меня звал с собой тип, назвавшийся торговцем из Рассветного Отрога. Я поблагодарила и ответила, что дождусь обоза.

— Днём на главной улице бояться нечего, — снизошла до ответа полуэльфа.

— Особенно когда ты дочь беглой друидки и запросто можешь призвать какую-нибудь Малую Бурю, просто щёлкнув пальцами, — фыркнула целительница. — Я Тереза, Тереза Неккер, можно просто по имени.

— Камилла Випера, рада знакомству.

— А уж мы как рады! Здесь сдохнуть можно от скуки, одно и то же день за днём, а тут

новый человек, — целительница решительно оттерла свою подругу, захватив инициативу в разговоре. — Орки не считают нужным спрашивать у женщины согласия выйти замуж, это да, — ответила она за боевичку. — Но силу — это они очень хорошо понимают. Ни один орк в здравом уме и близко к Анвэн не подойдёт хоть днём на главной улице, хоть ночью в степи.

— То есть, лучше не ходить одной?

— Днём улица от рыночной площади до часовни совершенно безопасна, — заверила Тереза. — И дорога от крепости до рынка тоже. Но уже в сумерках крепость лучше вообще не покидать.

— Понятно, спасибо.

— Да не за что, — отмахнулась та. — А теперь я готовлюсь на всякий случай нырять по стол, но всё-таки спрошу: вы заказы сверхурочные берёте?

— А под стол-то зачем? — удивилась Камилла.

— Да Наркис не в духе мог и швырнуть какой-нибудь дрянью, — с немного нервным смешком ответила Тереза. — Он носил при себе желатиновые шарики с настоем сыпущника и ещё чего-то в том же духе. Говорил, что это для самозащиты, его же никто не учил владеть мечом и прочими острыми железяками.

— Правда, злился он обычно, когда Браун требовал с него выполнения прямых служебных обязанностей, — уточнила Анвэн. — Ему, видите ли, изготовление лекарств для госпиталя мешало зарабатывать деньги на домик и патент.

— Ничего себе! — поразились Камилла.

К ней подошёл, позёвывая и сражая мух перегаром, мужичок в сероватом полотенце вокруг пояса и поставил на стол тарелки с кашей и оладьями и кружку молока. С молока явно сняли сливки, но каша была вполне приличная, и оладьи тоже, разве что тесто перестояло немного. Ну... надо было привыкать. Дина осталась в Монастырских Садах, кухарка Зме'я — в Ясене, а после трактирных харчей здесь кормили вполне сносно. Впрочем, это была столовая для господ командиров и вольнонаёмных, не солдатская кантина. Понятно, что здесь повара не наглели.

— Да-да, — подтвердила Тереза. — А вы вчера такой допрос устроили Клоду, он даже растерялся немного...

— Так растерялся, что подушку под задницу подсунул, — пробормотала Камилла.

— Что? — изумилась Анвэн, а Тереза прыснула и сказала:

— Это такой ужасно пошлый анекдот, я потом тебе его расскажу. Но да, список из двух дюжин позиций — это он в самом деле растерялся. А то бы ещё больше надиктовал.

— И все срочно?

— Ох, — сказала Тереза и даже смеяться перестала, — Наркис, отслужив последний день по контракту, рванул отсюда так, будто его голову хан Готай своим молодчикам заказал. И между прочим, ни единой склянки про запас не оставил, пришлось мне вспоминать, с какого конца горелка зажигается, и хоть что-то варить самой. Но чаще городскому аптекарю заказывали, а у него и своей работы хватает, — она безнадёжно махнула гладкой белой ручкой.

— Понятно, — пробормотала Камилла. Вот, значит, почему в кладовой осталось довольно прилично всякого добра — его просто не использовали, когда была нужда. — А что вы хотели заказать, госпожа Неккер?

— Тереза, просто Тереза, хорошо? У вас уже Лео наверняка нормальное мыло просил.

Сварите и на меня тоже, ладно? Я могу даже сразу деньги отдать.

— Я тоже, — быстро сказала Анвэн и тут же полезла за кошельком. — Кто вперёд, того черёд, так ведь, да?

Две откровенные старые девы в накидках сестёр милосердия, сидевшие чуть в отдалении и неодобрительно косившиеся на чародеек, при виде развязанных кошельков заметно напряглись. Так, кажется, надо ждать очередной предоплаты.

Камилла немного поспешно доела и вышла, пока не набежала небольшая толпа желающих купить мыла, для которого ещё не был даже топлёный жир закуплен. Кстати, у кого его можно купить? Ладно, на месте разберёмся.

Посёлок выглядел довольно зелёным — сказывалась близость реки, на которой стояла крепость и с которой можно было возить воду для полива деревьев и огородов. Ещё здесь осенью частенько случались затяжные холодные дожди, и под дождевую воду во многих дворах были выкопаны резервуары, обмазанные жирной глиной и обожжённые, чтобы вода не уходила в землю. А вот дальше в степи, говорил ночью Алан, все дороги идут от колодца к колодцу. Есть небольшие озёрца, но вода в них солоноватая. Есть орочья святыня Небесный Сад — там несколько родников бьют в одном месте, сливаясь в Зеркало Неба, там растут яблони и вишни и туда съезжаются каждый год на совет шаманы. В сущности, в западной части Пыльных Равнин это единственное постоянное поселение, остальные орки кочуют по степи, воюя друг с другом за лучшие места для выпаса скотины. И здешние орки, кстати, горным не чета — мелковаты, словно с гоблинами кровь смешали, и никакого горского «умри с честью» знать не знают. Вот разве что на женщин тоже руку никогда не поднимут. Зато воруют их ещё более ловко и нагло, чем горные сородичи.

Ну вот, только подумала она про орков, тут же целая компания навстречу. Молодые, к сожалению. В том дурацком возрасте, когда росту в тебе полторы сажени, и любое море тебе по колено. В центре вышагивал довольно рослый парень в рубахе из ядовито-алого шёлка, расшитого для завершения убойного впечатления золотым галуном, а разноцветные камни на поясе и на кожаной головной повязке сверкали и переливались так, что глаза болели на это смотреть. И из рукоятки кривого меча... скимитара, кажется... торчал такой здоровенный голубой камень, что будь воин человеком, Камилла решила бы, будто это гранёный кусок цветного стекла. Но орку, наверное, проще было раздобыть настоящий, пусть и некачественный сапфир, чем гномье стекло.

— Ай! — прищёлкнул языком он, с восхищением уставившись на Камиллу. — Красивая женщина и умная, голову бреет, совсем как орк. Хорошая жена будет сыну хана, да?

— Хорошая вдова, — с ядовитой улыбочкой поправила Камилла.

— Почему вдова? — удивился он.

Она усмехнулась, быстро тронув большим пальцем безымянный. Серебряное колечко с неброским камушком ювелир изготовил для неё бесплатно — с условием, что для точно такого же она сварит точно такую же начинку.

— Дай мне руку, сын вождя, если не боишься.

Разумеется, он не боялся. Разумеется, он только гневно раздул ноздри от одного предположения, будто он может чего-то бояться! Он протянул Камилле руку, она задумчиво повертела её, то ладонью к себе, словно линии читала, то тыльной стороной, а потом цапнула зубами запястье. Уколов перед этим шипом, спрятанным в перстне. Орк обалдело уставился на неё, его свита — тоже.

— Ты что делаешь, глупая женщина? — возмутился он. — Зачем кусаешься?

Да уж, человеческий мужчина наверняка ответил бы на укус хорошей оплеухой. Если бы успел. На орка, кажется, укол не подействовал. Плохо. А она ведь читала, что орков даже не все смертельные яды берут. Даже мелковатых степных орков. Оставалось признать, что да, глупая она женщина, очень глупая, вот просто полная идиотка, и попросить прощения за дурацкую выходку.

Но тут сын вождя схватился за горло и начал медленно оседать в дорожную пыль. Зрачки у него расширились, он что-то попытался сказать, но его глаза закатились, и он рухнул мешком, пачкая желтоватой пылью роскошный алый шёлк.

Камилла напряглась, готовясь изречь что-нибудь грозное и пафосное, но один из орков выдохнул:

— Хатун... хатун Гюрза!

И вся компания уставилась на неё с почтительным восторгом и непонятым предвкушением.

— Перенесите своего друга в тень, — нервничая, распорядилась Камилла. — Ворот и пояс расстегните, под голову подложите что-нибудь, чтобы лежала повыше, а когда очнётся, давайте побольше пить. Просто воду, никакого пива!

— Он не умер? — удивился старший из орков. — Ты добра, хатун.

Они закланялись, прижимая руки к сердцу, потом подхватили покусанного и потащили его куда-то. И что это было?

Она купила почти всё, что ей требовалось, включая те стёганые одеяла, что посоветовала Пусси. У торговца лежали стопкой забавные ярко-полосатые, но он честно отсоветовал Камилле их покупать: линяют. Орки берут всё равно, они любят всё яркое, да и не слишком они замечают такую ерунду, как цветные потёки тут и там, но вот, ваша милость, гляньте, отличная бязь пошла на одеяло снизу, а сверху атлас. Ну, бледненько, да, зато никаких разводов на простынях. Два? Он сейчас же пошлёт сына, чтобы отнёс к воротам и оставил там караульным. Для госпожи алхимика, так? Конечно, ваша милость, все уже знают. Приходите ещё. Чего нет — закажем в Бурой Скале. А от больных суставов ничего не делаете? Осень на носу, а осенью колени ноют — спасу нет...

И на топлёный жир она легко договорилась, и купила чайный сервиз. В общем, первый выход в посёлок можно было бы считать удачным, если бы не это дурацкое происшествие с орками.

— Виноват, ваша милость, да только не велено её милость отвлекать.

Карла, мужичка более чем средних лет, дослуживающего последний до полной выслуги контракт, к Камилле приставили, переведя для этого из конюшни, где он обретался после ранения. Орочий скимитар рассёк ему бровь и щёку, на волосок не дотянувшись до глаза. Глаз не вытек, но рана загноилась, гной попал в глаз, и теперь он то и дело краснел и слезился. У целителя же, видимо, были заботы поважнее, чем слезящийся глаз какого-то рядового (не ослеп же!), так что Камилла сварила капли из собственных запасов, не из здешнего сена. Курс лечения был рассчитан недели на две как минимум, но Карл ожидал каких-то чудес с немедленным исцелением и был разочарован тем, как неторопливо продвигается дело. Приходилось пинать его, заставляя вот прямо сейчас, у её милости на глазах, закапать лекарство, а он не особо-то рвался слушаться какую-то штатскую соплю, да

ещё и девку. Обязанности денщика он выполнял добросовестно, начищая туфли Камиллы до солнечного сияния, а уж пряжки и пуговицы на одежде и обуви прямо-таки огнём горели, но вот к поручению никого в лабораторию не впускать отнёсся без всякого энтузиазма, лениво и равнодушно бубня про «не велено».

— «Не велено», — передразнил смутно знакомый мужской голос (Камилла пока что не могла запомнить всех, с кем успела поговорить). — Ну-ка, глаз покажи. О, ничего себе! И это за четыре дня? Сходи в часовню и поставь пару свечек за здоровье госпожи Виперы.

— Пусть лучше как следует выполняет мои поручения, — буркнула Камилла, выходя в «кабинет», как она обозвала ту проходную каморку из-за стоящего в ней письменного стола. Слюдяной щиток она на ходу локотком, не задевая себя перчатками, сдвинула с лица вверх, чтобы не мешал разговаривать, так что он стал похож на козырёк кепи, только длинный и янтарно-прозрачный. — Добрый вечер, господин главный целитель. Что за срочное дело?

— Вас не было за ужином, — пояснил он и, презрев оба стула, пристроился бочком на столе, отодвинув раскрытый журнал. Карл у него за спиной недоверчиво трогал глаз, так и хотелось дать дураку по рукам: глаз только-только слезиться перестал, и покраснение начало сходить, а тут в него лезут немытыми пальцами.

— Это будет повторяться с возмутительной регулярностью, — заверила целителя Камилла. — Зайду потом к господину Лео и попрошу каких-нибудь пирожков.

— Когда я говорил о том, что кроветворное мне нужно срочно, я не имел в виду, что вы сутками должны работать над ним. — Браун оценивающе оглядел её щиток, перчатки за локоть и глухой фартук. — Что такое опасное вы готовите? По запаху судя, у вас варится мыло... жасминовое, если не ошибаюсь...

— Не ошибаетесь.

— Вы так боитесь мыльных брызг в лицо?

— Мыло варится, — пожалала она плечами, — а параллельно я готовлю настой из ползучей лозы. Наделаю желатиновых шариков, — ехидно прибавила она, вспомнив Терезу, — и буду швырять в тех, кто меня станет отвлекать.

Целитель досадливо махнул рукой, словно муху отгонял.

— Мыла много? — нетерпеливо спросил он.

— Самый большой котёл, какой нашёлся. То, что мне выдал господин интендант, мне и в руки-то брать боязно, я им даже лабораторную посуду не мою. А вам, господин Браун, простите, придётся ждать следующей партии — эта уже раскуплена заранее, мне самой останется только со стенок соскрести. «Ну вы же в любой момент сделаете для себя ещё», — передразнила она жену первого сотника, разнюхавшую-таки, что Камилла собралась сварить нормальное мыло. — А что ему вылёживаться и твердеть почти три недели, никто вообще слушать не хочет. Требуют отлить им горшочек, а там уж они сами разберутся, как его употреблять. Здесь настолько всё плохо?

— Не то слово, — вздохнул целитель. — Любую ерунду надо везти за десяток лиг из Бурой Скалы, причём под охраной, а фуры не так уж много могут вместить сверх заказанного официально. Вам уже, наверное, разболтали, как мы собачились с Наркисом, предшественником вашим? Он в последние годы вконец обнаглел, лекарства для меня готовил на скорую руку, как попало и из чего попало, лишь бы отвязаться, а сам заколачивал денежки на ерунде вроде мыла и пудры для девиц из «Цветущей Розы». Он тут в окрестностях тальк нашёл, — пояснил Браун. — Я подкинул местным мужичкам работку — добывать его и молоть...

— На присыпки?

— Да, для лежачих особенно. А Наркис всё норовил из этого талька пудры наделать для девок.

— И для адъютанта? — Не будь у дорогого коллеги покровителя, он бы так не наглел. А для красавчика Акселя его не напудренная мордочка наверняка была куда большей бедой, чем пролежни у тяжёлых больных.

Браун мрачно кивнул.

— Я ведь весьма посредственный маг, — сказал он, тяжело вздыхая. — Нет, целитель я хороший, скажу не хвастаясь, но вот именно сил магических у меня... Заклинаниями пользуюсь только если деваться некуда. Только если без них потеряю раненого, остальное уже зельями да молитвами приходится добирать. — Камилла понимающе кивнула, опять порадовавшись про себя, что смешной магический резерв не позволил ей учиться на целителя. А то бы ведь так же теперь страдала и без магии толком, и без лекарств. — А когда зелий в обрез, да и те откровенная халтура...

— Господин Браун, — сказала она, глядя ему прямо в глаза, — я не стану врать, заказы со стороны брать я буду. Сами понимаете, открыть свою мастерскую — денег надо не просто много, а очень много, и я как-то должна их заработать. Но я вам слово даю, что буду заниматься этим только после того, как полностью выполню ваши заявки. Вы бы ещё подсказали мне, кого можно нанять в помощники, а? Ученика я брать не имею права, но нанять того, кто будет мыть колбы и готовить со временем простые мази, которые только мешать, мешать, мешать, не отходя... Меня бы это здорово разгрузило.

— У сукиного сына был парнишка на подхвате, — кивнул целитель. — Наркис ему потом рекомендацию давал, чтобы мог учеником попроситься к тому же Теофилиусу... Не знаю, взял тот или нет. Это алхимик в городе, — пояснил он, спохватившись, что совсем недавно прибывшая девица может и не знать, о ком он говорит. Камилла, к сожалению, знала. — Но вообще, я поспрашиваю. Полукровку взять не побоитесь?

— Да я сама не вполне человек, — усмехнулась Камилла. — Осьмушка эльфийской крови, как вам?

— После Анвэн с её половиной?

Камилла поневоле кивнула: вот уж рядом с кем даже склочный малефикар Равен Грант казался эталоном терпения и хороших манер.

Они ещё немного поболтали, потом Камилла вернулась к прерванной работе, а Браун погнал Карла в «Цветущую Розу» за какой-нибудь едой.

— Вы бы поговорили с Аланом, — сказал он, встав в дверях той лаборатории, где Камилла возилась с сыпушником — и не пускать никого, кто случайно забредёт в подвал, и держаться подальше от едкой дряни: на нём-то была обычная одежда, не кожаный фартук поверх толстых, как у кузнеца, суконных штанов и куртки. — Хороший ведь парень, и вы ему сразу понравились.

— О чём мне с ним говорить?

— О смысле жизни! — неожиданно рявкнул целитель. — Чем он вам не угодил?

Камилла закончила нарезать листья, брызжущие и истекающие соком, от которого запросто могла слезть кожа с рук, переложив их в колбу и очень осторожно залила водой. Вот так, пусть постоит до утра, утром аккуратно нагреть, дать ещё настояться, потом процедить... Щиток мешал разговаривать, и хвала Создателю, господин главный целитель или сам это знал, на собственном опыте, или догадывался, что молчит Камилла не из тупого

упрямства. Он даже умыться ей помог, потому что перчатками, в которых она нарезала листья ползучей лозы, совершенно точно не стоило прикасаться ни к себе, ни к другим.

— Видите ли, господин Браун, — сказала она, разобравшись с защитной одеждой, — меня за мои неполные двадцать пять четырежды собирались выдать замуж. При том, что мне самой замужество это на... совершенно не нужно. Меня несказанно раздражают попытки что-то решить за меня, понимаете? А у господина Нортонна, как я погляжу, это уже в крови.

— Он отвечает за целую сотню здоровых мужиков, половина которых старше его, а у второй половины в заднице свербит от желания доказать, что и у них яйца железные, не хуже, чем у ветеранов. Думаете, легко выйти из образа сукиного сына, который всю эту ораву держит за их железные яйца?

— Нелегко, — признала она. — Возможно, ему следовало бы поискать девушку, для которой это в порядке вещей — что всё решает муж, а ей остаётся только слушаться? Чтобы позволила ему самому принимать решения, воплощать их в жизнь, отвечать за них, а сама с комфортом сидела у него на шее? А со мной господин сотник вечно будет бодаться, кто в доме хозяин. Я фигурально, — с тяжким вздохом уточнила она. — Я, хвала Создателю, наконец могу не оглядываться ни на отца, ни на наставника и совать голову в новую петлю не настроена совершенно.

===== Хатун Гюрза =====

Господину коменданту было уже... хорошо за сорок, мягко говоря, и судя по фигуре и лицу, у него должно было пошаливать сердце. Вид тем не менее у него был вполне бодрый, а голос зычный. А ещё он любил комфорт, но не особенно гнался за красотой и богатством обстановки: кабинет был просторен и светел, мебель удобна, но уже порядком потёрта-поцарапана, а портному, шившему господину Гарту форму на заказ из дорогого сукна, явно было велено постараться, чтобы форма эта не жала и не натирала, а уж как она будет сидеть на грузной фигуре — дело десятое.

О том, что госпожу Виперу желает видеть комендант, Камиллу предупредили за час. Ну, спасибо, хоть дали время нормально умыться и переодеться, а не потащили прямо в защитной робе. Хотя... явиться к начальству в жутких, с трудом гнущихся штанах, в проеденном кислотой фартуке, в длинных перчатках и с мордой, закрытой щитком — может, он бы подумал в следующий раз, вызывать ли такое страшилище? Но в шёлковой рубашке и в очень, очень недешёвой, модного кроя мантии с серебряными пряжками Камилла, понятно, чувствовала себя гораздо увереннее. Может быть, и наставнику проще было разговаривать с состоятельными и влиятельными заказчиками, когда и сам он одет был не хуже, чем они? И их с Корвином Змей для того же приучал к дорогой одежде с отрочества — чтобы привыкли носить её непринужденно и свободно?

— Ага, — сказал Гарт, откровенно разглядывая её. — Вот и наша хатун Гюрза. Проходите, сударыня, садитесь. Мне бы, конечно, поинтересоваться, как вы устроились и прочим в том же духе, но мне больше хочется спросить, как же вы умудрились так вляпаться?

— А можно объяснить, господин комендант? — устало попросила Камилла. — В последнее время я толком не высыпаюсь и плоховато соображаю из-за этого.

— Браун вас расхваливает, — ворчливо проговорил тот. — И кстати, требует, чтобы я запретил вам так над собой издеваться. Ничего жизненно важного ему больше не требуется,

а всё остальное вполне можно приготовить в рабочем порядке. Слышите, сударыня? Никаких больше полуночных бдений!

— Это не всегда от меня зависит, — возразила она. — Иногда я просто не могу отойти от атанора почти сутки, у меня же нет помощника, которому я могу передать часть своих обязанностей. А та девочка, которую я наняла делать уборку, ещё ну никак не способна меня заменить. Словом, простите, господин комендант, но я работаю так, как привыкла. Вот начнётся у меня депрессия, и буду я кое-как готовить отвар хрустальной благодати, а потом тупо валяться сутками — и придёт к вам господин главный целитель жаловаться на меня, что плохо работаю... Лучше объясните мне, будьте добры, что за хатун Гюрза и во что я вляпалась. Хатун — это жена хана, я уже знаю, — прибавила она.

— Не только. Жена, дочь, просто знатная женщина... да просто женщина, к которой хотя бы обратиться с подчёркнутым почтением, — поправил комендант. — А почему Гюрза... У орков есть этаким сказочный персонаж — Змеиный Хан. Считается, будто сам он или его дети время от времени появляются среди орков или иных разумных существ по каким-то своим загадочным делам и ищут достойных. Если достойные действительно... хм... достойны, они могут просить змеев выполнить любое их желание. Попросить славы, богатства, любви красавицы — чего угодно, и Змеиный Хан либо его дети обязаны желание это исполнить.

— Блядь! — выдохнула Камилла. — Ой, то есть... прошу прощения. Я же всего только припугнуть хотела!

— Вот именно, блядь, — усмехнулся он. — С вас теперь выбор достойного, раз уж вы здесь появились.

Он прошёлся туда-сюда вдоль стены с висевшей на ней огромной картой, сплошь утыканной загадочными военными значками. Камилла молчала, переваривая свалившуюся на неё новость, и Гарт заговорил сам.

— Вообще-то, — сказал он задумчиво, — это можно использовать. Придумаете квест для орочьего молодняка, глядишь, они этой осенью будут заняты и не станут соваться на фермы и хутора. Ну, там нацедить яда двенадцати змей. Вроде бы на змеином яде мазь какую-то делают?

— А зачем змеиная ханша станет просить у кого-то змеиного яду? — возразила Камилла. — Ей ведь только свистнуть, змеи сами приползут и сами яд отдадут.

— А выбрать самых ловких, бесстрашных и удачливых? Устроить испытания в три тура с выбыванием, — комендант что-то про себя прикидывал, и выцветшие глаза понемногу азартно разгорались, — этак им на всю осень хватит.

— А потом? Попросят у меня великое ханство от Мёртвого хребта и до Абесинского моря? Или клад, найдя который, можно всю оставшуюся жизнь жить припеваючи? И что я отвечу?

— Настоящий мужчина и воин сам добьётся всего, что он считает достойным себя, — возразил комендант. — Что это за хан, которому надо ханство принести на змеином хвосте? Пусть сам собирает народ под свою руку! А вся оставшаяся жизнь — это сколько? Полвека? Год? День? Пара часов после находки?

— Демагогия, — проворчала Камилла, но с облегчением подумала, что отовратиться в принципе возможно, да. Хотя врать она не умела, не любила и предпочла бы не начинать эту сомнительную возню. Кто посмеет поторопить змеиную ханшу? Она выбирает по-настоящему достойного, а торопиться ей некуда. Змеи же бессмертны... ну, пока не убьют,

понятно. Сбросят старую шкурку — и опять молоды и красивы. Хотя послать десяток дураков, чтобы каждый набрал яду двенадцати змей... М-м, какой соблазн! — Растянуть квест на три года, — со смешком предложила она. — Чтобы до конца добрались самые терпеливые из самых достойных. А там у меня и контракт закончится, и не будет никаких вопросов, почему я осталась, хотя достойные уже нашлись.

— А вы собрались уезжать через три года? — Гарт нахмурился. — Зря, сударыня, зря.

— Почему?

— Я уж не говорю о том, что мне нового алхимика где-то искать, так и вам-то не лучше придётся. Вот заработаете вы денег, купите домишко в городке вроде Бурой Скалы, — тон у него стал мягким, вкрадчивым даже, — патент с боем у магистрата вырвете — а дальше? Какой-никакой шарлатан в любом городишке размером с мою крепость имеется, вам придётся у него заказчиков отбивать, а вы женщина, да ещё молодая и красивая... вас же просто никто не примет всерьёз! Будто вы нашего брата не знаете: все будут думать, будто вы за свой подмастерьевский ранг сами знаете чем расплатились, и доверить вам что-то серьёзнее мятного сиропа — только деньги выбросить на ветер.

— Мыловарню открою, — огрызнулась Камилла. Очень уж живо ей вспомнились кретинические намёки экзаменаторов на её интимные отношения с наставником. Даже если бы это было правдой, какое отношение это имеет к знаниям и умениям претендента на звание подмастерья? Пятерым старым сморчкам она уж точно не давала и не собиралась. Даже за свидетельство о пройденных испытаниях. — Мыло всем нужно, и много, а хорошее мыло стоит дорого.

— Лучше здесь её откройте, — совершенно серьёзно посоветовал комендант. — На паях с каким-нибудь ушлым мужичком. С него мастерская и работа, с вас рецепты и всякие дорогие штуки вроде душистых масел, и что там ещё нужно? А сами занимайтесь тем, что вам нравится. Лаборатория есть, никто вас не спрашивает, что вы там варите, хоть эликсир бессмертия. Хотите — книгу пишите, как старичок, с которым я в молодости служил в одном форте. Хотите — патенты на новые составы получайте. Нотариуса здесь нет, все документы, которые вы будете в свою Коллегию посылать, мой адъютант заверит, так что вас точно не ограбят: это ва'м судиться с каким-нибудь известным старым говнюком придётся долго и нудно, а если на пакете будут армейские печати, мало найдётся желающих связываться.

Камилла опешила. Она понимала, что комендант Гарт человек неглупый, если уж сам, без влиятельной родни, сумел дослужиться до такого звания, пусть даже крепость ему досталась на окраине цивилизованного мира. Но что он настолько... практичен и посвящён в такие тонкости...

— Что, удивлены? — усмехнулся он. — Тупой старый солдафон, оказывается, не такой уж тупой и не такой уж солдафон? Люблю вот, понимаете, талантливых людей и не хочу их выпускать из своих жадных загребущих лап. Брауна вон уболтал, тот до полной выслуги вряд ли отсюда куда-то денется, а может, и после... Так что вы подумайте над моими предложениями, подумайте. А про мыловарню я, кстати, не шучу — зачем вам время на такую ерунду тратить? Вот натравлю на вас Курта, пускай подберёт вам делового партнёра в посёлке.

— Курт — это господин Форестер? — наморщила лоб, припоминая, Камилла. — Интендант?

— Он самый. Если намекнуть ему, что и он сможет лапки погреть, он вам сам всё

организует, включая разрешение наместника, вернее, его помощника по торговым делам. Не отвлекая занятую девушку от реторт.

Камилла озадаченно хмыкнула. Что интендант сбывает в посёлке мыло, которым побрезговали... м-м... не рядовые — это к гадалке не ходи. Комендант, понятно, в доле. Ну, как в доле? Интендант делится выручкой, чтобы начальство закрывало глаза на его делишки. И судя по всему, Форестер не зарывается и лишнего не ворует, — так, тащит то, что плохо лежит, — то есть, тип он умный и осторожный, и с ним вполне можно иметь дело. Но Создатель, если связываться с этой мыловарней, через три года отсюда не так просто будет уехать! С другой стороны, иметь долю в маленьком, но надёжном предприятии... Она представила себе, как небрежно роняет в разговоре с городским цирюльником: «У меня мастерская на паях», — и сдержанно фыркнула, однако что-то такое в душе осталось, да. Совладелица мыловарни — это вам не бродяжка с патентом подмастерья. Даже если мыловарня — это просто дощатый сарай с печью, котлами и формами.

— А с орками вы поаккуратнее, — посоветовал Гарт. — Прежде чем пугать их или ещё как-то производить впечатление, спросите старожилов, что ли. А то нам тут только храма Змеинового Хана не хватает...

Атлас анатомический попал Камилле в руки гораздо раньше географического, и потому Империя ей всегда напоминала формой печень, у которой западный край немного неправильно изгибался, следуя руслу Данаувию, и сходилась с верхним, северным, в Серебряной Гавани, городе, где западная часть принадлежала эльфам, а восточная — людям. А вот восточный край спускался на карте так далеко на юг, что Камилла всегда недоумевала, почему жители Срединных Земель зовут её страну Империей Единого Севера: граница Империи с Лазурным Берегом проходила гораздо южнее, чем горный хребет, отделявший то же Приболотье от приморских княжеств. Другое дело, что так далеко от любого моря климат был куда более суровым — жарче и суше летом, холоднее — зимой. И всё же в Рассветном Отроге выращивали не только яблоки, груши и мелкие жёлтые сливы, а ещё и айву с абрикосами. Айва, правда, на вкус Камиллы, была совершенно несъедобна, хотя пахла очень приятно. Но жена торговца Назара угощала её милость айвовым мармеладом, и тот был очень даже неплох (особенно орехи в нём). Камилла вообще почитала кое-что об этом фрукте и подумала, что следующим летом займётся его изучением: некоторые его свойства определённо позволяли использовать айву в лечебных целях.

До настоящей степи, кстати, от крепости была почти неделя пути, если считать время, потраченное на дорогу крестьянскими возами или орочьими кибитками с товаром. Всадникам требовалось вполтину меньше времени, даже имперским, в броне и с тяжёлым вооружением, а орки, говорили старожилы, и вовсе налетали вихрем, оглянуться не успеешь. Камилла поинтересовалась, почему бы не построить форт поближе к таким беспокойным соседям — оказалось, что Рассветный Отрог запирает дорогу на запад, перекрывая собой безопасный и удобный распадок. Объезжать крепость с севера было, оказывается, чистым самоубийством: там голые склоны Мёртвого хребта осыпались от любого чиха лавинами каменных обломков. А южнее, у озера Змеинового, в которое впадала Гривастая, рядом с гораздо более крупной крепостью располагался целый городок, не чета здешнему посёлку при старом... ну, то есть, теперь-то перестраивающемся форте.

— Добрый вечер.

— Добрый, — согласилась Камилла, поднимая голову от расстеленной на столе карты

дистрикта.

— Тебя опять не было за ужином.

— Я послала Карла за едой в «Цветущую Розу», — отмахнулась Камилла.

Честно говоря, это стоило таких усилий, что проще, наверное, было сходить самой: глаз у Карла в результате лечения стал видеть, по его словам, чуть ли не лучше прежнего, и изначально скептически настроенный денщик проникся к «штатской сопле» глубоким и искренним восхищением. Правда, выражалось оно, главным образом, в том, что теперь все попытки Камиллы пропустить ужин превращались в выслушивание бесконечного нытья и ворчания, что её милость-де себя не бережёт и что сколько можно кусочничать — этак себе всё нутро попортить недолго. Идти однако было лень, поэтому Камилла сидела в библиотеке и лениво разглядывала на карте места хоть сколько-то знакомые, а также те, о которых она что-то слышала, и прочие окрестности.

— Такое впечатление, что ты от меня прячешься.

— Ага, — смачно зевнув, подтвердила Камилла. — Загородилась рядами колб и пробирок, нацепила слюдяную маску, чтобы не узнал, и трясусь от страха, а вдруг ты догадаешься, что искать алхимика надо в его лаборатории? Самомнение у вас, господин сотник... Кстати, как ты попал в библиотеку? Это башня магов вообще-то.

Алан хмыкнул.

— Как один из старших командиров, я имею право ходить где угодно, — сказал он. — А по моей нижайшей просьбе господин Искатель допустил меня до книжного фонда.

— До целительских атласов, основ медитации и сборников простейших проклятий?

— Вообще-то, это всё очень полезные книги, — возразил он. — Моя бы воля, я бы в военных школах давал хотя бы основы магии. Теорию хотя бы — чтобы заранее знать, чего ждать от магов, а чего требовать бесполезно и даже глупо.

— А как ты узнаешь заранее, с кем тебе доведётся служить? Это у вас тут служит дочь беглой друидки, которая, — Камилла вспомнила, что говорила об Анвэн Тереза, и процитировала: — Малую Бурю призывает щелчком пальцев. А вполне мог оказаться и подпасок, которого нашли при общей проверке и у которого артефакт-определитель кое-как нацедил первый круг.

— Ну, — он усмехнулся, — наш второй боевик, знаешь ли, тоже... не подпасок, хоть и нет в нём друидской крови.

Он взял стул от соседнего стола и переставил его вплотную к тому, на котором устроилась Камилла.

— Прости, — сказал Алан, усевшись рядом и взяв её за руку. — Уехал, пропал на полторы недели и слова при этом не сказал, что сам не знаю когда вернусь, но точно не скоро.

— Ты не обязан мне отчитываться. — Она опять зевнула и, не устраивая представлений с выдираньем руки из пальцев заведомо более сильного собеседника, положила левый локоть на стол и улеглась головой на него. — Ну, где там Карла носит? Хочу есть и спать. И всё, с завтрашнего дня, как и грозились, начинаю готовить по бутылочке отвара хрустальной благодати, а в остальное время тупо валяюсь на кровати и плюю в потолок.

— Давай, я завтра лучше возьму двух-трёх солдат в сопровождение и покажу тебе окрестности крепости, — предложил он. — Ты ведь дальше центральной улицы посёлка так нигде и не была?

— И там-то всего дважды, — подтвердила Камилла. — Как бы орки меня ни прозвали,

разгуливать в одиночку мне не хочется.

— Да, укусить Курака — это было... эпично, — усмехнулся он. — Долго плевалась потом?

— Прополоскала рот своим бальзамом. А он вполне годится на растопку.

Она прикрыла глаза, чувствуя, как его колено касается её бедра, а сильные жёсткие пальцы легко скользят по ладони, по запястью...

— И чем тебе девочки господина Лео нехороши? — спросила она, с досадой подумав, что самой надо было хоть разок туда наведаться, чтобы не расплываться теперь тающим воском.

— Кроме того, что с ними говорить не о чем? С мальчиками, кстати, тоже.

— А с чего ты взял, что я с ними о чём-то собираюсь говорить? В бордель не для этого ходят.

— Много ты бывала в борделях, — фыркнул он.

— Я? — Камилла посмеялась над его самонадеянной наивностью. — Если вдруг тебе интересно, ты второй, кому я не платила.

— Да уж?

— Алан! — она с невесёлым смешком подняла голову. — Ну, посмотри на меня...

— Очень привлекательная молодая женщина, — заверил он. — И глаза как янтарь. Слушай, а в тебе крови эльфов или фейри нет? У людей не бывает таких ярких глаз.

— Я не о том, — отмахнулась Камилла. — На мне же большими буквами написано: «Господа, у меня есть дела поважнее, чем пытаться понравиться вам». А между прочим, господин сотник, если вас не было в крепости полторы недели, как вы узнали, что меня опять не было за ужином? Господин главный целитель наябедничал?

— Он самый.

Он ещё что-то хотел сказать, но тут в библиотеку заглянул Карл и, выставив перед собой корзинку, словно оправдание, доложил:

— Ваш ужин, ваша милость. И господин Лео того... обижается, что сами не ходите.

— Давай сюда, — распорядился Алан. — И иди отдыхай, я сам присмотрю за госпожой Виперой.

— Так точно, ваша милость, — не скрывая неудовольствия (сыр, пирожки — а нормальная-то еда где?), отозвался Карл и сдал свой пост сотнику. Которого Камилла спросила:

— Знаешь, у меня есть гениальная идея, где можно поужинать. Пойдёшь со мной?

Ключи у неё имелись от всех помещений башни магов, кроме чужих личных комнат, разумеется. Познакомиться толком с соседями времени у Камиллы так и не нашлось до сих пор, но на астрономическую площадку она заглядывала, а как же. Вечер... да, собственно, ночь уже, а не поздний вечер... радовал тихой облачной погодой — радовал, потому что в ясную ночь кто-нибудь из магов вполне мог явиться на крышу для наблюдений и расчётов. Переодеваться Камилла не стала, её куртка и штаны из толстого сукна неплохо защищали от холода, не только от едких и горячих брызг. Она со смешком подумала, что это было бы так романтично — вдвоём высоко над землёй, только небо и ветер... но для свидания она очень уж неромантично одета.

— У тебя было когда-нибудь такое? — спросил вдруг Алан. — Встретишь человека, поговоришь с ним от силы часок, а ощущение такое, будто знаешь его всю жизнь?

— Нет, — Камилла, подумав, покачала головой. — Наставника своего я как будто бы знаю всю свою сознательную жизнь, хотя ученицей меня он взял довольно поздно. Но там ни про какое «сразу» даже речи не было. Первые полгода я частенько ревела по ночам и думала, что вот отец приедет в очередной раз, и я вернусь с ним домой. Я так понимаю, мастер нарочно на меня давил, чтобы не возиться зря со слизняком бесхребетным. Бросаешь учёбу — так бросай сразу, не отнимай у человека время. Но чтобы через час... — Она пожала плечами, хлебнула прямо из бутылки и передала её Алану. — Я не очень легко схожусь с людьми, знаешь. Но ты меня здорово удивил. Я бы на твоём месте, наверное, решила, что у девицы горячка, если она коту стихи читает. — Тот булькнул что-то, не отрываясь от горлышка бутылки. — Сейчас, впрочем, удивляешь ещё сильнее.

— Тем, что сижу тут и пью за твой счёт? — поинтересовался он, возвращая бутылку. — Тогда давай уж и сыру, удивлять — так от всей души.

— Тем, что ты вроде бы уже получил своё, да так легко, и всё равно пришёл снова, — усмехаясь, пояснила Камилла, по-братски разламывая кусок местного сыра, больше похожего на солёный творог. — Считается же, что мужчинам не интересно, когда слишком легко. Крепости и женщин надо осаждать, брать штурмом или подкупать...

— А тут приходишь, — подхватил Алан, — ворота настезь, комендант хватает тебя под ручку и тащит выпить вместе, а то скучно одному. А утром, зевая и мучаясь похмельем, бормочет: «Ребята, будете уходить, сильно воротами не хлопайте. Или вы пока остаётесь?» У любого завоевателя шок приключится от такой победы.

— А ты уверен, что это победа? Когда гарнизону так мало дела до якобы завоевателей?

— Нет, конечно. Но я и не завоеватель. — Он немного помолчал, рассеянно катая по столу для записи наблюдений шарик из кусочка сыра. — Я прекрасно понимаю, почему всё так быстро случилось: незнакомое место, незнакомые люди, всё чужое, все чужие, а тут тип, который знает и любит то же, что и ты — стихи, кошек, смешные байки в постели... Я боялся, что разочаровал тебя, — сознался он. — Что ты просто не хочешь повторения, поэтому избегаешь меня. Потом послушал разговоры, что ты, оказывается, просто поселилась в своём подвале, и понял, что дурак.

Он обнял её, прижимаясь щекой к её макушке, и пробормотал: «Злючка-колючка ты, а никакая не хатун Гюрза», но не отстранился. В его руках было тепло и... надёжно. Вот только спать захотелось с совсем уж неодолимой силой.

— Пойдём, — сказала Камилла, неохотно отрывая голову от твёрдого и тёплого плеча. — Только не обижайся, если я усну прямо в процессе.

===== Одна из магов? =====

Лето заканчивалось... закончилось, в сущности. Ясная, сухая, тёплая пока что, неумолимо надвигалась осень. Доцветали последние растения, ждавшие своей очереди целое лето, созревали орехи, поздние яблоки и груши, местный окультуренный, без колючек и с вполне съедобными плодами, терновник. Камилла торопливо, боясь упустить остатки сезона, собирала по лесам и на берегах Гривастой (под охраной солдат, понятно) последние целебные растения. Многие были знакомы только по книгам, некоторые отличались от привычных то цветом, то размерами — тот же сухостебель на здешнем солнце вымахивал не по грудь человеку, а выше головы. Наверняка отличались и некоторые свойства, и стало быть, всё это требовало пристального изучения, хоть в самом деле садись и пиши если не

книгу, то статью-другую об особенностях местной флоры. В библиотеке ничего на эту тему не нашлось, Камилла пробовала разговорить здешнего травника, но полуорк, числивший в своей родне какую-то знаменитую в этих краях шаманку, не горел желанием выдавать свои фамильные секреты чужачке. Ну и Порождения Тьмы с ним, гадай ещё, где правду сказал, где соврал...

А вот госпожа Эрикссон, жена третьего сотника, охотно делилась опытом. Она выращивала хрустальную благодать и милость Пророчицы просто из любви к цветам и из ностальгических побуждений: у её матушки в садике росли такие же. Хрустальная благодать — для красоты, куда более скромная с виду милость Пророчицы — ради тонкого нежного запаха. Её цветки госпожа Эрикссон собирала, сушила, насыпала в мешочки и раскладывала их в шкафах с бельём. Про то, что милость Пророчицы неплохо лечит практически все женские болезни, она слышала, понятно, но сама лечиться не пробовала, полагая, что готовить лекарства — дело травников и аптекарей. Камилле совершенно бесплатно достались и семена, и советы о том, как лучше растить всё это здесь, гораздо южнее, чем дома, с совсем другими сроками и условиями посадки, сбора и ухода (другое дело, что оставаться в долгу Камилла не любила и, разумеется, отдалась флакончиком той самой проклятой жрицами «выдумки Порождений Тьмы»: сотница была ещё во вполне детородном возрасте, но вряд ли так уж хотела четвёртого ребёнка).

Словом, Камилла наняла мужичков, ещё не забывших за солдатской наукой, как держать в руках лопату и грабли, и они вскопали ей две длинные полосы для хрустальной благодати справа и слева от входа в башню магов. И ещё две такие же для тенелюбивой милости Пророчицы — в запущенном скверике между башней и стеной. Маги мужеска полу снисходительно одобрили попытки Камиллы внести в их жизнь немного красоты и уюта, а вот Анвэн, невзирая на её друидскую кровь, к идее посадить красивые, душистые и полезные цветы осталась совершенно равнодушна. С боевичкой вообще, похоже, могла ладить только Тереза Неккер. Да и та, как оказалось, из весьма практических побуждений: дамы состояли в более, чем интимной связи — они практиковали совместные медитации. Камилла, правда, читала, что для полноценного Круга требуются по крайней мере трое участников, однако Каспара Фламме, тоже неслабого боевика, Анвэн с Терезой никогда не приглашали. Не то чтобы Камилла так уж этим интересовалась, просто язва-малефикар то и дело проходилась по то ли мужским, то ли магическим качествам Каспара, опять обойдённого вниманием магесс. А поскольку о безграничном терпении и кротком нраве стихийщиков не зря легенды ходят, совершенно непечатные ответы боевика поневоле слышала вся столовая.

Камилла познакомилась с ним поближе, смешно сказать, через Алана: тот умудрялся водить дружбу с боевиком без всяких на то прагматических причин. Ну, то есть, он сказал: «С Каспаром хоть поговорить можно», — но вряд ли именно это было обоснованием для приятельских отношений боевого мага и второго сотника. В сущности, думала Камилла, дружба двух магов — это как дружба двух котов. Изредка случается, но уж очень редко. Куда реже пресловутого «кошка с собакой». И между прочим, псу подружиться с котом куда проще, чем другому коту. Только пёс способен назначить себя другом усатому задаваке, облизывать недовольную морду и притворяться, будто принимает кошачье рассерженное мотание хвостом за дружелюбное влияние. А кошкам, которым собаки навязались в друзья, только и остаётся, что извлекать пользу из таких отношений. Вспомнить только Пеструшку или Дымку, лениво выбирающихся зимним утром из собачьей конуры, а не свернувшихся в тугой шарик в сенах...

И в паре Алан Нортон-Каспар Фламме сразу было видно, кто кот, а кто пёс — даже если бы Каспар не был ниже Алана на полголовы и чуть не вдвое у́же в плечах. Они вообще смотрелись картинкой из приключенческого романа: рослый и плечистый светловолосый воин, пусть и не похожий чертами на полагающегося по канону уроженца Северного Нагорья, и невысокий худощавый брюнет с истинно мажеским лицом, исполненным осознания своего превосходства над всеми смертными тварями. Понимали друг друга эти двое с полуслова, с одного короткого быстрого взгляда, и Камилле чудились не только приятельские отношения между ними. Впрочем, после Яна с Михой, возможно, просто чудились. Репутация магов — это такая смешная штука...

— Что значит «перегорела»? — удивился Каспар, когда в ответ на его предложение тоже попробовать сесть как-нибудь в Круг Камилла ответила, что и была-то слабенькой поднадзорной ведьмочкой, а теперь и вовсе ничего собой в магическом плане не представляет. — Потратилась настолько, что вычерпала весь магический резерв и полезла в жизненный?

— Наоборот. Так сдерживала выброс, что потеряла магию.

— Чушь собачья! — фыркнул он. — Если ты подавила выброс усилием воли, значит, ты не потеряла магию, а заблокировала её.

— А разница? — поинтересовался Алан. — Что в лоб, что по лбу, по-моему.

— Нет, мой необразованный друг, — возразил Каспар снисходительно. — Магическое истощение — вот потеря магии. Лечится она долго, муторно, неохотно и напрямую зависит от того, как скоро продвигается выздоровление носителя от истощения физического. Ну, там, знаешь, требуются разнообразные сказочные чудеса вроде полноценного питания, долгого здорового сна, неспешных прогулок на свежем воздухе, а ещё отсутствия сколько-то утомительной работы и новостей, способных бедолагу расстроить или испугать... — Камилла усмехнулась: действительно, чудеса, доступные только в сказке, никак не в реальной жизни. — А наша змеиная ханша собственным произволом заперла магию внутри себя, не позволяя ей прорываться наружу. Тебе Искатели медитировать не предлагали?

— Предлагали, — Камилла раздражённо дёрнула плечом. — Не очень у меня получается, если честно. Начинаю смотреть в огонь, а в результате ловлю себя на том, что прикидываю регулировку температуры для процесса возгонки.

— Маньячка, — хмыкнул маг. — Тебе точно нужен ведущий.

— Погодите, — нахмурился Алан, — это действительно опасно? Когда теряешь магию?

— Она не теряется, — неожиданно терпеливо повторил Каспар. — Это как ручей плотиной перегородить. Вода или копится, усиливая давление на плотину, чтобы в один прекрасный день снести её... и всё, что ниже по течению. Или подмывает её, просачиваясь потихоньку — это лучший вариант, кстати, самый безопасный. Или уходит в землю, превращая её в болото. Медитация могла бы... разобрать плотину понемногу.

— А совместная медитация — это объединение магических потоков, — возразила Камилла. — Если через мой заваленный буреломом ручеек хлынет твой Данувий — что от меня-то останется?

— Ну уж Данувий, — возразил Каспар, но видно было, что он польщён сравнением. — Так, что-то вроде Гривастой... И ничего страшного с тобой не случится, в крайнем случае резерв расширишь.

— Вот уж даром не надо, — буркнула Камилла, но задумалась. Сестра Эвелина и брат Мартин, судя по всему, рассчитывали на второй вариант — когда вода потихоньку промоет

себе новый путь. Наверняка их опыт позволял надеяться на это. Или ждали, что выбросом сметёт блок? А заодно испуг от вспышки, которую не удалось сдержать, станет тем самым стрессом, который дотянет её резерв хотя бы до несчастного первого кольца? Не хотелось бы плохо думать о людях, но Искателям нужны маги. Слишком нужны. А Камилла то и дело ловила себя на обычно ей не свойственных вспышках гнева по самым пустяковым поводам, и её якобы женская неудовлетворённость была здесь точно ни при чём — в этом плане жаловаться на Алана не приходилось. Причина могла быть в скопившейся усталости и просто в до сих пор не отпустившем ощущении чуждости всего окружающего. Но наверняка и магия, не находящая привычного выхода, давила тоже, заставляя месяц напролёт чувствовать себя словно накануне женских дней.

— Ты мне не ответил, — настойчиво сказал Алан. — Заблокированная магия — это опасно?

— Да, — не пытаясь как-то смягчить ответ, кивнул Каспар. — Грубо говоря, она понемногу убивает носителя, разрушая его изнутри. Самое смешное, чем слабее маг, тем легче он это переносит.

— Ничего смешного не вижу, — сказал Алан хмуро. — А если я попробую того же Брауна упросить, чтобы составил вам компанию? Вроде бы целители и стихийники не вредят друг другу?

— Не вредят, — кивнул Каспар и блудливо ухмыльнулся. — Но ты знаешь, как проводятся эти совместные медитации?

— Да какая разница!

Камилла сдержанно фыркнула: собственнические замашки сотника её временами злили, временами смешили. А вот грубый и невоспитанный боевой маг просто, без затей припечатал:

— Ну-ну, посмотрю я на тебя, когда твоей подруге придётся сесть нагишом в Круг с двумя голыми мужиками.

Ох, каким же было выражение лица Алана, когда он представил себе эту картинку — просто прелесть. И наверняка он поневоле припомнил репутацию магов, которым обыватели с удовольствием приписывали повальную распущенность и всеядность. И всё-таки он сказал — откровенно через силу, но сказал:

— Да хоть тройничок устраивайте, если это поможет.

Камилла прямо умилилась бы, кабы речь не шла о ней, любимой. Сидели они в библиотеке, поэтому можно было не понижать голос и не подбирать вежливых выражений: Анвэн была выше всей этой жалкой мышины возни, а если вольно или невольно подслушает Равен, будет совершенно неважно, как оно было на самом деле — всё равно в его изложении разговоры примут совсем иной, возможно, весьма причудливый вид.

— А меня спросить не хотите? — ядовито спросила Камилла. — Я ещё ни на что не соглашалась и ни от чего не отказывалась. И кстати, господин сотник...

— Камилла, я ненавижу, когда ты так меня называешь!

— А я — когда ты лезешь решать за меня, — огрызнулась она. — Ты мне никто, позволь напомнить. Даже если бы ты был моим мужем, всё равно я подмастерье Коллегии Алхимиков. Почитай семейный кодекс, если не знаешь, что это значит.

По его лицу ясно было, что читал, да. И очень сожалеет, что кому-то пришла в голову такая глупая мысль — эмансипировать женщин-магов и подмастерьев, невзирая на их семейное положение.

— Ох, Алан — сказал меж тем Каспар, — и как ты только её терпишь? У неё же не тараканы в голове, а здоровенные сколопендры. Ядовитые, — зачем-то уточнил он. — Хатун Гадюка, я не понял: ты не хочешь снимать блок? Или ты прямо болезненно застенчива? Ну так, целители знают про твоё тело побольше, чем ты сама, и Брауна ты вряд ли чем-то заинтересуешь. А от того, что я полюбуюсь на твои сиськи, вреда точно будет меньше, чем от магического выброса, который рано или поздно точно случится, когда твоя помощница в очередной раз раскокает колбу из драконьего стекла.

— Не напоминай! — взвыла Камилла, только сегодня лишившаяся уже третьей. Эта бестолочь криворукая (мастер, как же мне вас не хватает, оказывается!) с завидной регулярностью била самую дорогую лабораторную посуду. Простые пробирки-мензурки, даже надколотые с краёв, благополучно переживали любое мытьё, а вот огнеупорное стекло почему-то то и дело выскальзывало из мокрых мыльных рук. Ну да, оно более хрупкое именно по причине своей огнеупорности, но сама же она, Камилла, в бытность ученицей умудрилась разбить всего одну, и ту уже старую, помутневшую и наверняка готовую треснуть без посторонней помощи!

Наёмная помощница вообще Камиллу разочаровала и поразила разом. Нет, девочка была старательная, исполнительная, очень добросовестная, она мыла, резала, растирала, мешала — и хоть бы раз спросила, что это такое и для чего оно. Нет, не спрашивала. И вовсе не из застенчивости. Кое-куда она свой не в меру длинный нос ещё как совала. Но интересны ей были тряпки, готовые мыла-масла-пудры, чужие отношения и прочие нормальные такие для девочки-подростка вещи. Ох, на гарнизонной кухне она была бы куда более к месту, чем в лаборатории алхимика. Но Ясмин хотя бы действительно старалась и при этом не пыталась что-нибудь ценное уронить себе в карман.

И искать кого-то вместо неё... Местные, как уже поняла Камилла, «гарнизонных» не особенно любили. Общались, конечно, куда деваться? Работали в крепости, торговали понемногу тем и этим — но не жаловали. Камилла слышала даже чей-то пьяный бред про то, как раньше, до постройки крепости и появления постоянного гарнизона, было хорошо: никаких тебе налогов, никаких приезжих с запада. Орки, ясен день, по осени налетали, так орки — что? Ну, похватали чего сумели, ну, пожгли малость, баб угнали, детишек прихватили там, да и убрались обратно в свою степь... Так детей новых нарожать недолго, а бабы они и есть бабы, ведьмы все до единой, пускай орки с ними и возятся. Вон сколько их развелось теперь, житья не стало... Болтал, понятно, какой-то пьяный дурак, которого уж явно ни разу не грабили и не жгли, но слушать всё равно было неприятно.

— Ну так что? — настойчиво спросил Алан, которого невозможно было сбить с мысли, раз уж она забрела в его блондинистую голову. — Просить Брауна или Неккер быть третьими?

— Неккер не стоит, — возразил Каспар. — Она не захочет ссориться со своей остроухой подружкой. Лучше уж Равена, чтобы уравновесил сразу двух целителей. Ему, кстати, и расчёты можно поручить: у малефикаров с ритуалистикой гораздо лучше, чем у нас, тупой боёвки.

Камилла выругалась, но мужчины внимания на это не обратили. Пришлось смириться и принять их план. В конце концов, это прежде всего нужно было ей, а не Нортону и тем более не его приятелю. Но всё равно было досадно, что её мнение никого особо и не интересует. Так и хотелось устроить в благодарность что-нибудь этакое... змеино-алхимическое.

Как отомстить, Камилла так и не придумала: некогда ей было. Осень на восточной границе была очень беспокойным временем. Нападать всерьёз орки после очень жёстких, чтобы не сказать, жестоких ответных мер Империи больше не рисковали, но шайки сопляков лет так от пятнадцати налетали стаями ос — в большинстве случаев не смертельно, но злит и дёргает без конца. Ханы же со старейшинами только руками разводили: юноши уезжают на охоту, и кто будет нянчиться с ними? Только так они могут доказать, что уже мужчины, а не мальчики. Ну, да-да, а что с охоты привозят не волчьи шкуры и не тушки добытых диких (или не диких — кто там будет разбираться?) коз, а мешки с зерном и уж тем более похищенных девиц, про это ни хан, ни старейшины, ни отцы молодых придурков понятия не имеют.

В общем, раненых хватало. В основном, по мелочи, но лечение требовалось и им, а Браун и Неккер силы берегли для серьёзных случаев, которые тоже то и дело приключались, так что большая часть нагрузки приходилась на Камиллу. А ещё для полного счастья по крепости прошла не эпидемия, понятно — так, волна то ли дизентерии, то ли просто отравления некачественной брагой, которую местные готовили из того гнилья, которое ни на что съедобное не годится, а просто выбросить жалко. Камилла варила закрепляющее чуть ли не вёдрами, ругаясь так, что её помощница краснела, но повторяла вслед за нею беззвучным шёпотом, чтобы лучше запомнить. С точки зрения алхимика, это мерзкое вонючее пойло, нагло названное «домашним вином», не то что пить — нюхать не следовало, но вот пили же... а она опять только что не ночевала в лаборатории, потому что недоумков надо было срочно ставить на ноги, чтобы могли защитить фермеров от орочьего молодняка.

С Аланом они теперь виделись редко, урывками, и даже праздники Равноденствия как-то прошли мимо обоих, занятых каждый своим делом. Но после праздников этих Равен объявил, что к новолунию можно проводить ритуал. Почему к новолунию, а не наоборот, к полной луне, Камилла спрашивать не стала. Лучше к новой луне — значит, лучше. Пьёт же Равен её капли от печёночных колик, не спрашивая, какой там состав. Вот и она не полезет в дебри, в которых всё равно ничего не смыслит.

И сюрприз-сюрприз (ох, и липучие же словечки у господина Лео!) — Анвэн с Терезой тоже решили принять участие в совместной медитации. Похоже, и они знали, что малефикар неплох в ритуалах.

— Шестеро? — переспросил Равен у Каспара. — Тащи тогда своего приятеля, сделаем настоящую семилучевую звезду. Вроде ему дали три-четыре дня отдыха? Вот и пусть... отдохнёт и подлечится по мелочи.

— Он же вообще не маг, — удивился Каспар, и Камилла испытала трусливое чувство облегчения: значит, это не она такая дура необразованная, если даже стихийные маги мало что в подобных ритуалах смыслят?

— Не маг, — согласился малефикар. — Вот и отлично. Будет балластом. Знаешь, что такое балласт? Вовсе не бесполезная тяжесть, как почему-то многие думают, а тот груз в трюме, который не даёт судну опрокинуться от качки. — Он посмотрел на Каспара с видом бесконечного превосходства, но вспльчивый боевик, дивное дело, молчал, и Равен пояснил с не менее удивительным терпением и почти доброжелательно: — Вашей с Анвэн дури будет многовато для вот этой, — он мотнул головой на Камиллу, — а против меня сядут сразу два целителя. Так что твой вообще не маг — именно то, что нужно для равновесия.

— Понятно, — пробормотал Каспар, кажется, тоже не пытаясь на самом деле вникнуть в такие подробности. — Тебе виднее.

— Рад, что ты наконец это признал, — ядовито отозвался Равен, и Камилле даже как-то спокойнее стало от привычного тона. А то она слегка занервничала, когда представила себе объединённую «дурь» Фламме (это, кстати, его настоящая фамилия или псевдоним вроде её «Виперы»?) и друидской дочки.

— А для не мага это не опасно? — всё-таки с тревогой спросила она, представив, как объединённая сил двух боевиков и малефикара пройдёт по кругу. Магам-то (ну, в теории вроде бы так) прочистит энергетические каналы и обновит что-то там, а обычному человеку? Да и целители столько пользы могут нанести, что мало не покажется!

— Нет, — Равен покачал головой. Тон у него по-прежнему был ехидным, но после десяти лет ученичества у Асканио Серпента не обращать же внимание на такие мелочи! — Точно нет. Не больше, чем праздничная молитва. Знаешь, когда собирается целая толпа и начинает дружно благодарить Создателя за хороший... ну, или хоть какой-то урожай? Там ведь тоже набирается приличный такой поток энергии вроде магической, но его поглощают алтари. Складывают этак про запас, чтобы потом какой-нибудь искренне верующий простак попросил исцеления и в самом деле избавился от изжоги. Или Искатели, отлавливающие беглых магов, зарядили артефакты под завязку и от души приласкали пойманных Святой Карой. — Он передёрнулся так, словно испытал её на себе разок. Или даже не разок. — Впрочем, — признал он, — на целителей Святая Кара почти не действует: направление векторов силы слишком сходное. И чем слабее маг, тем слабее и воздействие Искательских умений. Забавно, да? Лиши магических сил боевика с полным вторым кольцом — и бери его голыми руками. А проделай то же самое с деревенской неграмотной ведьмой — и запросто получишь стакан уксусной эссенции в морду. — Камилле поневоле вспомнился предшественник, таскающий в карманах желатиновые бомбочки с настойкой ползучей лозы. — Потому что человек, не привыкший надеяться на магию, — закончил свою мысль Равен, — обычно учится использовать собственные знания и умения. Ну, если он не полный кретин, разумеется.

— Ты чему поднадзорную учишь? — хмыкнул Каспар, но как-то так... чуть ли не с одобрением.

— Уметь защититься от уroda в сером сюрко, которому его власть по мозгам так шарахнула, что напрочь их отшибла, — огрызнулся малефикар. — Ну, договорились, да? В новолуние собираемся после заката в ритуальном зале. Госпожа подмастерье, — тон у него стал прямо-таки официальным, — подготовку знаете? Нет? Так я и думал. Не есть с утра, не пить где-то с полудня...

— А то расслабишься этак полностью, и будет потом самой неудобно, — пояснил Каспар, фыркнув над тем, как покраснела Камилла, представившая себя в луже... или даже не в луже.

— ...И приходится в чём-то таком, что можно легко и быстро как скинуть, так и надеть потом. Лучше бы без ваших женских штучек с крючками и шнурками.

— Ты халат стёганый себе на зиму купила? — опять влез Каспар, и Камилла кивнула: какая там зима! Она его уже начала носить. — Вот его и надень на голое тело, на этаж спуститься хватит.

— А если Алан откажется? — усомнилась Камилла.

— Сама-то веришь? — усмехнулся Каспар, а Равен таким тоном, что любая эфа удавилась бы от зависти, прибавил:

— Брата Мартина позовём.

Алан, понятное дело, согласился. Как же, сам ведь всё это затеял. И наверняка ему было очень любопытно — в ритуальный зал он точно заглядывал, но обычно пустое и тёмное помещение выглядело скучновато и совсем не... магически, что ли. А тут Равен соединил меловыми линиями какие-то заранее размеченные цветными камнями точки в полу, наставил вдоль линий и в узлах разноцветных свечей, установил в центре шар для гаданий (некоторым проще войти в транс, глядя в него, снисходительно пояснил он), так что выглядеть тесноватый плохо прибранный зал стал внушительно и, на взгляд Камиллы, даже слегка зловеще. Только чёрного каменного алтаря, чтобы зарезать на нём жертву, не хватало.

Целитель, правда, с порога брякнул:

— Ну, ты и наворотил, Равен! Простым Кругом обошлись бы.

— Вот и обходись простым Кругом и компанией тупой боёвки, — огрызнулся тот. — А я с вами двумя и с заблокированной травницей силой обмениваться без страховки не собираюсь. Или тебе, может, кое-какие мои таланты пригодятся?

— Не-не-не, — Браун торопливо поднял руки, развернув их ладонями к малефикару, словно сдавался. — Вашего брата к больным лучше близко не подпускать, и мне только твоих... талантов недостаёт для полного счастья! Замучаешься потом чиститься.

Тереза понимающе покивала, не вмешиваясь в разговор, и первой скинула халат. Она, видимо, переделась в комнате Анвэн, потому что в таком виде, в халате на голое тело и войлочных ботинках на босу ногу, не могла же она добираться сюда из госпиталя.

— Куда мне садиться? — деловито спросила она, ничуть не смущаясь под взглядами мужчин: её немного лишний жирок был весьма завлекательно распределён по фигуре, и она отлично это знала. Глядя на неё, стали раздеваться и остальные, благо за дверью стояла охрана из денщиков с приказом не впускать никого, кроме самого коменданта, а тот, разумеется, был заранее предупреждён и вряд ли стал бы вмешиваться в дела магов, никого кроме них не касающиеся.

Равен, подумав, указал, куда сесть Терезе. Рассадил остальных. Потом поменял местами Анвэн и Каспара. Потом — Камиллу и Брауна. Что-то прикинул и пересадил вообще всех, кроме Алана — тому он, как указал место у северной стены, так больше и не трогал. Ну да, балласт лежит себе на дне трюма и не даёт судну опрокинуться. Держался Равен уверенно и властно, и совсем не выглядел смешным и нелепым при этом, несмотря на вялое свисающее брюхо и «крылышки» на боках.

— Так, — сказал он, протянув руки соседям слева и справа, — господа целители, обращаюсь, главным образом, к вам: если кто-то свалится в обмороке, пусть там и лежит, никто ещё в Круге не умирал. Руки не расцепляем, пока я не позволю, ни в коем случае, иначе вся моя возня с расчётами полетит сиру Мурильо под хвост. — Камилла сдержала нервный смешок: знала бы она, чьему коту читала стихи лунной ночью на стене! — Анвэн, прочти что-нибудь из репертуара матушки, остальные повторяют последнюю строчку каждого стиха.

— Что именно? — полуэльфа была деловита и собрана, даже высокомерный вид забыла на себя напустить. Да и вообще, все держались так, словно разгуливать нагишом было для них обыденным делом. Так что Камилла перестала нервничать по поводу своих сомнительных прелестей, и даже Алан не косился ревниво на магов-мужчин: слишком уж настроение у собравшихся было далёким от плотских забав.

— Да хоть «В Арверниэне свой корабль в путь снаряжал Эарендил...» Господин сотник,

сумеете повторять за нею?

— «Ткал паруса из серебра и мачты гордые крепил», — с чувством продекламировал Алан. — Обижаете, господин Равен! Это есть мы могли шесть дней в неделю ячменную кашу на завтрак и на ужин. На образовании для нас наши родители никогда не сэкономили.

— Отлично, — сказал ничуть не впечатлившийся малефикар. — Вы в транс войдёте вряд ли, так что держите своих соседок крепче — женщины быстрее и легче что делятся силой, что принимают чужую. Ни на что не отвлекаемся, никого, кроме Анвэн, не слушаем. Начали!

— Обращение к Прародительнице Сущего ничьих религиозных чувств не затронет? — поинтересовалась та. — Нет? Тогда читаю литанию «Зимнему сну отдаваясь...» Повторяем за мной: «Благослови, Предвечная!»

===== Хозяйка мастерской... почти =====

Брат Мартин долго разглядывал зелёную полосу, остановившуюся всё в том же полудюйме от первого кольца, и вид у него был... Камилла даже не бралась бы объяснить выражение его лица. Наконец он отмер и сказал:

— Если вам так помогают совместные медитации, возможно, имеет смысл практиковать их почаще? Как вы себя чувствовали после этого?

— Уснула как убитая, даже поесть не успела, — ответила она чистую правду. А что сон ей привиделся в высшей степени странный, она никому рассказывать не собиралась.

Она была змеёй. Может быть, гюрзой, может быть, безобидным ужиком, но змеёй — точно. Вокруг расстилалась осенняя степь, шныряли в жухлой траве жирные, отъевшиеся к зиме хомяки-суслики, и Камилле в этом её сне страшно хотелось поймать и съесть хоть одного (видимо, голод она даже сквозь сон ощущала), но ей было некогда. И не только ей — рядом ползли другие змеи, и ядовитые, и простые, и все очень спешили. Потому что их ждал здоровенный, сажени в полторы, абсолютно чёрный... э-э... кобр. В короне, но не как у императора или даже южных королей, а больше похожей на тюрбан какого-нибудь эмира с Лазурного Берега. Приподнявшись над камнем, где он лежал, змей, раздувая клубок, покачивался, озирая своих подданных, пока собравшиеся не замерли в почтительном безмолвии. «Вс-се здес-сь? — спросил он. И сам себе ответил: «Вс-се. Вы с-знаете, что мне нуш-жно. Ищ-щите». И во сне змея-Камилла точно знала, что именно требует найти змеиный... хан? Вот только проснувшись, перестав быть змеёй и не считая больше сусликов вкусными, она понятия не имела, что должна найти. А чувство почему-то было, что в самом деле должна, хоть и не является подданной кобра в тюрбане. И вообще, кобры здесь не водятся. Местные наверняка даже слова такого не знают.

— Странно, что медитация только заполнила резерв, а не расширила его, — задумчиво заметил брат Мартин.

— Возможно, это максимум, на который я вообще способна? — предположила Камилла. — Я говорила с Фламме, он ведь регулярно медитирует и что-то там ещё делает для расширения резерва, но последние лет пять, по его словам, прибавление идёт буквально по волоску. В конце концов, у людей есть ограничения не только в магии. Меня и первого ученика мой наставник учил одинаково, но мне даже не нужно смотреть таблицы совместимости, чтобы прикинуть возможное взаимодействие ингредиентов, я и так примерно знаю, что должно получиться. Корвин так не может, хотя старше и опытнее.

— Вы вообще очень талантливый человек, — согласился Искатель. — Я рад, что хоть ненадолго, но вы приехали сюда. Теперь хотите вы того или нет, вы тоже стронете свою маленькую осыпь, которая изменит жизнь в посёлке. Как Гарт добился-таки фактически строительства новой крепости вместо обещанного ремонта. Как Браун сделал из унылого полевого лазарета вполне приличный госпиталь, а по окраинным меркам, так просто образцовый.

— А я открою мыловарню на паях и научу здешних дам пудриться, — буркнула Камилла.

— Да хотя бы регулярно мыться и купать детей.

Камилла представила себе змеиного хана из сна лежащим не на камне, а на куске мыла, и нервно хихикнула: он их посылал искать своё предназначение? И её предназначение — завалить мылом восточную границу?

— Зря вы смеётесь, — с отеческим укором в голосе сказал брат Мартин. — Людям и не только людям нравятся красивые вещи, и если они могут себе их позволить, они будут эти предметы маленькой роскоши покупать. А где покупать, там и пользоваться. Эти мыльные цветочки, которых наделала ваша девочка... как её?.. к празднику — они ведь многим пришлись по душе.

Ясмин и правда шутки ради свернула из ещё не затвердевшего белого и зелёного мыла розочку с листочками. Камилла посмотрела, как ловко в грубоватых с виду пальчиках срезанные мыльные слои превращаются в лепестки, и велела сделать к Равноденствию такие же для жён сотников и для господина Лео, любившего красивые, но непрактичные вещи. А Ясмин, понятно, попросила разрешения подарить такую же матери, и её подарок произвёл в посёлке настоящий фурор.

— Только мыться ими точно никто не станет, — хмыкнула Камилла. — Пожалеют.

— Зато захотят такое же красивое и душистое мыло хотя бы на праздники. Вы просто до сих пор плохо представляете себе, как мало привычных, обыденных для вас вещей делается в этих краях. — Он даже вздохнул. — Многие женщины в крепости покупают простёганные шерстью и украшенные вышивкой тёплые халаты. Здешние умелицы очень быстро и аккуратно их шьют, хотя работа эта кропотливая и утомительная. Но ткани и нити для халатов привозят с запада, хотя сначала везут туда шерсть и хлопок из приграничных областей. Дорога туда и обратно, охрана... а ведь кто-нибудь мог бы хотя бы простенькие прядильные и ткацкие станки поставить и изготавливать хотя бы недорогие ткани вроде бязи здесь, на месте.

— От нашего села до Ясеня было меньше половины дня в почтовой карете, — Камилла слегка пожала плечами. — Но даже у нас очень многие ходили в домотканом и сырмятном. Не у всех есть деньги на шёлковый сатин даже в центральных областях. Но в общем... Ладно, будет здешним дамам мыло и для умывания, и для стирки.

Господин Лео в самом деле очень обижался, если Камилла не появлялась хоть раз в неделю — хотя бы ванну принять. Понятно, что с пустыми руками она никогда не приходила, однако хозяин «Цветущей Розы» как будто и не ради гостинцев её ждал. Ему, кажется, и правда хотелось просто поговорить с образованным человеком, потому что даже сотники (за исключением разве что Нортон да парочки командиров рангом пониже) закончили, конечно, Военную Академию, но любви ни к книгам, ни к театру военное образование им не привило. А среди подопечных господина Лео любителей чтения и прочих

искусств тоже было немного.

Так что Камилла, что бы там она ни говорила, будто в бордель не разговаривать ходят, еженедельно отмокала в горячей воде с горстью ею же изготовленной ароматической соли, а хозяин «Цветущей Розы» вспоминал свою сценическую молодость и встречи с драматургами и постановщиками спектаклей. И пьесы, которые Камилле не доводилось видеть. Память у него была отменная, целые монологи он и двадцать-тридцать лет спустя мог читать наизусть, и Камилла с совершенно искренним восхищением говорила, что ему следовало бы набрать небольшую труппу и устраивать представления хотя бы к праздникам. Неужели он не говорил об этом с комендантом? Тот ведь очень неглупый человек и должен понимать, что людям нужны развлечения, и одних девочек-мальчиков под выпивку для этого явно недостаточно.

Алан ревновал, смешно сказать. То ли к самому Лео, то ли к его работникам (а может, и к работницам — та же Пусси, подлизываясь к «госпоже мастеру», всё норовила то спинку потереть, то ещё как-то услужить). Но его по-прежнему часто и подолгу не бывало в крепости, да если бы даже он торчал там неотлучно, всё равно отказываться от интересных и полезных знакомств в угоду ему Камилла не собиралась.

И всё-таки к лучшему было, что записку с просьбой о встрече Камилле передали, пока Алан пропадал в очередном патруле где-то на севере. Пограничные заставы, кажется, инспектировал, если она правильно поняла туманный ответ адъютанта.

А приглашали её в «Пьяную виверну» в любое время, какое госпожа подмастерье сочтёт удобным, для разговора о возможности открыть в Рассветном Отроге мастерскую по изготовлению не только мыла, но и прочих составов для ухода за лицом и телом. Написано было очень вежливо, но без подобострастия, и чересчур грамотно, на её взгляд, для здешнего жителя.

— Так Арсланом того мальчишку звать, который его милости Наркису помогал, — сказал Карл, которого она спросила, не знает ли он, кто такой этот Арслан и что за заведение «Пьяная виверна». — Вернулся, видать, не срослось у него в городе. А «Пьяная виверна» — это кабак такой... ну, вечером вам туда лучше бы не соваться, ваша милость, но в полдень этак можно и сходить. Больше-то всё равно некуда, он, кабак этот, один и есть. Только я с вами, — безапелляционно заявил он. — Полдень — не полдень, а на придурков пьяных в любое время нарваться можно.

— Да я как раз тебя об этом попросить хотела, — кивнула Камилла. — А то опять покусаю кого-нибудь не того.

Карл коротко хохотнул, взял ответную записку и ушёл в посёлок. А его подопечная (как он всерьёз был в этом уверен) плюнула на дела и принялась заново перечитывать письма. Одно — вернее, два в одном конверте — было из дому, от матери и Яна, но понятно, с приветами и поклонами от всей остальной родни и даже от Михи. Ещё одно — от Корвина. И если весточки от родных были вполне ожидаемы, то ответного письма от первого ученика Зме'я Камилла, честно говоря, почти и не ждала, писала без всякой надежды на ответ. Однако Корвин, судя по всему, на предательницу не обижался. Он сдержанно похвастался, что собирается жениться, и подробно изложил, чем они с мастером занимались в последнее время. А ещё написал, что Змей, увидев у него в руках письмо с армейской печатью, проворчал, что если этой упрямой идиотке понадобится что-то спросить, пусть обращается. Он в конце концов её наставник и не перестал им быть только потому, что она стала подмастерьем.

Камилла глубоко подышала, потому что опять у неё на этом месте защипало в носу и перехватило горло, вытерла глаза и принялась сочинять пространное письмо мастеру с благодарностями, извинениями и объяснениями. И вопросами, конечно — кто же упускает такую возможность? Корвину она тоже написала, а письмо собиралась вложить в опечатанный адъютантом пакет с наброском статьи о некоторых малоизученных свойствах сухостебля и возможностях, которые они дают. «Извини, — писала она, — не знаю, что тебе подарить на свадьбу. Может, напишешь по моим наброскам настоящую статью для «Вестника алхимика»? У меня на это банально не хватит времени и сил, а материал лежит. Ты же точно сделаешь из этого отличную вещь, убедительную и полезную. Я буду очень рада, если тебе это покажется интересным».

С матерью и братом было проще — шуточные подробности здешнего житья-бытья, шуточные же комментарии к уже приготовленной посылке с айвовым мармеладом и обещание прислать к Излому Зимы здешней терновой наливки, про которую местные хором клянутся, будто это-де совершенно сказочная вещь.

Письма заняли целый вечер, а там и Карл вернулся с сообщением, что парнишка согласен хоть на завтрашний полдень, хоть на любой другой. Денщик посмотрел на испачканные чернилами пальцы Камиллы и, заметно смущаясь, попросил черкануть и для него письмецо родным. Ну, так... коротенько. Дескать, жив-здоров, чего и вам желает. А то у него и с правописанием беда, и пишет он как курица лапой — не всякий поймёт, чего он там нацарапал. А писаря больно уж носы дерут, да ещё и с пустыми руками к ним не сунешься...

— Я слышал, у тебя тут было свидание, пока я орков гонял? — Алан изо всех сил старался говорить шуточно, но видно было, что факт «свидания» ему категорически не нравится.

— Ага, — согласилась Камилла, взбивая подушки. Не то лучшее из возможного, что мог выделить ей интендант, а настоящие пуховые. И тюфяк ей наконец набили свежей шерстью, тугой, ровный, плотный, но не жёсткий и без комков свалывшихся очёсов. И кровать у неё теперь стояла, может быть, невеликой красы, зато просторная — а то кое-кто ночевал у неё чуть ли не чаще, чем в собственной комнате, а она за десять лет в доме Змея привыкла-таки к комфорту. — Свидание с мальчишкой вдвое младше меня.

— Ему почти пятнадцать.

— Хорошо, на десять лет моложе меня. Не переживай, дряхлая лысая тётка интересна парню исключительно как работодатель для него самого и для его отца. Он, видишь ли, слишком поздно выяснил, что мастер Теофилиус никакой не мастер, а такой же подмастерье, как и я, а стало быть, учеников брать не может. Полгода, по его словам, потерял, работая прислугой за крышу, стол и постель, под бесконечные: «Не лезь, не трогай, не подглядывай!»

Она встряхнула одно за другим оба одеяла и принялась раздеваться, демонстративно не замечая того, что любовник не торопится заняться тем же самым.

— Вообще, — прибавила она, — чем больше слушаю бывших учеников, и совсем не обязательно алхимиков, тем больше понимаю, что мне просто сказочно повезло с наставником. Не пускать ученика в библиотеку — это как?

— Это действительно мошенник, которому нужна бесплатная прислуга, — поневоле согласился Алан. — Ну, или его смущает орочья кровь ученика, и он не хочет рисковать

ценными вещами. Книги и так-то недёшевы, а уж ваши специальные... С меня ведь брат Мартин слово взял, что я не стану пытаться вынести ваши атласы и справочники из библиотеки: где и на какие деньги потом заказывать новые, если что? Ладно, — помолчав, сказал он, — прости. Глупо в самом деле... Помощник — нормальный помощник тебе действительно нужен, а то эта девочка только и годится колбы мыть, даже мне это видно.

— И те бить умудряется по одной в неделю, — мрачно встала Камилла. — Я ей уже пригрозила, что стоимость следующей вычту из её жалования, а драконье стекло стоит дороже, чем она сама. Правда, в результате меня отловил в посёлке её отец и предложил просто купить у него девочку. И такая мелочь, как закон, запрещающий торговлю людьми, его не волнует.

— Здесь это в порядке вещей, — кивнул Алан. — А при чём тут отец Арслана? Сам он хочет к тебе в помощники, а отец?

— Отец и есть тот мужичок, который добывает и размалывает тальк для госпиталя. Ну, и на пудру для девочек из «Розы» и для адъютанта тоже.

— Да я бы тоже не отказался, — пробормотал Алан, проводя тыльной стороной руки по свежесбрившей и заметно раздражённой щеке: то ли бритва была тупая, то ли торопился и толком не распарил кожу.

— Я тебе лучше сделаю бальзам, как Каспару с Равеном, — пообещала Камилла.

Она легла, подвинувшись к стене, и Алан сел на край кровати, чтобы разуться.

— Этот тип хочет делать пудру из своего талька целыми мешками? — спросил он.

— Вроде того. Арслан уверяет, будто помогая Наркису, наловчился красить её почти в любой цвет, от аристократически-белого, но всё-таки ближе к реальной живой коже, а не рисовой муке, до бронзового через все желаемые оттенки. А его отец хотел открыть мыловарню на паях ещё с Наркисом. Сам понимаешь, полуграмотный орочий четвертушка — и действительный член Коллегии Алхимиков. У кого покупать будут охотнее? Наркис уехал, ничего он в этом захолустье не забыл, по его же словам, но теперь здесь есть я. А меня даже комендант уговаривал переложить варку мыла на делового партнёра, а самой писать статьи и получать патенты. И Форестер в который раз уже похожие разговоры заводит.

Коменданту она с некоторым опозданием (ну вот совершенно не до того было в праздники!) преподнесла бутылку настойки, сделанной с учётом пошаливающего начальственного сердца. Гарт охотно принял подарок и внимательно выслушал, как это следует принимать для наилучшего эффекта, а взамен велел, разговаривая с будущим деловым партнёром, не тушеваться и прямо грозить, что если сукин кот вздумает жульничать, разбираться с ним будет не далёкая и туманная Коллегия Алхимиков, а очень даже близкий комендант крепости. А то он, Гарт, знает здешний народец — пока не получат кулаком в морду, уважать не будут.

Интендант тоже клятвенно обещал присматривать за «сукиным котом», потому что мужичок он в самом деле ушлый, тёртого-бывалого напарника дурить не пытается, но с неопытной в торговых делах девушкой запросто может заныкать часть выручки. «А смысл мне связываться с человеком, которому я не доверяю?» — спросила Камилла. Форестер на такой вопрос только невесело посмеялся. «Эх, сударыня, — сказал он, — знали бы вы кому я даже на нашем складе могу доверять... На одной руке пальцев с избытком хватит».

Так что перспектива ехать в Бурую Скалу и брать там разрешение открыть мыловарню совсем её не радовала. Так она Алану и сказала, когда он спросил:

— А с чего такой тон? Чем тебе не угодила своя мастерская? По-моему, совсем неплохо

иметь собственное дело.

Она негодуяюще фыркнула.

— Может быть, я тоже здесь ничего не забыла? И вообще... мне это не нужно и не интересно, но мне упорно навязывают это «собственное дело». Алан, я могу предположить, зачем это всё нужно интенданту — он в доле, очевидно. А вот зачем это надо тебе?

— Я не хочу, чтобы ты уезжала, — немного помолчав, сказал он.

— Ты не хочешь. А я?

— А мои желания тебе не интересны?

— Не больше, чем тебе — мои, — отрезала она. — Алан, вспоминай, пожалуйста начало наших отношений. Не то, как они видятся тебе, а как это было на самом деле. Что я тебе сказала в первое наше совместное утро? Не помнишь? Ты спросил, отшиваю ли я тебя. Я ответила: нет, если это будет просто секс для взаимного удовольствия; да, если ты хочешь чего-то большего. Ты пришёл снова, стало быть, согласился на мои условия. Из-за чего теперь проблемы? Из-за твоих мужских хотелок? Извини, вот уж что мне не интересно совершенно.

Честно говоря, она ждала, что он оденется и уйдёт. Ему очень этого хотелось, по лицу было видно. Он однако остался, но размолвка легла между ними просто физически ощутимо, испортив всё удовольствие от близости.

— Тебе надо жениться, — сказала она, укрываясь вторым одеялом (у Алана была изрядно раздражавшая Камиллу привычка наматывать на себя одеяло, точно рулет, — оставалось только радоваться своей предусмотрительности, заставившей её купить сразу два).

— На ком? — буркнул он.

— На милой, скромной, послушной девушке, у которой нет своих интересов, а будут исключительно твои.

— Я с нею сдохну со скуки, — вздохнул он. Ну, понятно: что ещё мог ответить мужчина, водивший дружбу с боевым магом? — Создатель, ну почему с тобой так сложно, а? Словно настоящую гюрзу в руках пытаюсь удержать, честное слово.

— Так я же и есть Гадюка.

— Да нет, — сказал он с невесёлым смешком. — Это ты поскромничала. Орки правы, ты — Гюрза*.

— Орки! — фыркнула она. — Орочий князёк страшно разочарован тем, что я не считаю его достойным своего дара. Я повторила ему вопросы коменданта — чего он хотел бы от Змеинового Хана такого, что не сможет взять сам? И зачем ему такие подарки? Разве он не воин и не мужчина, чтобы самому добиваться желаемого? Даже кое-кто из его свиты явно задумался, а он только посмотрел на меня так, что мне захотелось отравить его уже всерьёз. Исключительно в превентивных целях.

— Ты поаккуратнее с ним, — сумрачно предостерёг Алан.

— Знаю. Стараюсь. Но я же, Порождения Тьмы меня побери, сама добивалась всего! Легко, думаешь, деревенской девчонке было пробиться в ученицы к мастеру-алхимику? А женщине — звание подмастерья получить? Но я почему-то не ждала, когда мне какая-нибудь гадюка патент в зубах притащит. А тут ходит такой...

— Хрен косоглазый, — с усмешкой подсказал Алан.

Камилла опять фыркнула.

— Да Создатель с ним, что косоглазый, — сказала она. — На Арслана посмотришь, так

у него орочьей крови вроде бы побольше осьмушки. А отец у него вообще вылитый орк, а не квартерон. Но стараются же оба сами чего-то добиться! Один пылью каменной дышит, а она совсем не полезна. Другой ради ключа от библиотеки себя предлагал Наркису, хоть и знал, как в посёлке будут на него смотреть после такого. А этот молод, здоров, военному делу обучен, что оружие, что броня на приличный дом потянут — а подайте-ка ему мир на серебряном блюде! Не желает он утруждаться, желает, чтобы хатун Гюрза приползла и подала ему готовенькое!

Она помолчала. Алан тоже молчал, но судя по дыханию, не спал ещё.

— А что касается гюрзы, которую ты пытаешься удержать, — сказала Камилла, — может быть, не надо хватать её за шею? Тогда и она не будет хлестать тебя хвостом по ногам и пытаться укусить.

Комментарий к Хозяйка мастерской... почти

* — гюрза гораздо крупнее, агрессивнее и опаснее обычной гадюки

=====
Камилла ...? =====

Что было хорошего в захолустье, так это сказочная дешевизна всяческих разрешений и прочих полагающихся для владельца собственного дела бумаг — похоже, на окраинах Империи действовал режим наибольшего благоприятствования для желающих что-либо мастерить или оказывать какие-либо услуги. В сущности, Камилла заплатила, скорее, за пергамент, чернила и свинец для печати, чем собственно комиссии (подарки, понятно не в счёт — на то и подарки... даже ценой в полсотни золотых).

Мыловарню... нет, «Мастерскую красоты Камиллы Виперы» она открывала только на своё имя: Теймур был действительно ушлый мужичок и «портить вывеску своей рожей косоглазой» не собирался, коли уж боги послали ему такой щедрый дар — не просто настоящего алхимика, а ещё и женщину из центрального дистрикта. Для себя он хотел всего только место управляющего, работающего не за жалование, а за половину чистой прибыли.

— Вы не думайте, ваша милость, — вдохновенно вещал он во всё той же «Пьяной виверне», — я вас обманывать не рехнулся ещё. И комендантом пугать меня не надо, сам знаю, что его милость за своих хоть с кого шкуру спустит. Просто когда такая удача, считай, с неба в руки падает, то по мелочи жульничать — самому себе гадить. Эти ваши придумки всякие — на них же озолотиться можно, а уж прославиться — на всю округу и дальше. Мне сынок говорил, вы его милости Равену такую штуку сделали, чтобы, значит, намазаться, как поброешься, чтоб и кожа не зудела, и пахло приятно. — Она хмыкнула: вообще-то, «эту штуку» придумывала она для себя, потому что брить голову практически вслепую — удовольствие то ещё, а уж какое раздражение всякий раз начинается от такого издевательства над собой... — Вы патент на этот бальзам, или как его там, возьмите, и будем его всем приличным господам продавать, — продолжал Теймур. — Ещё назовём как-нибудь красиво, «Северный ветер» там или «Ледник», или что там ещё придумать можно, чтобы про свежесть.

— На флаконах разоримся, — усомнилась Камилла, поневоле заражаясь уверенностью Теймура, что её «придумки» удастся продавать по всей округе. — Представляете себе, везти стекло даже не из Бурой Скалы, а... где тут ближайший стеклодув водится? Я по дороге нигде кварцевого песка не видела.

— А зачем нас стекло? — удивился будущий управитель. — Гончару нашему закажем

глиняных. Вы тут чашки-плошки покупали? Это девчонки у него расписывают. Вот пусть и придумывают, как для всяких эликсиров флаконы разрисовывать. Гору там в снежной шапке или вихрь снежный всяко проще намалевать, чем цветочки с ягодками.

— Ну... — неуверенно проговорила Камилла, представив, как сквозь глазурь на тёмной глине проступают очертания заснеженной горной вершины. — Можно попробовать.

— Курта надо просить, — деловито заметил Теймур. — У него знакомых тут и там — как собак, до самых каторжных рудников. Дадим ему дюжину того, дюжину этого, чтоб к тому же Солнцевороту в подарок разослал. А кто разок попробует, потом сам попросит.

— Как у вас всё... продумано.

— А то! — возгордился он. — Я ещё с Наркисом об этом толковал, ну он и подкинул кое-какие мыслишки, только сам оставаться тут не хотел ни в какую. Я уж ему: «Ну, и где лучше-то, ваша милость? Хоть куда приедете, а там уже пятеро таких, как вы...» Нет, тошно ему от нашего убожества, видеть он уже нас не может! — Теймур покривился и махнул рукой. — А ещё, ваша милость, вы поди думаете, что ничегошеньки в таких делах не смыслите? Так вы не беспокойтесь, я сам всем займусь. Вы только распишите во всех подробностях, чего сыпать, куда и сколько, да как варить, а мы сами всё сделаем. Будете только заглядывать да присматривать, всё ли ладно. Я ведь понимаю, звание подмастерья — это вам не сарай с печью. Таких, как вы, на всю округу хорошо если с десятков наберётся, и из тех трое в Бурой Скале, а ещё двое на Змеином озере, остальные по гарнизонам да у охраны на рудниках.

— А кто третий в Бурой Скале? — немного не в тему спросила Камилла.

— Да живёт там один дедок, от дел уже отошёл, учеников не берёт, только пишет чего-то. Книгу вроде какую-то. Мой к нему совался, а тот сказал, что уже не успеет обучить до подмастерья, а коли так, нечего и начинать.

— Я училась десять лет, — кивнула Камилла. — У самого Змея, — уточнила она, — а ещё лет семь-восемь до этого — дома у матери-травницы. Корвину, первому ученику, понадобилось тринадцать лет, но он мужчина, ему проще звание подмастерья получить.

— Вот и я про то же, — загрустив, отозвался Теймур. — В наших краях парню и в ученики-то податься не к кому. Особенно с орочьей рожей косоглазой...

А дедок и правда был очень стар. И правда писал книгу об особенностях южных трав по сравнению с их аналогами из областей с более умеренным климатом.

— Надеюсь милостью Создателя успеть, — сказал он слегка дрожащим козлиным тенорком. — Но если потребуется консультация, обращайтесь, деточка. Приятно знать, что ты кому-то можешь ещё пригодиться.

— Ой, — рассмеялась Камилла, — вы кажется, плохо понимаете, мастер, что за обещание даёте! Вам с моими консультациями на книгу времени не хватит.

Они пили чай с пирогом из кондитерской, и Камилла жадно оглядывалась и вдыхала запахи дома, в котором из библиотеки тянет старой бумагой и кожей переплёттов, а из подвала — сомнительными, но такими знакомыми и родными ароматами алхимической лаборатории. Мастер Сильвер рассказывал о своих исследованиях, Камилла задавала вопросы, выслушивала подробные ответы, лезла уточнять, даже набралась наглости поспорить... Создатель! Да она с самого отъезда из Ясеня ни с кем не могла так поговорить! Благословите местные боги Теймура, обмолвившегося про старого алхимика.

Они договорились переписываться, раз уж Камиллу никто не отпустит из крепости

лишний раз, и она уехала, молясь про себя Создателю, местным богам и даже орочьему Отцу-Небу, чтобы мастер Сильвер прожил подольше.

А с собой из Бурой Скалы она привезла дорогих ароматических масел с Лазурного Берега и ещё более дорогих красителей вроде индиго и кошенили. Совсем немного, только для самых пафосных вещей. Комендант крепости у Змеиного озера не просто женат, а его супруга, выдав замуж дочерей, прикатила к мужу на границу? Значит, к Солнцевороту госпожа комендантша получит букетик мыльных роз, а её супруг — флакончик бальзама после бритья. Как же его в самом деле назвать? Что-нибудь действительно со льдом или морозом?

А ещё она представляла себе реакцию своего управляющего на печать для документов их совместной мастерской: там в кольце надписи «Мастерская красоты Камиллы Виперы» свивала хвост кольцами змея в короне. Не императорской, Создатель упаси, а в тюрбане, как у эмира с Лазурного Берега. Или как у змеиного хана из её сна.

— Теймур прав, — пожал плечами Равен, почёсывая за ухом сира Мурильо, снисходительно тарактевшего у него на коленях. — Куда ни приедешь, в приличных местах таких, как мы, своих по десять штук. Это здесь мы «ихние милости» с редкими талантами, а в том же Ясене как ты будешь пробиваться? — У Камиллы звать на ты мужчину под сорок не получалось, но Равен давно отбросил реверансы и обращался к ней так же, как к остальным магам.

— Пойду в помощницы к наставнику, — вздохнула она. — В Ясене открывать ещё одну алхимическую лабораторию... Не мне со Змеем тягаться. Попробую потом, когда и опыта будет побольше, и денег, и вообще...

— Ты же сказала, его бывший ученик женится?

— Ну да, он так писал.

— То есть, пока ты тут зарабатываешь деньги на свою мастерскую в нормальном городе, а не в драконьей заднице, у этого... Корвина?... родятся дети. Угадай, кого твой мастер возьмёт следующими учениками? И как тебе будет рада жена второго подмастерья?

Камилла нахмурилась. Об этом она как-то не думала, а стоило бы. Скорее всего, жить Корвин будет отдельно, но встречаться с госпожой Кросс наверняка придётся регулярно, и уж как та будет счастлива, что её муж работает вместе с незамужней стервой... Почему-то представлялась Камилле при словах «невеста Корвина» бойкая и горластая девица уже в тех годах, когда в женихах не роются, а хватают то, что есть, и держат крепко. Сомнительно казалось ей, чтобы Корвин сам познакомился с серьёзными намерениями со скромной милой девушкой.

— Не дури, Гадюка, — сказал Равен. — Прижми хвост и сиди сколько терпения хватит под крылышком у коменданта. Подмастерью без опыта и связей, да ещё женщине, соваться куда-то в приличное место, где давно всё поделено... Нет, ты, с твоим-то характером и талантами в алхимии, пробьёшься в конце концов, но сколько у тебя сил, времени и здоровья на это уйдёт. Тебе оно точно надо? Мне казалось, ты только рада забиться в свой подвал и носа оттуда не высовывать, а какого жулика ты в своём Ясене наймёшь, чтобы твоими делами занимался, как Теймур здесь? Налей-ка ещё, — потребовал он вдруг, — видишь, меня кот не пускает.

— По-моему, кто-то вконец обнаглел, — проворчала Камилла, но налила обоим действительно качественного домашнего вина, купленного у местного умельца и

доработанного ею по собственному вкусу.

— Уж кто тут наглеет, так это ты, — ухмыльнулся он. — Малефикару она замечания делает...

— С алхимиком он задирается, — огрызнулась она. — Тёмное заклятие, даже слабенькое, Искатель на раз учует, а вот две-три капли слабительного со снотворным пополам...

Равен заржал.

— Да, — сказал он, — понимаю, почему господина второго сотника так зацепило. После тебя любая приличная девица покажется пресной и скучной.

— Кстати, о приличных... — Камилла неловко дёрнула плечом. — Равен, я ведь зашла об Арслане поговорить.

— Он на что-то жаловался? — едко спросил малефикар. — Нет? Ты сама решила спасти мальчишку от злобного тёмного колдуна?

— Он не жалуется, но в посёлке...

Равен оборвал её досадливым взмахом руки.

— Свечку никто над нами не держал, — сказал он. — Сплетни — это сплетни и есть, не более того. А возиться с ним из одного наставнического зуда я не собираюсь. Хочет знать больше, чем полагается парню его происхождения, пусть платит. Сама знаешь, насколько ценится то, что даром досталось. Деньги его отца мне не нужны, своих на жизнь вполне хватает, а шлюх я не люблю.

— А платить собой за знания — это совсем не то, что торговать за деньги, — буркнула Камилла.

— Конечно, — подтвердил Равен.

Она прикусила губу. Ну да, и кто её просил лезть? Тем более что Арслан несчастным совсем не выглядел. Очевидно, для него платить собой за не просто ключ от библиотеки, а за занятия с настоящим наставником, было вполне... допустимо. А репутация в посёлке... Много он там бывает: с утра в лаборатории, весь вечер в библиотеке. Только ночевать домой и приходит, и то не всегда.

И судя по тому, что Равен опять заказал ей масло с каким-нибудь приятным запахом и с лёгким обезболивающим эффектом, жаловаться парню в самом деле не на что.

— Ладно, — вздохнула она, — прошу прощения. Действительно не моё дело.

— Не твоё, — охотно согласился Равен. — Ты же не лезешь в отношения Нортон и Фламме. Вот и к нам не лезь. Сами разберёмся.

— Алан с Каспаром взрослые мужчины, способные сами за себя постоять, — возразила она. — Там уж точно никто никого не принуждал, даже если что-то и было.

Равен склонил голову набок, откровенно разглядывая её.

— А ты совсем не ревнуешь? — спросил он с любопытством.

— Не умею, — фыркнула Камилла. — Нечем, наверное.

— Ну и правильно. Тем более, вряд ли что у них и было. То есть, Фламме точно к твоему любовнику подкатывался, но Нортон с северного побережья родом, а там на такие штучки смотрят почти как орки — два мужика? Быть такого не может! А если может, то утопить обоих! Скажи-ка лучше, ты к Солнцевороту не хочешь повторить совместную медитацию? — спросил он вдруг. Создатель знает, какими извилистыми путями шли его мысли, чтобы так вот перескочить с одного на другое.

— Не хочу, — открестилась Камилла. — Вдруг и правда дойду до первого кольца — оно

мне надо?

— Тогда нужно искать кого-то ещё, — с неудовольствием заметил Равен. — Всем понравилось, все хотят ещё, а ты не желаешь в семёрку войти.

— Арслана взять, — проворчала Камилла и даже нацедила себе остатки вина из бутылки. Хотела она на самом-то деле. Хотела, но боялась, что схлопочет совершенно ей не нужное расширение резерва.

— Двоих в качестве балласта многовато будет.

— А уравновесить эльфийскую кровь Анвэн орочьей?

— А это ещё что за бред? — удивился Равен.

— Бред, — согласилась она. — Полный. Ладно, пойду спать, поздно уже. И ещё раз прошу прощения.

Для нормальных людей начавшаяся непогода была поводом к нескончаемому ворчанию. Для гарнизона — долгожданным отдыхом от бесконечных ерундовых вроде бы, но от того не менее утомительных стычек с орками и бандитами.

— И надолго это? — спросила Камилла, глядя, как Алан вешает плащ, а с того натекает небольшая лужа.

— Иногда недели на две, иногда до самых морозов.

— То есть, мне предстоит утопиться в котле с согревающим зельем, — вздохнула она.

— А ещё до самой весны будете с Арсланом готовить средства от кашля и от жара, — кивнул он.

— Уже, — хмыкнула она. — Господин главный целитель озаботился этим заранее, ещё до начала дождей. Поставить чайник или тебе лучше настойки сухостебля?

— Наливки айвой, — в тон ей отозвался Алан.

— Нету, — вздохнула Камилла.

— Как это нету? Ещё же почти целая бутылка была!

— А вот так. Приходил Равен, просил чего-нибудь покрепче, а малефикару отказывать... Попросила взамен подновить мне чары на моей змейке, — она тронула цепочку, — но выпивки нормальной теперь надо ждать ещё почти неделю.

— Давай тогда согревающее, продрог до костей. А я тебе к чаю орешков в меду принёс.

— И не лень же в такую погоду в посёлок ходить, — проворчала Камилла.

Она зажгла горелку и поставила чайник, а Алану налила с четверть стакана согревающей настойки. Он задержал дыхание и проглотил мерзкую жидкость одним духом.

— Бр-р, — сказал он, передёргиваясь. — А никак нельзя эту отраву сделать не такой противной?

— Сварить мятный сиропчик, как я для детишек в приюте делала?

— Звучит неплохо, — одобрил он. Помолчал, отогревая пальцы у горелки, и спросил: — А ты вообще думала о детях?

— Да, — неохотно отозвалась она. — Думала. И решила, что племянников аж от трёх братьев мне будет вполне достаточно.

— Вот как?

— Да, так, — с тяжким вздохом подтвердила она. — Склонность к целительской магии у нас передаётся по женской линии, а я сама росла ведьминым отродьем и детям своим такого не хочу. Особенно дочери, которая наверняка тоже будет всю жизнь состоять под надзором Искателей. Или ты думаешь, это такое уж удовольствие — каждый год являться на

проверку, будто ты преступница, выпущенная под залог или на поруки? Приходить в Штаб, класть руки на этот грёбанный определитель и ждать, не пошлют ли тебя учиться за государственный счёт, чтобы потом к этим потерянным пяти годам прибавилось ещё десять отработки? — Она завелась, хоть и пыталась сдерживаться. — Я всю дорогу сюда в каждом вшивом городишке сразу же шла искать Штаб, чтобы доказать: я не беглая, Создатель упаси! Я еду к месту службы, а там меня уже ждёт моё личное дело, которое я даже в руках ни разу не держала и не знаю, что там понаписано! Ты своей дочери хочешь такого? Я — нет!

У него хватило совести покраснеть, но он упрямо спросил:

— Значит, у тебя и бабка, и прабабка тоже были магессами?

— И ещё поколений на пять назад, — буркнула Камилла. — Только не магессами, а простыми деревенскими ведьмами.

— И только женщины?

— Да.

— И твоя матушка, зная об этом, всё же рожала до тех пор, пока не появилась ты, а не остановилась на трёх сыновьях? Только не говори, будто травница не умела предохраняться!

— Что ты хочешь этим сказать? Что она не хотела прерывать династию деревенских ведьм? Знаешь, это было её решение. Я их с отцом очень люблю и судить не собираюсь, но я до сих пор помню, как нас с братьями ни в одну общую игру не брали. Ведьмины отродья же! А ну как сглазим кого, или наоборот, каким-нибудь колдовским способом воспользуемся, чтобы выиграть?

— Я хочу сказать, что... — он, не договорив, махнул рукой. — В общем, ты выйдешь за меня замуж? Про мастерскую не надо, — сразу же предупредил он. — Семейный кодекс я читал и знаю, что твоя доля в ней — только твоя.

— Ты это серьёзно? — поразила её она. — Тебе нужна жена, которая то и дело ночует в лаборатории и у которой главным в жизни всегда будет не семья, а новые рецепты? Знаешь, поговори с Брауном... или лучше с Равеном. Не нравишься ты мне.

— Да всё со мной в порядке, — буркнул он. — Из меня, на то пошло, муж ничуть не лучше: то меня просто нет неделями, то я есть, но занят так, что перекусываю на бегу. Чем пилить меня за это, пусть лучше дорогая супруга в лаборатории торчит. Авось вообще не заметит, что я дома третий день не появляюсь, хотя ни в какой рейд меня не отправляли.

— Ну, если так, — с нервным смешком сказала Камилла, — тогда да. У моих родителей дела примерно так и обстоят. А уж спрашивать тебя, не боишься ли ты ведьму, когда ты дружишь с боевым магом...

— Значит, ты согласна?

— Это с чего ты так решил? — удивилась она.

— С того, что я умный, красивый, перспективный...

— И очень скромный!

— Конечно, — охотно согласился он. — Камилла, ты мне нужна какая есть, понимаешь? Вредная, ядовитая, вечно занятая в своём подвале. А детям будет с кем играть, не беспокойся. Кто тут, в крепости, особо боится колдунов? Даже Равенова котика без конца тискают и подкармливают, хотя у него ни единой белой шерстинки нет. — Он обнял её, привычно уже потёрся щекой и опять поворчал про злючку-колючку.

— Чайник закипает, пусти.

— Не пущу, пока не пообещаешь подумать.

— Обещаю, — фыркнула она. — Чайника жалко, новый совсем.

— На то и был расчёт, — заверил её Алан. Они посмотрели друг на друга и разом засмеялись.

— Ладно, — сказала Камилла, — я серьёзно обещаю подумать. В конце концов, мужчины, способные собрать для совместной медитации малефикара, целителей и боевиков, на дороге не валяются. И ты действительно умный и красивый.

— И очень скромный, — подтвердил он. Помолчал немного и прибавил: — А ещё я тебя люблю. Это имеет значение?

Чайник на горелке засвистел, заклокотал и начал плевать кипятком, но Камилла не сняла его, пока не ответила.

— Конечно, — сказала она. — Ещё какое.

===== Эпилог =====

Поскольку законный супруг пропадал где-то в степи, высматривая любителей пожить на дармовщинку, Камилла попыталась всучить... вручить сына Фламме. Однако отважный боевой маг шарахнулся от Ивена так, будто это был не новорождённый младенец, а спелёнутый щитомордник, даже руки за спину спрятал. Злобный малефикар гнусно заржал над пугливым боевиком и с неожиданной ловкостью подхватил кружевной свёрток.

— Не уроню, не бойся, — с невыносимо снисходительной мордой заверил он, и Камилла, чуть помявшись, подошла к определителю.

— Так, — сказал брат Мартин, хмурия седые кустистые брови. — Господин Грант, отойдите подальше. Госпожа Нортон, что вы на ребёнка нацепили? Амулет? Фонит как защита на гарнизонной кассе.

— Да нет на моём сыне никаких амулетов, — удивилась Камилла, забыв поправить Искателя, что она по-прежнему Випера, а не Нортон. Однако сообразив, в чём дело, она тоже нахмурилась. — Одеяло, да? — спросила она Равена. Она заказывала в посёлке атласное детское одеяльце, простёганное козым пухом, но едва принесла его в крепость, как малефикар его отобрал под предлогом проверки, не навесили ли чего на детскую вещичку. — Ты зачаровал одеяло?

— А как же ты думала? — удивился он. — Думаешь, обеспечила приличным заработком половину посёлка, так тебя теперь любить будут без памяти? Как же, жди! Местный народишко добра не ценит и не помнит, не надейся. Проклянут или хотя бы сглазят, просто чтобы напакостить, из той же зависти: ишь, цаца выискалась, змеёнышу своему атласные одеяла шьёт!

— Думаю, вы несправедливы, Грант, — укоризненно заметил брат Мартин, но тот только пренебрежительно оттопырил нижнюю губу, не снизойдя даже до хамского ответа на такие благоглупости.

— Вообще-то, змеючка, — хмыкнул Каспар, — Ивену нужна не от сглазов защита. Нужно бодрого и крепкого отставника в дядьки вместо няньки нанять. Карла вон своего уговори остаться ещё лет на пять-шесть. А то сын хатун Гюрзы, внук Змеинового Хана... орки из собственной шкуры выскочат, но постараются украсть твоего змеёныша, чтобы самим растить. Мало ли кого ты посчитала достойным стать отцом своего ребёнка. Хоть и хатун Гюрза, а всё равно глупая баба. А если Алан и правда достоин был зачать его, это всё равно ничего не значит. Для орков тот отец, кто растит.

— Передерутся, — с мерзкой ухмылочкой размечтался Равен. — Как пойдут выяснять,

кто достоин внука Змеинового Хана своим сыном назвать, как начнут друг друга резать...

— Отравлю, — мрачно пообещала Камилла.

— Кого?

— Всех подряд без разбору. Это мой... змеёныш.

Брату Мартину, похоже, надоело всё это слушать, и он почти угрожающим жестом указал Камилле на артефакт-определитель. Она вздохнула и привычно приложила ладони к камню. Хризолитовое сияние знакомо растеклось по нему, как обычно остановившись в полудюйме от первого кольца.

— Выше головы не прыгнешь, — философски заметил Каспар.

Вообще-то, он уболтал-таки Камиллу на ещё одну групповую медитацию. А потом ещё на одну, и ещё. Так что в конце концов они стали проводиться чуть ли не каждое новолуние. Создатель знает, как они влияли на настоящих магов, Камилла же ничего особенного не ощущала, да и резерв, восстановившись, снова замер всё на той же отметке «не доходя на полдюйма». Правда, беременность у неё протекала на удивление легко для женщины, которая порой чуть ли не сутками стояла у котла или перегонного куба, дыша всякой едкой, а то и откровенно ядовитой дрянью (через просмолённую повязку, понятно, но всё равно). Не было ни отёков, ни одышки, ни позднего токсикоза, а ранний продержался каких-то две-три недели, да и то не слишком досаждал. И родила она довольно быстро для первого раза, при этом без разрывов и прочих осложнений. Правда, была ли в этом заслуга совместных с целителями медитаций, или деревенское детство всё ещё отзывалось, с его свежим воздухом, свежей зеленью, свежими яйцами и молоком — опять же Создатель знает. Наверное, было всего понемножку, как обычно. Ну, и ещё роды принимал сам господин старший целитель, а обезболивающее зелье Камилла сама для себя, любимой, сварила, максимально безвредное...

— Мне ещё лет десять назад один из ваших братьев сказал, что роды ничего не изменят, — сказала она, снимая руки с определителя. — Матушка моя вон четверых родила и при этом всю жизнь в поднадзорных ходит.

— Да, без изменений, — с тяжким вздохом констатировал брат Мартин и отошёл записать сей прискорбный для Искателя факт в личное дело поднадзорной.

А Камилла зачем-то обтёрла ладони об штаны (да, едва избавившись от пуза, она снова влезла в штаны!) и забрала у Равена сына. Следовало бы сходить с ребёнком ещё в канцелярию и в часовню, но идти хотелось бы всё же с законным супругом, а не с добрыми приятелями, временно его подменившими. Однако когда ждать из патруля второго сотника, никто не мог сказать даже примерно. Нет, комендант вовсе не собирался играть в военные тайны с только что родившей женщиной, да ещё и с ценной подчинённой. Он в самом деле не знал, куда понесёт отряд Нортон от Терновой Криницы, где орочий молодняк устроил тайный, по его, молодняка, мнению, разбойничий лагерь. Куда орки побегут, туда и солдаты следом за ними, очевидно. Камилла это понимала, но всё же ей не нравилось, что Алан до сих пор не знает о рождении сына — а уже неделя после родов прошла, между прочим. «Ладно, — хмуро подумала она, — знала ведь, за кого замуж выхожу. Алан тоже был не в восторге от моих ночных бдений у атанора. Особенно с пузом, которое из-под защитного фартука выпирало. Однако признал ведь, что сам захотел жениться на подмастерье Коллегии алхимиков. Никто не принуждал, наоборот, уговаривали ещё и ещё разок хорошенько подумать».

— Арслан спрашивал, нельзя ли ему младшего брата взять подручным вместо Ясмин, —

сказал Равен, когда они вышли из темноватой прохлады помещения на безжалостное солнце конца местного лета, знойного и сухого.

Камилла накинула на сердитое старушечье личико Ивена уголок вышитой пелёнки (девушки из «Цветущей розы», как и прочие дамы в крепости, завалили её пелёнками и распашонками, изготовленными в соответствии с прямизной рук дарительниц — кто просто корявенько подрубил края, а кто вышил шёлком целые гирлянды цветов пополам с фамильными оберегами).

— Что, без меня их разнимать некому было? — фыркнула она, представив лабораторные войны двух подростков.

— Она сама хочет к тебе в служанки, — то ли возразил, то ли сообщил очевидное Равен. — Стирать, прибираться в доме, чай заваривать, и всё такое. Сама знаешь, скучно ей в твоём подвале.

— Язык почесать не с кем, — ядовито согласилась Камилла. — Ладно, посмотрим. Служанка мне точно понадобится, не Карл же будет стирать пелёнки.

— Купи ты её уже, — посоветовал Каспар. — Знаю, что незаконно, но пока ты строишь из себя законопослушную дамочку, девчонку просто-напросто отдадут богатому старику четвёртой женой. Вон она какая у тебя стала — чистенькая, нарядная, пахнет то лавандой, то айвой. Мечта дряхлого импотента.

Камилла выругалась так, что оба мага одобрительно хохотнули.

— Сколько здесь платят за девочек? — безнадёжно спросила она.

— От козы или двух-трёх одеял до десятка золотых, — уверенно ответил Равен. — Правда, с тебя могут запросить и больше.

— Если запросят больше, — огрызнулась Камилла, — выставлю её отцу счёт за побитую лабораторную посуду.

— У-у, тогда тебе придётся всю их семью покупать, начиная с главы этой семьи.

— Ага. Куплю и съем.

— Язык придержи, — неожиданно серьёзно предупредил Равен, быстро оглянувшись по сторонам. — Хатун Гюрза. Когда уже думать начнёшь, прежде чем ляпнуть что-нибудь эдакое?

— Вот поэтому, — мрачно отозвалась она, — я и собиралась уехать отсюда, как только контракт закончится.

— Да ладно, — легкомысленно отмахнулся Каспар. — Привыкнешь. Пели у вас дурацкую детскую песенку: «Если вы утонете и ко дну прилипнете, года два там полежите, а потом привыкнете»? К здешнему дну вполне можно привыкнуть.

Камилла помедлила, но неохотно кивнула. Ей точно легко не будет нигде. Она же не госпожа сотница. Она подмастерье Коллегии алхимиков. Ведьма бритая. Змеюка.